

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 4

**ГОСУДАРСТВО
И
ПРАВО
2022 – 2**

Издается с 1974 года
Выходит 4 раза в год

DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.00

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Отдел правоведения

Редакционная коллегия серии «Государство и право»:

Алферова Е.В. – гл. ред., канд. юрид. наук (ИНИОН РАН); *Умнова-Конюхова И.А.* – зам. гл. ред., д-р юрид. наук, профессор (РГУП, ИНИОН РАН); *Алеикова И.А.* – канд. юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Афанасьева Е.Г.* – канд. юрид. наук, доцент (юрид. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова); *Андриченко Л.В.* – д-р юрид. наук, профессор (ИЗиСП при Правительстве РФ); *Вакула М.А.* – канд. юрид. наук, профессор (Юрид. ин-т РУДН); *Васильева Т.А.* – д-р юрид. наук (ИГП РАН); *Глотов С.А.* – д-р юрид. наук, профессор (юрид. ф-т МГОУ); *Грудцына Л.Ю.* – д-р юрид. наук, профессор (Ин-т управления образованием РАО); *Егорова М.А.* – д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА)), *Ефременко Д.В.* – д-р полит. наук (ИНИОН РАН); *Коданева С.И.* – канд. юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Кравец И.А.* – д-р юрид. наук, профессор (юрид. ф-т Новосиб. гос. у-т); *Кравчук Н.В.* – канд. юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Красиков Д.В.* – канд. юрид. наук, доцент (Сарат. гос. юрид. акад.); *Лапаева В.В.* – д-р. юрид. наук (ИГП РАН); *Ловцов Д.А.* – д-р техн. наук, профессор (ИТМ и ВТ им. С.А. Лебедева, РГУП); *Пивоваров Ю.С.* – академик РАН (ИНИОН РАН); *Ястребова А.Ю.* – д-р юрид. наук, доцент (Дипломат. акад. МИД России).

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература». Серия 4: «Государство и право» = Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature». Series 4: «State and law».

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ISSN 2219-861X

© «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право»,
информационно-аналитический журнал, 2022

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ : СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Кравец И.А.</i> Юридическое образование в меняющемся мире: публичный дискурс и построение достойного общества. (Статья)	7
<i>Умнова-Конюхова И.А., Алешикова И.А.</i> Современное юридическое образование: актуальные вопросы внедрения цифровых технологий. (Статья)	25
<i>Алферова Е.В.</i> Трансформация юридического образования: размышления ученых о его настоящем и будущем. (Обзор) ...	40
<i>Иванова А.П.</i> Юридическое образование: основные тенденции в развитии. (Обзор)	56
Ключевые направления в юридическом образовании: национальные и международные перспективы / под ред. Э. Джонс и Ф. Коуни. (Реф. кн.)	68
<i>Кравчук Н.В.</i> Новые технологии в клиническом юридическом образовании: от преодоления трудностей к использованию новых возможностей. (Обзор)	77
Размышления о клиническом юридическом образовании: философские и теоретические перспективы / под ред. О. Мэдхлума и Х. МакФола. (Реф. кн.)	90
<i>Красиков Д.В.</i> Об оценке необходимости и перспектив изучения будущими юристами основ компьютерного программирования. (Обзор)	101
<i>Коданева С.И.</i> Развитие учебно-методического обеспечения юридического образования в странах общего права: история и современность. (Статья)	113
<i>Скурко Е.В.</i> Европейское образовательное пространство: особенности юридического образования в Европейском союзе в условиях пандемии, глобализации и брексита. (Обзор)	124

Американское юридическое образование за рубежом: критические истории / под ред. С. Барти и Д. Сандомирски. (Реф. кн.)	138
<i>Власов Г.Д.</i> Проблемы и тенденции юридического образования на Востоке: Китай, Индия, Гонконг. (Обзор)	146
<i>Лужина А.Н.</i> Профессиональное образование в области правосудия в России и Франции: вопросы подготовки, переподготовки и повышения квалификации. (Статья)	157
<i>Захаров Т.В.</i> Новая модель юридической библиотеки и ее роль в юридическом образовании. (Обзор)	170

ТЕОРИЯ ПРАВА

<i>Скурко Е.В.</i> Юридическая логика: ее применение в теории права и практике. (Обзор)	179
<i>Макбрайд М.</i> Неизбежность оценочного характера теории интереса в субъективных правах. (Реф. ст.)	188

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова / отв. ред. Е.А. Суханов и А.Е. Шерстобитова. (Реф. кн.)	194
<i>Крысанова Н.В.</i> Институт судебного примирения в различных правопорядках. (Обзор)	204

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС. КРИМИНОЛОГИЯ

<i>Алферова Е.В.</i> Рецензия на книгу: Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика: монография / В.К. Андрианов, Н.В. Генрих, Д.А. Дорогин, Ю.Е. Пудовочкин, А.А. Толкаченко; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю.Е. Пудовочкина	213
<i>Дэвис Дж., Лорд Н.</i> Рецензия на книгу: Справочник по пищевой преступности: аморальные и незаконные практики в пищевой промышленности и что с ними делать / под ред. Э. Грей и Р. Хинча. (Реф.)	225

CONTENTS

ISSUE THEME

LEGAL EDUCATION IN THE ERA OF DIGITALIZATION AND GLOBALIZATION : COMPARATIVE STUDIES

<i>Kravets I.A.</i> Legal education in a changing world: public discourse and building a decent society. (Article)	7
<i>Umnova-Konyukhova I.A., Aleshkova I.A.</i> Modern legal education: topical issues of the introduction of digital technologies. (Article)	25
<i>Alferova E.V.</i> Transformation of legal education: reflections of scientists on its present and future. (Review)	40
<i>Ivanova A.P.</i> Legal education: the main trends in development. (Review)	56
Key directions in legal education: national and international perspective / ed. by Emma Jones and Foina Cownie. (Book summary)	68
<i>Kravchuk N.V.</i> New technologies in clinical legal education: from overcoming circumstances to use of possibilities. (Review)	77
Thinking about clinical legal education: philosophical and theoretical perspectives / ed. by O. Madhloom, H. McFaul. (Book summary)	90
<i>Krasikov D.V.</i> On the assessment of the need and prospects for future lawyers to study the basics of computer programming. (Review)	101
<i>Kodaneva S.I.</i> Development of educational and methodological support of legal education in common law countries: history and modernity. (Article)	113
<i>Skurko E.V.</i> European educational space: features of legal education in the European Union in the context of the pandemic, globalization and Brexit. (Review)	124
American legal education abroad: critical histories / ed. by S. Barthe and D. Sandomierski. (Book summary)	138

<i>Vlasov G.D.</i> The problems and trends of the legal education in the Orient : China, Hong Kong, India. (Review)	146
<i>Luzhina A.N.</i> Professional education in the field of justice in Russia and France: questions of training, retraining and advanced training. (Article)	157
<i>Zakharov T.V.</i> The new model of the law library and its role in legal education. (Review)	170

THEORY OF LAW

<i>Skurko E.V.</i> Legal logic: its application in the theory of law and practice. (Review)	179
<i>Mcbride M.</i> The unavoidability of evaluation for interest theories of rights. (Article summary)	188

CIVIL LAW AND PROCESS

<i>Problems of implementation and protection of civil rights: collection of articles on the 100 th anniversary of the birth of professor V.P. Griбанov / ed. E.A. Sukhanov and A.E. Sherstobitov. (Book summary) .....</i>	194
<i>Krysanova N.V.</i> Institute of judicial reconciliation in various legal systems. (Review).	204

CRIMINAL LAW. CRIMINOLOGY

<i>Alferova E.V.</i> Book review: Exemption from criminal liability: theory, law, practice : monograph / V.K. Andrianov, N.V. Henrikh D.A. Dorogin, Yu. E. Pudovochkin, A.A. Tolkachenko; ed. by doctor of law, prof. Yu. E. Pudovochkin	213
<i>Davies J., Lord N.</i> Book review: A handbook of food crime: immoral and illegal practices in the food industry and what to do about them / ed. A. Gray and R. Hinch. (Abstract)	225

ТЕМА НОМЕРА

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 340.5

DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.001

КРАВЕЦ И.А.¹ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС И ПОСТРОЕНИЕ ДОСТОЙНОГО ОБЩЕСТВА. (Статья).

Аннотация. В статье анализируются книги, выпущенные издательством Routledge в серии «Формирующееся юридическое образование» («Emerging Legal Education»), в которых исследуются проблемы современного юридического образования в глобальном контексте, новые методы исследования, образовательные технологии, их влияние на развитие юридического образования в России и во многих странах; отмечается, что в условиях развития техногенной цивилизации и процессов глобализации юридическое образование может выполнять миссию содействия построения более достойного и справедливого общества, формируя институт «юридического служения» обществу.

Ключевые слова: юридическое образование; образовательные технологии; глобализация; клиническое юридическое образование; pro bono publico.

KRAVETS I.A. Legal education in a changing world: public discourse and building a decent society. (Article).

---

¹ © *Кравец И.А.*, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права, Институт философии и права, Новосибирский государственный университет, доктор юридических наук, профессор.

Abstract. The article is a detailed review of the books published in the series «Emerging Legal Education» by the Routledge publishing house, discusses the problems of modern legal education in a global context, new research methods, educational technologies, their impact on the development of legal education in Russia and in many countries. It is noted that in the context of the development of technogenic civilization and the processes of globalization, legal education can fulfill the mission of contributing to building a more dignified and just society, forming the institution of «legal service» for society.

Keywords: legal education; educational technology; globalization; clinical legal education; pro bono public.

Для цитирования: Кравец И.А. Юридическое образование в меняющемся мире : публичный дискурс и построение достойного общества. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 7–24. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.01

Юридическое образование в XXI в. призвано соединять традиции и инновации для успешного включения юристов, профессоров права, специалистов с широким набором юридических знаний в процесс управления общественной и государственной деятельностью, эффективной юридической практикой, улучшения правового пространства со множеством пересекающихся интересов в целях предупреждения и разрешения юридических конфликтов и коллизий с перспективой понимания задач человеческой деятельности в усложняющихся отношениях человека и природы, человека и общества, человека и государства, человека и новых технологий. В международном исследовании «Ключевые направления юридического образования: национальные и международные перспективы», вышедшем в серии «Юридическая педагогика» («Legal Pedagogy»), среди ключевых тем современного юридического образования называются проблема «давления на юридические школы со стороны внешних заинтересованных сторон», более широкое развитие «междисциплинарных подходов и сотрудничества в рамках юридического образования», что свидетельствует о процессах неизбежной глобализации и интернационализации многих элементов юридического образования; обсуждаются векторы «эволюции дискурсов вокруг преподавания, изучения и получения

юридических навыков», успехи и трудности развивающегося во многих странах мира «клинического юридического образования как компонента юридического образования» (особенно в Великобритании и США), а также вопросы «появления и использования инновационных технологий в преподавании права», включая цифровые и онлайн-технологии¹.

Юридическое образование меняется в современном мире. Глобализация создает новые вызовы для юридического образования, многие страны, включая страны БРИКС, стали расширять и модернизировать свои системы высшего юридического образования. По мнению отечественных исследователей, Россия в сравнении с тремя другими странами БРИКС «не смогла успешно реформировать юридическое образование и в соответствии с тенденциями юридического образования во всем мире». Авторы исследования полагают, что «несмотря на неблагоприятные обстоятельства, в юридическом образовании в России за последние десять-пятнадцать лет видны значительные положительные сдвиги»². Юридическое образование призвано не только расширять сферу образовательной капитализации знаний в различные сегменты общественного, государственного, экономического и социального развития под влиянием внутренних потребностей и процесса глобализации. Оно может выполнять миссию содействия построения более *достойного и справедливого общества*, формируя кадровый потенциал современных политических и экономических элит и институт «*юридического служения*» обществу.

Признание юридического образования важной сферой формирования высокообразованного специалиста, занимающегося государственными и социальными процессами, понимающего цели и задачи общественных и правовых преобразований, требует учета мировых и национальных трендов в подготовке юридических кадров, освоения новых технологий цифрового и информаци-

---

¹ См.: Key directions in legal education: national and international perspectives / ed. by E. Jones, F. Cowrie. – 1st. – London : New York : Routledge, 2020. – P. 17–34. (Подробнее рефераты этой книги и некоторых других книг см. в данном номере ИАЖ «Государство и право»).

² Vinnichenko O., Gladun E. Legal education in the BRICS countries in the context of globalization : a comparative analysis // BRICS law journal. – 2018. – Vol. 5, N. 3. – P. 4, 36–38.

онного характера, включенности в процесс создания гибридных феноменов, когда право и технологии развиваются коэволюционно, взаимно обогащая и формируя новые риски для человечества. По мнению Д. Малешина, «настало время поиска новой миссии, изучения места и роли юридического образования в меняющемся мире». Стоит согласиться с тем, что «вряд ли существует универсальная модель совершенствования всех систем юридического образования» в глобальном контексте. Очевидно, что вернее «говорить не о проблемах или кризисе юридического образования», а прежде всего о вызовах, с которыми сталкивается юридическое образование и которые необходимо преодолеть¹. Другие исследователи отмечают значительный диссонанс между практическими аспектами профессиональной юридической этики и академическим процессом преподавания профессиональной этики (на материалах России). По результатам их социологического опроса «практикующие юристы понимают профессиональную этику не как набор абстрактных максим, а как оптимальные формы поведения, позволяющие сбалансировать личные интересы и интересы юридического сообщества». В то же время курсы этики на юридических факультетах часто преподаются «в последовательности философских дисциплин и посвящены реферативному рассмотрению учений о нормах поведения и нравственности»². Юридическое образование – сложный и трудоемкий процесс получения знаний и навыков, требующий понимания не только юридической теории и практики, но и навыков коммуникации, творческого мышления, осознания множественности ситуаций с юридическими и социальными конфликтами.

Юридическое образование независимо от юрисдикций (национального, межрегионального или глобального аспектов) формирует профессиональные знания и навыки, подтверждающие, что право – это одна из тех областей «высокоученых» знаний, освоение которой связано с использованием различных приемов и методов как в сфере высокой теории, принципов права, так и в

---

¹ Maleshin D. The crisis of Russian legal education in comparative perspective // Journal of legal education. – 2017. – Vol. 66, N 2. – P. 289–290.

² Shepeleva O., Novikova A. The quality of legal education in Russia: The stereotypes and the real problems // Russian law journal. – 2014. – Vol. 2, N 1. – P. 106, 118–120.

различных сферах юридической практики. Авторы многоплановой книги «Власть, юридическое образование и культура юридических школ» небезосновательно рассматривают проблему оценки юридического образования как «нейтральной среды» во многих демократических государствах; исследователям представляется «чрезмерно идеалистическим» предположение о том, что получившие юридическое образование «со временем юристы, судьи и администраторы формируют правовую систему, обеспечивающую беспристрастное и справедливое отношение к большинству людей»¹. Как одна из «ученых» профессий, требующих углубленного обучения и высоких принципов, право обоснованно занимает особое положение в обществе. Однако насколько оправданными становятся ожидания в отношении носителей юридического образования: «в обмен на свой статус и ранг юридическая профессия будет демонстрировать высочайший уровень честности, доверия и нравственности – тех самых ценностей, лежащих в основе самой правовой системы». Культура различных юридических школ «хранит скрытую динамику, которая не так легко доступна исследователям, но требует более глубокого анализа и исследования», в том числе проблемы неравенства, «блокирования рассмотрения альтернативных концептуализаций» в области права, существования «невидимых процессов», способствующих «непризнанным образом» созданию «иерархии и исключений» в процессе получения юридического образования (например, проблема вхождения в юридическую профессию цветных студентов в американских юридических школах, проблема «неблагоприятной интеграции чернокожих студентов в доминирующие культуры или центры власти»²). Представляется важным формировать культуру юридических школ в границах различных юрисдикций не только с учетом приоритетов общенациональных (государственных) интересов, потребностей развития национального юридического образования, но и культурно-правового диалога между доминирующей культурой и культурными особенностями различных представи-

---

¹ Power, legal education, and law school cultures / ed. by Meera E. Deo, Mindie Lazarus-Black, Elizabeth Mertz. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2019. – P. 1.

² Ibid. – P. 2–3.

телей юридического сообщества как в лице профессоров права, студентов, слушателей, так и будущих клиентов и потребителей юридических услуг в нашем многообразном и культурно дифференцированном мире. Среди задач юридического образования в XXI в., несомненно, важное место занимает поощрение правового плюрализма и международное признание различных практик в сфере юридического образования, содействующих лучшему пониманию «работы права» для различных сегментов общества, продвижению доступности юридических услуг и всемерному развитию юридической грамотности среди социальных групп и слоев, которые признаются наиболее уязвимыми в условиях формирования цифровой, информационной реальности техногенной цивилизации.

Актуальным для развития юридического образования в современном мире является вопрос о его способности продвигать построение более справедливого общества. Однако существует оправданный скептицизм: насколько консерватизм юридического мышления может этому способствовать? Как отмечают исследователи Брюс Андерсон и Ким Морган в своей работе «За пределами текста: критика и творчество»¹, существуют объективные трудности преодоления стандартов юридического мышления; расширить «горизонты юридического образования и мышления» способны техники и практики из области искусства. Они подчеркивают, что «помещение юридических текстов в центр права привело к рабской зависимости от письменного слова». Телеологичность юридического образования не создает необходимый интеллектуальный каркас для осмысления ценности юридической профессии в сложном социальном контексте. По их мнению, «юридическое образование направлено на то, чтобы подчеркнуть технические навыки профессии»; «выпускники юридических факультетов не проявляют ни интереса, ни способности размышлять о методах и ценностях своей профессии»; «дисциплины, выходящие за рамки юридических текстов», имеют отношение к юристам только в той мере, в какой они могут быть «использованы для поддержки их

---

¹ См.: Anderson B., Morgan K. Beyond the text: critique and creativity // The arts and the legal academy beyond text in legal education / ed. by Zenon Bankowski, Maksymilian Del Mar, Paul Maharg. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2016. – P. 213–223.

аргументации» в суде или иной юридической практике. Основная опасность «для юридической науки» заключается в том, что «она сосредоточивается на устранении доктринальных несоответствий или расчете юридической тактики, наиболее подходящей для продвижения прогрессивной политики». Освоение навыков дизайнерского мышления, нравственного воображения и других практик из области искусства могут «помочь студентам юридических факультетов, юристам и судьям выйти за рамки своих текстов и заняться более вдумчивой и критически рефлексивной практикой»¹, содействующей формированию более справедливого общества, в котором юристы призваны играть более заметную роль.

Книга Ричарда Граймса «Публичное (общественное) юридическое образование. Роль юридических вузов в построении более грамотного в юридическом плане общества» вносит важный вклад в развитие публичного дискурса в юридическом образовании с позиций его влияния на различные сегменты общества, в том числе в контексте поощрения повышения юридической грамотности в тех социальных сегментах, где существует дефицит профессионального юридического образования. Это в определенной степени «*право для жизни*», которое необходимо для широких социальных слоев. Автор правомерно ставит вопрос о том, что в современном мире немногие государства в лице их правительств поощряют развитие общественного юридического образования (англ. *PLE*), которое в российском образовательном языке нередко именуется правовым просвещением. Исследование направлено попутно и на обсуждение проблемы нехватки юридических знаний и навыков у населения; для решения этой проблемы во многих странах нужны комплексные меры, но даже в развитых странах со значительным числом высококвалифицированных юридических кадров (таких, как США, Великобритания, страны континентальной Европы) программы общественного юридического образования (англ. *PLE*) в юридических школах и юридических факультетах содействуют росту юридических знаний и навыков среди не-юристов. Как показывают исследования, 67 юридических школ из числа опрошенных

---

¹ См.: Anderson B., Morgan K. Beyond the text: critique and creativity // The arts and the legal academy beyond text in legal education / ed. by Zenon Bankowski, Maksymilian Del Mar, Paul Maharg. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2016. – P. 213–214.

(84%) ввели программы общественного юридического образования в Великобритании¹; «более 60% юридических школ только в Соединенном Королевстве проводят курсы правовой грамотности для населения»², в основном используя метод или программу «Уличного права» (*Street Law*), однако книга обращает внимание и на другие формы общественного юридического образования. Автор исследования полагает, что большинство правительственных инициатив в области развития общественного юридического образования (англ. *PLE*) на сегодняшний день кажется желательным, а не недостижимым, поэтому важное значение приобретает публичный отклик юридических школ ввести образовательные программы общественного юридического образования (англ. *PLE*).

Книга Ричарда Граймса, изданная издательством Routledge в серии «Emerging Legal Education», знаменует собой новый поворот в исследовании юридического образования в современном мире. Всего в данной серии с 2016 по 2022 г. вышло 14 книг по различным проблемам юридического образования, в том числе по вопросам взаимодействия с наукой, практико-ориентированными исследованиями, формирования позитивных профессиональных идентичностей; в изданиях осмысливается значимость современных форм и методов юридического образования для улучшения повседневной юридической практики и исследований в области права как в национальных масштабах отдельных стран, так и в глобальном аспекте распространения различных моделей юридического образования. Данную серию следует признать весьма продуктивной англоязычной площадкой для формирования *научного и общественного форума в целях обсуждения проблем и потребностей современного юридического образования* в системе развития тео-

---

¹ См.: The LawWorks law school pro bono and clinic report / D. Carney, F. Dignan, R. Grimes, G. Kelly, R. Parker. – London, 2014. – P. 20. (Следует отметить, что «LawWorks» – это благотворительная организация, работающая в Англии и Уэльсе для взаимодействия юристов-добровольцев и людей, нуждающихся в юридических консультациях, которые не имеют права на юридическую помощь и не могут позволить себе платить, а также с некоммерческими организациями, которые их поддерживают.) – *Прим. авт. – И. К.*

² См.: Grimes R. Public legal education. The role of law schools in building a more legally literate society. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2021. – P. 2.

ретических образовательных, исследовательских и практико-ориентированных знаний. Как отмечается на интернет-странице серии книг издательства Routledge, – «это форум для анализа дискурса юридического образования и создания инновационных способов изучения права»¹. Серия книг фокусирует внимание на «исследованиях, теории и практике юридического образования, обращая внимание на исторические, междисциплинарные и международные особенности»; она основана на творческом и сложном образовательном мышлении. Серийные книги соединяют теорию и практику юридического образования во многих странах и написаны для международной аудитории; они «учитывают разнообразие контекстов, в которых право преподается, изучается и практикуется».

По годам издание книг распределяется неравномерно: 1) в 2016 г. пик активности – издано пять книг с разнообразной тематикой²; некоторые из них были переизданы в издательстве Routledge после первой публикации в 2013–2014 гг. в издательстве Ashgate Publishing Company; 2) в 2017 г. издано три книги (в том числе переиздание 2011 и 2014 г. в издательстве Ashgate Publishing Company)³; 3) в 2019 г. вышли в свет три книги по вопросам юри-

---

¹ Routledge. Book series. Emerging Legal Education. – URL: <https://www.routledge.com/Emerging-Legal-Education/book-series/ELE?pd=published,forthcoming&pg=1&pp=24&so=pub&view=list> (дата обращения: 01.02.2022).

² См.: Promoting law student and lawyer well-being in Australia and beyond / ed. by Rachel Field, James Duffy, Colin James. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2016. – 238 p.; Law and leadership integrating leadership studies into the law school curriculum / ed. by Paula Monopoli, Susan McCarty. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2016. – 324 p.; The calling of law. The pivotal role of vocational legal education / ed. by Fiona Westwood, Karen Barton. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2016. – 242 p.; The moral imagination and the legal life. Beyond text in legal education / ed. by Zenon Bankowski, Maksymilian Del Mar. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2016. – 288 p.; The arts and the legal academy Beyond text in legal education / ed. by Zenon Bankowski, Maksymilian Del Mar, Paul Maharg. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2016. – 248 p.

³ См.: Legal education. Simulation in theory and practice / ed. by Caroline Strevens, Richard Grimes, Edward Phillips. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2017. – 304 p.; Affect and legal education. Emotion in learning and teaching the law / ed. by Caroline Maughan, Paul Maharg. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2017. – 338 p.; Legal education in the global context. Opportunities and challenges / ed. by Christopher Gane, Robin Hui Huang. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2017. – 342 p.

дического образования, в том числе анализ современного состояния юридического образования, как его необходимо концептуализировать в контексте современной исследовательской парадигмы¹; обсуждается и проблема «существования мифа, связанного с юридическим образованием во многих демократиях»: а именно вопроса о том, как «иерархия власти и культурные нормы формируют и поддерживают неравенство в юридическом образовании», какие факторы «способствуют непризнанным образом иерархии и исключению» в юридическом образовании?²; 4) в 2021 г. опубликованы две книги, одна из которых под символическим названием «Лучшее право для лучшего мира»³, вторая – «Публичное (общественное) юридическое образование. Роль юридических вузов в построении более грамотного в юридическом плане общества»⁴; 5) в 2022 г. издана книга «Размышления о клиническом юридическом образовании. Философские и теоретические перспективы»⁵ и в планах издание второй книги «Дизайн в юридическом образовании», которая будет обращена к исследованию роли дизайнера в улучшении юридического образования и юридической практики; авторы предлагают для размышления новую область исследований –

---

¹ См.: *Educating for well-being in law. Positive professional identities and practice* / ed. by Caroline Strevens, Rachael Field. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2019. – 216 p.; *Imperatives for legal education research. Then, now and tomorrow* / ed. by Ben Golder, Marina Nehme, Alex Steel, Prue Vines. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2019. – 306 p.; *Power, legal education, and law school cultures* / ed. by Meera E. Deo, Mindie Lazarus-Black, Elizabeth Mertz. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2019. – 316 p.

² См.: *Power, legal education, and law school cultures* / ed. by Meera E. Deo, Mindie Lazarus-Black, Elizabeth Mertz. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2019. – P. 1–2.

³ См.: *Curran L. Better law for a better world new approaches to law practice and education.* – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2021. – 336 p

⁴ См.: *Grimes R. Public legal education / The role of law schools in building a more legally literate society.* – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2021. – 196 p.

⁵ См.: *Thinking about clinical legal education. Philosophical and theoretical perspectives* / ed. by Omar Madhloom, Hugh McFaul. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2022. – 284 p.

«юридический дизайн», он понимается как «применение методов, основанных на дизайне, в юридической практике»¹.

В опубликованных издательством Routledge книгах круг поднимаемых проблем вокруг тематики юридического образования в современном мире весьма разносторонний. Среди них можно обратить внимание на следующие, которые, конечно, не исчерпывают все богатство исследований проблематики юридического образования.

Во-первых, это проблема использования различных симуляций в теории и практике юридического образования (книга «Юридическое образование. Симуляция в теории и практике»); обсуждаются пути и способы использования моделирования в качестве «педагогического приема в преподавании и изучении права», проводится анализ того, «как моделирование может быть построено и развито как механизм предоставления и / или оценки юридического образования и смежных предметов»; дается оценка преимуществ и возникающих проблем этого подхода к обучению в юридической сфере². Моделирование в юридическом образовании играет важную роль для формирования практико-ориентированных навыков, как то: в сфере судебного процесса, ведения переговоров в сложных ситуациях урегулирования юридических конфликтов или медиации; в сфере подготовки и принятия юридически значимых решений, разработки проектов правовых актов и т.д. Юридические симуляции активно используются в экспериментальном подходе к юридическому образованию, в том числе через практику юридических клиник, которые существуют во многих странах мира (а в России более 100 юридических вузов и факультетов используют этот инструмент включения эмпирического и практико-ориентированного подхода в учебные программы для бакалавров по юриспруденции). Образовательная ценность юридических клиник постепенно завоевывает всеобщее признание благодаря предоставлению студентам возможности в ходе обучения «применять свои юридические знания и навыки в профессиональных симуляциях», среди

---

¹ Allbon E., Perry-Kessarar A. Design in legal education. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2022. – 280 p.

² См.: Legal education. Simulation in theory and practice / ed. by Caroline Strevens, Richard Grimes, Edward Phillips. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2017. – P. 1–2.

которых ролевые игры и собеседование, консультирование и переговоры, инсценированные судебные процессы и учебные суды в различных видах судопроизводства. Исследователи предлагают философские и теоретические идеи, способные обогатить преподавание и практику клинического юридического образования по всему миру. Клиническое юридическое образование (Clinical Legal Education, «CLE») не имеет общепринятого определения, поэтому авторы книги приняли за основу формулировку, предложенную Европейской сетью клинического юридического образования (ENCLE)¹. Она подчеркивает практический и основанный на опыте подход к юридическому образованию: обучение, которое способствует росту знаний, приобретению личных навыков и ценностей, в то же время содействует социальной справедливости². В литературе обсуждается и проблема применения практико-ориентированных методов в режиме онлайн для юридического образования. Вполне оправданным (в качестве дополнительного способа получения юридических знаний в условиях пандемии) представляется предложение использовать *симуляционные курсы онлайн*; в этом случае студенты могут сначала пройти онлайн-симуляционные курсы и самостоятельно получить информацию о конкретных юридических навыках перед занятием с преподавателем³. Хотя юридические клиники не способны сформировать у студентов глубокие знания по фундаментальным проблемам юриспруденции, однако их распространение свидетельствует о важности овладения практическими юридическими навыками.

Во-вторых, это проблема переосмысления традиционных подходов к обучению праву. Она поднимается в книге «Нравственное воображение и правовая жизнь. За пределами текста в

---

¹ European Network for Clinical Legal Education. – URL: <https://www.enclle.org/> (дата обращения: 01.02.2022).

² См.: Thinking about clinical legal education. Philosophical and theoretical perspectives / ed. by Omar Madhloom, Hugh McFaul. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2022. – P. 1–6.

³ См.: Voskobitova M.R. Online simulations for teaching professional legal skills // Kutafin law review. – 2021. – Vol. 8, N 4. – P. 519–521, 522, 543–544.

юридическом образовании»¹. Как известно право очень часто рассматривается как дисциплина, основанная на юридических текстах; она связана с их пониманием, толкованием, применением, вокруг которых и формируется цепочка интеллектуальных знаний и практических навыков в повседневной юридической практике. *Текстуальные методы* обучения преобладают в современном юридическом образовании, хотя и не являются единственно возможными. Исследователи предлагают учитывать в юридическом образовании иные ресурсы (источники), помимо собственно юридических текстов, для «развития нравственного воспитания в юридических школах и юридических фирмах». К таким источникам знаний (*«нетекстовым ресурсам»*) предлагают относить ресурсы «изобразительного и исполнительского искусства», так как они «могут питать воображение, необходимое для противостояния этическим сложностям конкретных ситуаций». В такой же степени исследователи пытаются сосредоточить внимание «на нравственном измерении юридического образования», опираясь на мнения и практику широкого круга теоретиков и ведущих преподавателей в области права из Великобритании и США.

В-третьих, это взаимосвязанные с предшествующей проблемой вопросы влияния искусства на юридическое образование в книге «Искусство и юридическая академия: за пределами текста в юридическом образовании»²; эта книга дополняет исследование «Нравственное воображение и правовая жизнь». В «западной культуре, – как утверждают авторы книги, – в праве преобладает текстовая репрезентация»: письменный и печатный дискурс доминирует, потому что именно печатное слово несет знания о праве и его формах. Однако современное искусство предоставляет набор методик и практик, которые обогащают процесс освоения юридических знаний и могут содействовать формированию креативно мыслящих юристов и специалистов в различных областях юридической практики. *Техники игры и «кинестетической эмпатии» мо-*

---

¹ The moral imagination and the legal life. Beyond text in legal education / ed. by Zenon Bankowski, Maksymilian Del Mar. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2016. P. 1–5.

² The arts and the legal academy beyond text in legal education / ed. by Zenon Bankowski, Maksymilian Del Mar, Paul Maharg. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2016. – P. 7–12.

гут влиять на формирование коммуникативных навыков и морального воображения. Наряду с широко распространенными в юридическом образовании процессуальными играми (игра, имитирующая различные виды судопроизводства: административное, арбитражное, гражданское, конституционное и уголовное) могут использоваться практики «кинестетической эмпатии» в процессе обучения студентов юридических школ и факультетов. Оригинальные взгляды представлены в работе Софии Ликурис и Уэнди Тиммонса «Физическая грамотность в юридическом образовании: понимание физического телесного опыта в танцевальной среде для информирования мыслительных процессов в юридическом образовании» (гл. 3 книги). Так, по мнению Софии Ликурис и Уэнди Тиммонса (весьма амбициозному), «телесные практики, такие как танец, могут способствовать развитию этического и морального мышления»¹. Опираясь на взгляды Лакоффа и Джонсона о «воспитании нравственности», а также исследования А. Бандуры² и Л.С. Выготского³ о влиянии контекста на обучение, София Ликурис и Уэнди Тиммонс исследуют связи между мыслью и действием, а также степень, в которой «практический опыт может быть использован для информирования разума». Авторы утверждают, что занятия, направленные на развитие кинестетической эмпатии, могут помочь студентам-юристам двумя способами: во-первых, они дают им «возможность интуитивно ощутить сложность обмена между людьми»; и, во-вторых, они могут «исследовать варианты, доступные для этой встречи, экспериментируя с изменениями ее физических параметров». Одним из ключевых вариантов является импровизация, применять ее должны уметь будущие юристы в условиях сложных переговоров и оказания юридических услуг. Авторы исследования анализируют, как «физическое импровизационное действие может повлиять на мышление и суждения». Для

---

¹ The arts and the legal academy beyond text in legal education / ed. by Zenon Bankowski, Maksymilian Del Mar, Paul Maharg. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2016. – P. 7, 51, 53–65.

² См.: Bandura A. Social learning theory. – New York : General Learning Press, 1971. – 46 p.

³ См.: Vygotsky L.S. Mind in society. – Cambridge : Harvard Univ. Press, 1978. – 159 p.

них «танцевальная импровизация может помочь стимулировать моральное воображение студентов».

В-четвертых, это формирование глобального движения (начатое и распространяемое под влиянием американского опыта, прежде всего, в странах «общего права», но не только) в поддержку правового просвещения среди лиц, не имеющих юридического образования, с обязательным участием юридических школ (юридических вузов и факультетов). В основе этого движения лежит революционная идея о том, что «все люди, а не только юристы, должны знать и понимать право». Существует ясно осознаваемая связь между публичным (общественным) юридическим образованием и движением за гражданские права в 1970-х годах в Соединенных Штатах Америки, в рамках которого подчеркивалась «необходимость практических юридических знаний для не-юристов»¹. В современном обществе с различным уровнем социальной обеспеченности и доступности юридического образования программы общественного юридического образования во многих странах применяются с использованием преподавателей юридических вузов и студентов-юристов для предоставления юридической помощи благотворительным организациям; гражданам, не имеющим возможности оплачивать юридические услуги; лицам, отбывающим в местах заключения уголовное наказание в виде лишения свободы и др.

Усилиями сторонников распространения юридического образования в непрофессиональной и неюридической среде создан и с 2017 г. издается Международный журнал публичного (общественного) юридического образования («International Journal of Public Legal Education») в Университете Нортумбрии, Великобритания (Northumbria University, United Kingdom). В современном мире ширится сфера оказания бесплатной юридической помощи в различных странах; программы общественного юридического образования могут рассматриваться и как одна из разновидностей программ «Pro bono» (от лат. *pro bono publico* «ради общественного блага»). Такие программы могут быть инициированы не только

---

¹ Wallace A.L. Review: Public legal education – The role of law schools in building a more legally literate society (Routledge 2021) // International journal of public legal education. – 2021. – Vol. 5, N 1. –P. 132–133.

юридическими школами (вузами), но и юридическими фирмами и благотворительными организациями. Главное в таких программах – оказание профессиональной помощи благотворительным, общественным и иным некоммерческим организациям, а также обычным гражданам на безвозмездной основе. Для pro bono характерной чертой является оказание профессиональной помощи, например, юридической помощи нуждающимся категориям граждан. Программы «Pro bono» в юридической сфере действуют в США, Великобритании, Германии, Голландии, Индии, Италии, Франции, Турции и Южной Корее и др. Например, «Pro Bono Net» американская некоммерческая организация, которая сама не предоставляет юридических консультаций, однако занимается расширением доступа к правосудию и меняет подход к оказанию юридической помощи малоимущим с помощью инновационных технологий и сотрудничества. На территории 50 штатов США «Pro Bono Net» связывает юристов-добровольцев (*юридических волонтеров*) с практикой предоставления юридической помощи на безвозмездной основе; предоставляет людям юридические инструменты, которые дают им возможность помочь себе; укрепляет потенциал некоммерческих организаций по оказанию юридической помощи; увеличивает доступность правовой информации и направлений для общественности¹. Создана и используется для предоставления бесплатной юридической помощи такая программа и в России при поддержке компании Legal Lab Pro («Pro Bono Russia»)².

По мнению автора книги «Публичное (общественное) юридическое образование. Роль юридических вузов в построении более грамотного в юридическом плане общества» Ричарда Граймса, признанного экспертом в данной сфере, юридические школы (юридические вузы) в большей степени несут ответственность за распространение общественного юридического образования нежели какие-либо другие институты. Он утверждает, что основное внимание в книге «уделяется тому, почему и как юридическая школа может активно участвовать в общественном юридическом

---

¹ Pro Bono Net. Connecting Justice Communities. – URL: <https://www.connectingjusticecommunities.com/> (дата обращения: 01.02.2022).

² Pro Bono Russia. – URL: <https://pro-bono.club/> (дата обращения: 01.02.2022).

образовании (PLE) на благо целого ряда заинтересованных сторон, включая, конечно, студентов-юристов, но особенно помогая членам общества в целом»¹. Очевидно, что выборные институты современной конституционной демократии также содействуют развитию юридических знаний среди населения, которое в качестве избирателей должны разбираться в законах и иных актах, иницируемых правителями.

Как отмечает исполнительный директор *Street Law, Inc.* Ли Арбетман в предисловии, книга будет содействовать продвижению на глобальном уровне стратегии просвещения «не юристов в области права» и ее материалы направлены на достижение этого «посредством программ с участием юридических школ»². Это движение переплетается со многими другими: доступ к правосудию, господство права, клиническое юридическое образование, образование в области прав человека и гражданское образование.

Синописис книги следующий. В книге шесть глав: «1. *Предыстория и контекст*»; две главы посвящены предоставлению общественного юридического образования: «2. *Общественное юридическое образование (PLE). Часть 1*» (дается общий анализ), а вторая глава: «3. *Общественное юридическое образование (PLE). Часть 2*» конкретно посвящена «Уличному праву» («Street Law»); глава «4. *Включение общественного юридического образования (PLE) в юридическую школу*» анализирует вопросы распространения программы PLE в юридических школах (вузах); глава «5. *Оценка программ общественного юридического образования (PLE)*»; глава «6. *Выводы: “Не верьте мне на слово!”*» (содержит краткие размышления ряда практиков в сфере PLE); есть приложение в виде материалов кейсов (case study) для обучения по программе общественного юридического образования. Данная книга, несомненно, может выполнять и функцию учебного пособия для введения программы по общественному юридическому образованию.

В 2017 г. опубликована статья (с участием автора рецензируемой книги), где отмечается, что программа «Street Law» и другие программы общественного юридического образования (англ.

---

¹ Grimes R. Public legal education. The role of law schools in building a more legally literate society. – Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2021. – P. 1–2.

² Ibid. – P. VI–VIII.

PLE) являются наиболее многочисленными видами деятельности, которыми занимаются 84% юридических школ в Великобритании, работающих на общественных началах¹.

Подводя итог обзору научной литературы по вопросам современного юридического образования, следует отметить, что многие проблемы являются актуальными для *российской образовательной юриспруденции*: 1) проблема более широкого вовлечения юридических клиник, созданных в российских вузах, в программы «Pro Bono» для целей охвата более разносторонней категории населения; 2) проблема увеличения заинтересованных сторон (вузов, факультетов) в использовании программ общественного юридического образования в системе российского высшего образования наряду с клиническим юридическим образованием; 3) проблема оправданного использования цифровых и онлайн-технологий в юридическом образовании, в том числе создание цифровых платформ для общественного юридического образования и предоставления бесплатной юридической помощи; 4) проблема включения в образовательный процесс подготовки юристов дизайнерских и иных инновационных технологий для формирования более ответственных в публичном и социальном контексте юристов, участвующих в построении достойного и справедливого общества.

---

¹ Dignan F, Grimes R, Parker R. Pro Bono and clinical work in law schools: summary and analysis // Asian journal of legal education. – 2017. – Vol. 4, N 1. – P. 5.

УМНОВА-КОНЮХОВА И.А.¹, АЛЕШКОВА И.А.² СОВРЕМЕННОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ. (Статья).

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы внедрения цифровых технологий в систему образования, в том числе при подготовке юристов. Делается попытка оценить плюсы и минусы цифровой образовательной среды. Анализируются позиции ученых, которые предлагают новые методы и способы организации юридического образования, стимулирования учебно-познавательной деятельности обучающихся, овладения ими знаниями, умениями и навыками, развития творческих способностей и нравственно-этических взглядов. Особенно подчеркивается, что при введении цифровой модели образования необходимо существенное внимание уделять сохранению классических ценностей и целей юридического образования, а также развитию культуры взаимодействия через цифровые системы, умению сочетать меры безопасности по сохранению персональных данных и охраняемых законом видов тайн, формированию именно аналитического, а не механического мышления.

Ключевые слова: юридическое образование; преподавание права; цифровая образовательная среда; дистанционное обучение; цифровая культура.

---

¹ Умнова-Конюхова И.А., руководитель направления конституционно-правовых исследований Центра исследования проблем правосудия Российского государственного ун-та правосудия, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, доктор юридических, профессор.

² Аleshkova И.А., старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических, доцент.

UMNOVA-KONYUKHOVA I.A., ALESHKOVA I.A. Modern legal education: topical issues of the introduction of digital technologies. (Article).

Abstract. Topical issues of the introduction of digital technologies into the education system, including in the training of lawyers, are considered. An attempt is made to assess the pros and cons of the digital educational environment. The positions of scientists who propose new methods and ways of organizing legal education, stimulating the educational and cognitive activity of students, mastering their knowledge, skills and abilities, developing creative abilities and moral and ethical views are analyzed. It is especially emphasized that when introducing a digital model of education, it is necessary to pay significant attention to the preservation of classical values and goals of legal education, as well as the development of a culture of interaction through digital systems, the ability to combine security measures to preserve personal data and legally protected types of secrets, the formation of analytical, not mechanical thinking.

Keywords: legal education; teaching law; digital educational environment; distance learning; digital culture.

Для цитирования: Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Современное юридическое образование: актуальные вопросы внедрения цифровых технологий. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 25–39. DOI: 10.31249/rgravo/2022.02.02

Современная тенденция цифровизации образования: плюсы и минусы. Внедрение цифровых технологий в образовательный процесс меняет его облик, методiku и подходы к организации обучения. На смену традиционным формам образования приходят технологии, предполагающие принципиально иные способы получения и распространения знаний, выработки умений и навыков. Педагоги начали активно внедрять адаптивные, практико-ориентированные учебные программы, построенные на основе таких технологий. Будучи влиятельным сегментом социализации, эти новации прочно вошли в сферу образования и стали инструментом, используемым для обмена информацией и распространения знаний, навыков и компетенций.

Раскрывая плюсы и минусы цифровизации, эксперты, ученые и практики в первую очередь стремятся определить новые понятия и предложить конструктивные решения, связанные с внедрением новых технологий в учебный процесс. К таким понятиям И.М. Максимова относит «цифровую грамотность», которую предлагает не путать с «компьютерной грамотностью»». По ее мнению, «компьютерная грамотность подразумевает наличие навыков работы на компьютере, управление файлами, знание основных понятий информатики, а «цифровая грамотность» определяется набором знаний и умений, необходимых для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов Интернета¹. Автор не признает в качестве синонимов также понятия «цифровое обучение» и «цифровое образование». «Цифровое обучение» предполагает реализацию «цифровой дидактики», созданной для усвоения обучающимися предметных знаний, отработку умений и навыков, в том числе с использованием компьютера. Термин «цифровое образование», часто встречающийся в педагогической литературе, нормативно-правовых документах и в педагогическом обиходе, с точки зрения А.А. Вербицкого, неправилен. Объясняет он это тем, что слово «образование» несет в себе три разных смысла в зависимости от контекста его употребления в речи. Образование:

1) это образовательный ценз конкретного человека, который в ответ на вопрос, какое у него образование, отвечает: общее среднее, профессиональное или высшее;

2) система образования как совокупность образовательных программ, их реализующих образовательных организаций и система управления ими;

3) процесс образования, состоящий из обучения и воспитания в их единстве, как две стороны одной «медали»².

---

¹ См.: Максимова И.М. Цифровизация юридического образования: теоретический аспект // Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – Т. 5, № 18. – С. 246.

² См.: Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». – 2019. – № 1(6). – URL: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019 (дата обращения: 17.01.2022).

Огромное общественное значение образовательного процесса определяет высокую степень ответственности института образования в целом, как и каждого вуза в отдельности¹. Цифровые технологии кардинально изменили взаимодействие педагогов и обучающихся, поскольку «погрузили» и тех и других в новое цифровое образовательное бытие. С.А. Храпов отмечает пять ключевых преобразований: изменение образовательного пространства (полный или частичный перевод занятий в цифровой формат); трансформация роли педагога (от субъекта, конструирующего образовательную ситуацию, до модератора (тьютора) статичного цифрового материала и виртуальной коммуникации); переход на наглядно-образный характер подачи знаний, активизирующий визуальное восприятие, образное мышление (видеоуроки, презентации, тесты); изменение социально-психологического взаимодействия между обучающимися².

Общие ожидания у экспертов, педагогов, ученых и практиков от погружения в цифровой формат обучения состоят в следующем: повышение уровня цифровой и компьютерной грамотности у обучающихся; подготовка конкурентоспособных специалистов, умеющих работать с использованием цифровых технологий и сервисов; сокращение у участников образовательного процесса расхода времени на поиск правовой и научной информации; подготовка востребованных на рынке труда специалистов, самостоятельно анализирующих правовые задачи и принимающих решение при помощи информационных технологий, а также компетентно сочетающих профессиональные и инновационные навыки; стимулирование молодежи к самореализации и др.

Предполагается, что в результате внедрения цифровых систем и технологий в образовательный процесс будут достигнуты следующие результаты: 1) созданы базы данных, содержащие цифровые индивидуальные портфолио выпускника, включающие

---

¹ Балашов Е.Л., Гамбеева Ю.Н. Роль высшего учебного заведения в формировании социальной ответственности молодежи // Педагог XXI века : сб. материалов Второй Всерос. Ассамблеи с междунар. участием, г. Севастополь, 11–13 окт. 2017 г. / отв. ред. И.С. Кусов. – Севастополь, 2017. – С. 9.

² См.: Храпов С.А. Цифровое образование и эмоциональный мир обучающихся // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Философия. – 2021. – № 3(57). – С. 48–54.

не только архивированные данные о достижениях обучающегося, но и сведения, позволяющие работодателю оценить профессиональные компетенции и квалификацию выпускника вуза; 2) разработаны новые методики обучения, в том числе направленные на формирование у обучающихся способностей оперативно реагировать на деструктивные риски в сфере цифровой социальности (киберагрессия, шерентинг, рекрутинг и др.); 3) сформированы умения работать с цифровым документооборотом и др.

В целом, с одной стороны, складывающиеся подходы к обучению и переходу на цифровое обучение воспринимаются как перспективные, способные улучшить доступность и качество образования, с другой – все чаще высказываются опасения, вызванные тем, что у студентов развивается лишь «клиповое мышление», позволяющее выполнять одновременно несколько функций, быстро ориентироваться в изменениях и обновлениях информации, но не развивающее способности конструктивно и обстоятельно решать сложные практические задачи¹. Студенты утрачивают понимание того, что есть этические и культурные моменты в общении. Можно наблюдать поступление электронных обращений в вечернее время и в выходные дни. Часто сложно подойти к преподавателю и обсудить какой-либо вопрос.

Управляя образовательным процессом дистанционно, преподаватель порой не знает, с кем имеет дело. Его роль как наставника утрачивается и переходит в иное качество. У преподавателя появляется новая технологическая функция коммуникатора, объединяющего обучающихся в группы, причем группы формируются не им, а интересом обучающихся к учебной дисциплине. Дистанционная технология изменяет социальный статус преподавателя. Ученая степень и звание, ранее являющиеся показателем уровня подготовки преподавателя, отступают на второй план. Преподаватель востребован в том случае, если он интересен обучающемуся. Виртуальная среда трансформирует статус обучающегося. Он становится потребителем информации, который идентифицируется в цифровом пространстве как виртуальный объект. Соответственно, изменяется этика отношений, в данном случае не человек общает-

---

¹ См.: Гусева С.В. Плюсы и минусы дистанционного обучения // Межрегиональные Пименовские чтения. – 2021. – Т. 18, № 18. – С. 179–184.

ся с человеком, а цифровой образ с подобным объектом. Обучаемый в режиме онлайн не испытывает таких сильных эмоций по отношению к преподавателю, как это происходит в формате очного занятия, это в свою очередь изменяет и отношение к изучаемому предмету, так как в традиционной системе обучения интерес к предмету во многом формирует личность педагога. Перед обучающимся стоит задача самостоятельно оценивать образовательный контент, принимать решение о достоверности получаемой информации, которая превращается в эффективную форму влияния на социокультурные и моральные регулятивные механизмы. Использование обучающимся нужной для него информации формирует систему мотивов деятельности и является базой для становления профессиональных компетенций.

2021 год стал годом напряженной работы для многих университетов из-за коронавируса. Пандемия повлекла за собой перестройку всего учебного процесса и переход на дистанционный формат обучения, по сути, на цифровое обучение. Были организованы разные платформы взаимодействия между преподавателями и студентами, в их числе Zoom и Teams, посредством которых в целом программы были освоены. Многие высшие учебные заведения смогли приспособиться к этим сложным условиям, быстро привлекая необходимые ресурсы и используя инновационный подход. Обучение было реформатировано в цифровой режим работы.

Педагоги высшей школы смогли перестроить свои занятия под дистанционный цифровой формат образовательной деятельности, разработать множество тестовых и казусных заданий для проверки знаний и отработки практических навыков. Особое внимание в дистанционном обучении было уделено организации самостоятельной работы.

Полагаем, что нельзя обучать дистанционно и заменять цифровым образованием отработанный годами классический вариант подготовки специалистов. Безусловно, в дистанционном обучении есть свои плюсы – экономия времени на дорогу, гибкий график работы, экономия средств на транспорт, возможность подключиться к занятиям из практически любой точки мира, где имеется интернет-связь и др. И все же дистанционное обучение предполагает постоянное сидение за компьютером, что приводит к негатив-

ным влияниям на здоровье и зрение человека. В целом дистанционное обучение не дает возможности качественной передачи знаний.

Очевидно, что переход на цифровую модель образования трансформирует модель индивидуального подхода к каждому студенту, в основу которой были первоначально положены гуманистический подход, учет индивидуальных способностей и возможностей обучающегося, поиск альтернативных подходов, способных развивать то уникальное, что есть в каждом человеке исходя из его психотипа. Специалисты в области психологии справедливо отмечают, что нормы поведения людей существуют в виде стандартов поведения и воспроизводятся в поведении без их обязательной сознательной оценки¹. Поскольку нормы, как и ценности, иерархичны, то они также требуют личностного осмысления и идентификации, где огромное значение приобретает духовное развитие. Духовное развитие включает в себя пробуждение потенциальных возможностей, до того скрытых и дремлющих, восхождение сознания в новые области, радикальные преобразования «нормальных» элементов личности и раскрытие новых внутренних измерений, так как сама психологическая природа человека постоянно движет его в направлении личностного роста, творчества и самодостаточности. В связи с этим актуальна потребность в создании виртуальной, цифровой этики – области прикладной этики, включающей морально-философскую рефлексию и нравственную оценку виртуальной коммуникации – подготовки теоретического обоснования норм и принципов, регулирующих поведение людей в цифровой среде, и, главное, создание правовых механизмов, обеспечивающих соблюдение этих норм и принципов. В мире уже появились прецеденты введения ограничений в использовании роботизированных программ для общения с людьми².

Сегодня произошли большие изменения в самой культуре и мировоззрении современного молодого человека, он все более и более оказывается зависимым от электронной среды. Это вызывает опасения. Ведь культуру и культурные ценности создает, сохраняет и передает другим поколениям сам человек. Если все это за-

---

¹ См.: Давыдова И.Н. Психология предназначения : теория и практика. – Москва, 2020. – С. 36–46.

² См.: Максимова И.М. Указ. соч. – С. 244–252

меняется электронной техникой, то вне образовательного процесса оказываются тогда элементы неявного знания, экзистенциальные акценты, индивидуальный опыт и прочее, т.е. все то, что предполагает личное, не формализуемое в принципе.

Соглашаясь с позицией профессора Л.В. Чхутиашвили, что «компьютеры и роботы не заменят человечность в отношениях преподавателя и студентов, живое общение и свободу в образовании, а без этого невозможно высокое качество образования»¹, следует подчеркнуть, что необходимо постоянно искать новые подходы к организации цифрового обучения и форматам его реализации, совершенствовать методику онлайн-образования, создавать новые модели подачи лекционного материала и отработки практических навыков и умений, которые делают цифровую образовательную деятельность более рациональной и продуктивной.

Модернизация юридического образования в условиях цифровизации. Сформировавшаяся система юридического образования в условиях ускоренной цифровизации в XXI в. достаточно сильно отличается по основным параметрам от системы, действовавшей во второй половине прошлого столетия. Как отмечает Эдвард Рубин, профессор права и политологии Университета Вандельбилта, в ближайшие десятилетия цифровая революция, так сильно изменившая наш мир, также изменит юридическое образование.

И она уже изменяет его. За последнее десятилетие технологии, автоматизация, глобализация значительно трансформировали юридическое образование и юридическую практику. Эти новации исследователи называют модернизацией юридического образования² и считают, что цифровизация и электронное распространение учебных материалов окажут сильное влияние как на их содержание, так и на то, как они используются в классах и в библиотеке³. В коллективном труде «Юридическое образование в цифровую эпоху» под ред. Э. Рубина ведущие зарубежные ученые-правоведы

---

¹ Чхутиашвили Л.В. Тенденции развития высшего образования в цифровой экономике // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 1. – С. 21–25.

² См.: Modernizing legal education / ed. by Catrina Denvir. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2020. – P. 166–186.

³ См.: Legal education in the digital age / ed. by Edward Rubin. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2012. – P. VII.

в различных областях юриспруденции обсуждают три актуальных аспекта грядущей трансформации в этой сфере образования: 1) создание цифровых материалов и новой концепции авторства, а также методов производства и распространения юридической информации; 2) влияние цифровизации на юридическую практику; 3) содержание учебных программ¹.

Основным направлением развития цифрового юридического образования является создание государственной информационной системы цифровой образовательной среды, внедрение практики применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при их сочетании с классическими формами проведения учебных занятий, практик, текущего контроля успеваемости, промежуточной, итоговой и (или) государственной итоговой аттестации обучающихся. Цифровые инновации, внедряемые в образовательную среду при подготовке, в том числе юристов, продолжают оставаться одной из актуальных тем научных дискуссий². Ожидается, что будет обеспечена качественная цифровая социализация специалиста, имеющего юридическое образование, и реализована качественная подготовка квалифицированных специалистов, отвечающих новым требованиям и ключевым компетенциям, обладающих навыками пользования ресурсами в информационном пространстве и навыками компетентного решения казусных ситуаций.

---

¹ См.: Legal education in the digital age / ed. by Edward Rubin. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2012. – 354 p.

² См.: Борисов А.В., Корнев А.В., Петручак Л.А. Юридическое образование в России: история, современность, перспективы развития : монография. – Москва, 2015. – 208 с.; Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / Уваров А.Ю., Гейбл Э., Дворецкая И.В. [и др.] ; под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. – Москва : Изд. дом Высшей шк. экономики, 2019. – 342 с.; Дистанционное образование: трансформация, преимущества, риски и опыт [Текст] : материалы I Всерос. науч. практ. конф. (с международным участием), 16–18 дек. 2020 г. – Уфа, 2020. – 590 с.; Информационно-цифровое обоснование современного образования : монография / Бакаева Ж.Ю., Барабанов Д.Н., Имяреков С.М. [и др.]. – Саранск, 2021. – 99 с.; Гриншкун В.В., Краснова Г.А. Современная цифровая образовательная среда: ресурсы, средства, сервисы : монография. – Москва : Проспект, 2021. – 216 с.; Трансформация концептуальных основ подготовки юристов для сферы бизнеса в условиях цифровой экономики : монография / отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова. – Москва : Проспект, 2021. – 240 с. и др.

Одним из целевых показателей, характеризующих уровень профессиональной подготовки юристов, является достижение ими «цифровой зрелости», предполагающей наличие навыков по поиску и анализу цифровой правовой информации, использованию софтов, способных читать и правильно трактовать правовые тексты, находить решение сложных юридических вопросов посредством специальных юридических технологий и программ и др. Несмотря на все разнообразные задачи, которые выполняют юристы в нашем обществе, – разработка законодательства, ведение переговоров о сделках, сбор фактов для судебных разбирательств, управление учреждениями, руководство социальными реформами и т.д. – юридические образовательные учреждения по-прежнему сосредоточены на обучении студентов по учебникам, чтении законов и анализе судебных решений. Однако цифровая революция кардинально изменяет такой подход: научные и учебные электронные библиотеки, а также внешние накопители данных с огромным объемом памяти позволяют хранить и оперативно пользоваться юридическими источниками и иной информацией. Появляются новые виды учебников с гиперссылками и электронными комментариями ученых-юристов. Р. Коллинз из Вашингтонского университета и Д. Сковер, профессор права школы права Университета Сизтла, в статье «Цифровой путь права» описывают способы создания и распространения цифровых учебных материалов¹. По их мнению, цифровой учебник должен начинаться с базы данных первичных, вторичных и междисциплинарных материалов, отредактированных профессионалами. В такие учебники ученые-правоведы, зарегистрировавшиеся у издателя, могут загружать новые материалы, вносить в них дополнения и изменения с учетом нового законодательства, исключать некоторые части и переставлять другие по своему усмотрению. Студентам предоставляется пароль, позволяющий им загружать материалы, в том числе дополнительные, которые они заказали. Этот процесс не только приведет к появлению новых наборов материалов, но, как утверждают Р. Коллинз и

---

¹ Collins R.K.L., Skover D.M. The digital path of the law // Legal education in the digital age / ed. by Edward Rubin. – Cambridge, 2012. – P. 13–34.

Д. Сковер, в конечном счете окажет существенное влияние на структуру и педагогику юридического образования¹.

Однако проблема защиты авторского права в цифровой среде обостряется. На усложнение защиты результатов интеллектуальной собственности, в частности, учебной литературы в цифровом формате, обращают внимание многие эксперты. Энтони Риз, профессор права Калифорнийского университета, в научной статье «Авторское право и инновации в материалах юридического курса» отмечает, что закон об авторском праве должен регулировать и влиять на производство цифровых учебных изданий. Переход на цифровые технологии, отмечает он, создает ряд потенциальных проблем с авторским правом: в отличие от ограниченной и легко контролируемой системы распространения печатных книг, которые выпускаются издателем и продаются отдельными экземплярами, предоставление электронных копий путем передачи может включать несколько этапов воспроизведения, распространения и даже публичного показа².

Подготовка юристов в высшей школе на основе новых цифровых технологий порождает другие проблемы и даже опасения. Тревогу вызывает замена аналитического юридического мышления на механическое. Как пишет Джон Палфри, профессор права Гарвардской школы права, цифровая революция породила поколение молодых людей, в том числе студентов-юристов, чьи мыслительные процессы существенно отличаются от процессов их предшественников³. Эти «цифровые» студенты работают в многофункциональном режиме, обеспечивающем быстрый доступ к большому объему разной информации по темам, которые их интересуют. «Умный учебник юридической школы» («Smarter law school casebooks»), как описывает ее Дж. Палфри, должен соответствовать стилю обучения ее пользователей. Он должен быть технологически продвинутым; ссылаться на широкий спектр вспомогательных или дополнительных материалов, включая визуальные

---

¹ См.: Collins R.K.L., Skover D.M. The digital path of the law // Legal education in the digital age / ed. by Edward Rubin. – Cambridge, 2012. – P. 21.

² Reese A. Copyright and innovation in legal course materials // Legal education in the digital age. – Cambridge, 2012. – P. 60–81.

³ См.: Palfrey J. Smarter law school casebooks // Legal education in the digital age. – Cambridge, 2012. – P. 106–130.

и аудиовизуальные материалы; предоставлять студентам возможность взаимодействовать с этим материалом и друг с другом в специально отведенных группах для заметок или изучения. Автор также размышляет об учебниках, какими они станут в будущем, о методах преподавания, которые вызовет цифровая революция¹.

О формировании нового поколения информационно и технически продвинутых студентов пишет и Грегори Сильверман, адъюнкт-профессор права в юридической школе Университета Сизтла. Ученый также обращает внимание на изменение мышления молодых людей; они быстро обрабатывают информацию, предпочитают графический контент и немедленную обратную связь, регулярно взаимодействуют со своими сверстниками. По его мнению, видеоигры максимизируют обучение. Преподаватели могут создавать такие игры в целях активизации работы студентов в классе, взаимодействия друг с другом при решении юридических задач и тестов, имитировать судебные разбирательства или заключение сделок².

В том же ключе Эндрю Моширния прослеживает, как методология вовлечения, лежащая в основе построения ролевых игр в классическом юридическом образовании, реконструируется в современном игровом дизайне. Он упрекает профессуру в нежелании переносить контент темы в игру, окрашивать ее социальными и культурными практиками³.

При внедрении новых методологий следует учитывать, что, во-первых, сама область юриспруденции и правоведения – это специализация широкого профиля. Во-вторых, юрист призван активно бороться за укрепление законности и правопорядка, основанных на нравственных и иных социальных ценностях, должен быть компетентным профессионалом с чувством долга, воспитанным на конституционных ценностях и обладающим высоким уровнем правовой и социальной культуры.

---

¹ См.: Palfrey J. Smarter law school casebooks // *Legal education in the digital age.* – Cambridge, 2012. – P. 120.

² См.: Silverman G. Law games: The importance of virtual worlds and serious video games for the future of legal education // *Legal education in the digital age.* – Cambridge, 2012. – P. 130–158.

³ См.: Moshirnia A. Ludic legal education from Cicero to Phoenix Wright // *Modernizing legal education.* – Cambridge, 2020. – P. 166–186.

Недооценка классического юридического образования и одновременно возложение больших надежд на его цифровизацию, прослеживаемые в новой литературе, влекут утрату той важной составляющей, которая характерна именно для юридической профессии, – работа в сфере «человек-человек». Ее трансформация в цифровую функцию «человек-код» приведет к обезличиванию, «омашиниванию» обучаемого. В связи с этим наряду с профессиональными компетенциями на стадии обучения юриста необходимо формировать информационно-цифровую культуру и нравственно-психологическую устойчивость от «цифры».

Юридическое образование невозможно без воспитания. Воспитание социализированного юриста, для которого человек – высшая ценность, а конституционный правопорядок – одно из основных направлений его деятельности, – ключевая задача образовательного процесса. Настоящий юрист должен обладать высокой правовой культурой. Правовое воспитание помогает уяснить, что юридическая профессия – одна из статусных и высокоинтеллектуальных. Она – сплав науки, практики и искусства. Это под силу тем, кто готов относиться к учебе как повседневному, напряженному, но интересному и творческому труду.

Важно, чтобы сформировалось убеждение о первостепенности для правоведа не формальных норм, а тех ценностей, которые в них закрепляются. Без внутреннего принятия данных ценностей невозможны внимательное отношение к людям, уважение к морали, праву, закону. Другими словами, в учебном процессе неоправданное первенство отдается знаниям о праве как формальном явлении, где доминируют запреты, ограничения, принуждение. Это искажает миссию права, юристов в обществе¹.

Соответственно требуется пересмотр тех траекторий образования, которые позволяют студентам получать необходимые знания, умения и навыки на основе цифровых технологий и внедрение в них значимого для развития молодого поколения элемента воспитательной деятельности.

Критический взгляд на развитие цифрового юридического образования высказывает М.Л. Гальперин. Свои выводы профес-

---

¹ См.: Шафиров В.М. В защиту юридического образования // Российская юстиция. – 2021. – № 2. – С. 39–42.

сор иллюстрирует многочисленными примерами, пытаясь оценить их в долгосрочной перспективе. На основе исторического опыта, с учетом современных вызовов он делает вывод о том, что юридическое образование неизбежно будет все более дифференцированным и его невозможно будет привести к единому стандарту качества. При этом даже в век информационных технологий и глобальной конкуренции ценности и цели юридического образования должны оставаться неизменными. Только такой подход способен обеспечить его востребованность в будущем¹.

Преподавание права студентам-юристам нужно практиковать с учетом таких базовых компонентов, как: обучение навыкам анализа релевантных фактов; формирование умения оперативно находить нормы права, требуемые для разрешения конкретной казусной ситуации; развитие аналитического, творческого и критического мышления; воспитание уважительного отношения к человеку и окружающему миру; расширение возможности прохождения производственной практики и стажировки студентов в правоохранительных органах, судах, адвокатских образованиях, госучреждениях и частных юридических компаниях в качестве помощников, стажеров, консультантов, секретарей, делопроизводителей, заведующих канцеляриями и пр.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что образовательная деятельность уже не может сегодня осуществляться без использования цифровых технологий, прикладного программного обеспечения для подготовки учебно-методических материалов, проведения практических заданий, не быть тем цифровым инструментом, который используют в образовательном процессе педагоги. Цифровые сервисы и платформы должны быть доступными и едиными для всех студентов, но они не должны заменить педагога, способного заложить в сознание специалиста нравственные и правовые ценности. Существенным для образовательного юридического процесса должно стать осознание того, что правовое воспитание не является механическим явлением, а есть результат кропотливой работы людей, обладающих навыками подготовки молодых специалистов к их дальнейшей успешной социализации. В связи с этим

---

¹ Гальперин М.Л. Почему после цифрового века юридического образования наступит Средневековье? // Закон. – 2021. – № 8. – С. 96–101.

при внедрении цифровых технологий в юридическое образование речь должна идти не о трансформации образования, т.е. не об изменении сущности и содержания образовательного процесса, а лишь о модернизации, подразумевающей учет возможностей цифровизации, позволяющей усилить эффективность и полноту усвоения юридических знаний и применения их на практике.

АЛФЕРОВА Е.В.¹ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ УЧЕНЫХ О ЕГО НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ. (Обзор).

Аннотация. Анализируется дискуссия ученых-правоведов о трансформации юридического образования в условиях цифровизации, об основных его задачах, настоящем и будущем. Отражаются различные точки зрения на пути его профилирования в целях преодоления разрыва между требованиями рынка и компетенциями, которыми обладают многие выпускники юридических факультетов. Обсуждаются проблемы: чему обучать завтрашних юристов, как должны развиваться конкретные знания, навыки и компетенции, необходимые для юридической практики; как следует преподавать новые и традиционные юридические дисциплины; каковы цели юридического образования и другие. Выявляются тенденции, свидетельствующие о существенных изменениях в юридическом образовании и юридической деятельности, обусловленные появлением «onlaw».

Ключевые слова: юридическое образование; реформа юридического образования; юридические науки; право; цифровые технологии; информационно-коммуникационные технологии; юридическая профессия; юридическая практика; юридические технологии; юридические школы.

ALFEROVA E.V. Transformation of legal education: reflections of scientists on its present and future. (Review).

---

¹ Алферова Елена Васильевна, ведущий научный сотрудник, зав. отделом правоведения ИНИОН РАН, канд. юрид. наук.

Abstract. The discussion of legal scholars on the transformation of legal education in the context of digitalization, its main tasks, present and future is analyzed. Various points of view on the way of its profiling are reflected in order to bridge the gap between market requirements and competencies possessed by many graduates of law faculties. The problems are discussed: what to teach tomorrow's lawyers, how specific knowledge, skills and competencies necessary for legal practice should be developed; how new and traditional legal disciplines should be taught; what are the goals of legal education and others. The trends indicating significant changes in legal education and legal activity caused by the appearance of «onlaw» are revealed.

Keywords: legal education; reform of legal education; legal sciences; law; digital technologies; information and communication technologies; legal profession; legal practice; legal technologies; law schools.

Для цитирования: Алферова Е.В. Трансформация юридического образования: размышления ученых о его настоящем и будущем. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 40–55. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.03

Ключевые тенденции изменения юридического образования по Р. Сасскинду, Дж. Уэббу и Т. Лейман. Мир права и юридической практики в настоящее время переживает период глубоких изменений и структурную неопределенность. Неясность в отношении будущего права отражается и на юридическом образовании. Особенно это проявляется в дебатах о соответствии традиционных правовых дисциплин целям юридического образования в условиях цифровизации и, соответственно, об основных его задачах, настоящем и будущем. Вызвано это прежде всего тем, что за последние 30–40 лет взаимосвязь между правом и технологиями стала серьезной проблемой для юридической науки, юридической практики и юридического образования. Информационно-коммуникативные технологии (ИКТ), в том числе цифровые, занимают особое место в этой истории как из-за их фундаментальной и растущей социальной повсеместности, так и широкого использования. Это отражается на законодательстве, содержании и архитектуре образования. Можно утверждать, что технологии создают

реальные проблемы для многих областей материального права, юридических процессов и самой концепции права.

В правовой литературе, на научных конференциях высказываются различные точки зрения на происходящую под влиянием так называемых прорывных технологий трансформацию юридического образования, на пути его профилирования в условиях роста конкурентоспособности юридической профессии. В связи с этим обсуждаются вопросы содержания и видов новых дисциплин и факультативных курсов, не связанных напрямую с правом и перегружающих учебные программы, поднимаются проблемы формирования «платформенных» качеств юриста и развития его аналитических способностей¹.

Эти и другие вопросы тревожат как российских, так и зарубежных ученых-юристов. По мнению Ричарда Сасскинда, одного из ведущих британских ученых в области права и технологий, реалии, определяющие сегодня мировоззрение юридического мира, необратимы, и перемены не ограничатся новыми технологиями, юридическая практика в перспективе изменится до неузнаваемости. Предоставление юридических услуг будет осуществляться в режиме онлайн, а компьютеризированные веб-сервисы вытеснят юристов, если только не потребуется действительно индивидуальная консультация. Более дешевое и удобное онлайн-разрешение споров расширит доступ к правосудию, по крайней мере относительно недорогих объектов спора. Наконец, по мере развития возможностей искусственного интеллекта и анализа больших данных юристам придется либо использовать свой опыт для разработки юридических машин будущего, либо выполнять работу, где участие человека имеет первостепенное значение [9, р. 188].

Если, по Р. Сасскинду, «эволюция юридических услуг» уже происходит в юридической отрасли, то «в юридическом образовании она еще не началась каким-либо реальным образом», считает Таня Лейман, адъюнкт-профессор и декан юридического факультета Университета Флиндерса (Австралия) [8]. Профессор Уильям Твиннинг из Лондонского университета полагает, что «юридиче-

---

¹ См., напр.: Международная конференция «Глобализация и право: проблемы формирования Global Legal Skills», НИУ ВШЭ, ф-т права. 21 марта 2021. – URL: <https://pravo.hse.ru/glsconf/>; <https://www.youtube.com/watch?v=6cZEE1gJGrk> (дата обращения: 12.02.2022).

ские институты и юристы находятся на перепутье и готовы измениться более радикально в течение следующих двух десятилетий, чем за последние два столетия» [10].

Джулиан С. Уэбб, профессор права и директор Исследовательской сети юридических профессий, Мельбурнская юридическая школа, усматривает пять тенденций, свидетельствующих о существенных изменениях, которые обусловлены появлением «onlaw»¹ и касаются непосредственно юридического образования:

1) труднее стало находить субъекты права, на которые ИКТ не оказывают хотя бы некоторого влияния. Смарт-контракты, финансовые технологии, регулирование электронной коммерции, защита данных и разработки в области кибербезопасности и т.п. находятся в центре внимания нынешней волны цифровой трансформации, и они расширяют интерес к юриспруденции и цифровым технологиям далеко за пределами традиционных отраслей права, права интеллектуальной собственности, медицинского права и биотехнологий и в меньшей степени уголовного права. Эти тенденции не только меняют академическую среду, они также отражаются на практике, поскольку юристы стремятся переосмыслить себя как специалистов в области цифровых технологий, например как профессионалов, работающих с клиентами и другими заинтересованными сторонами, «чтобы обеспечить предоставление безопасных и совместимых решений для цифровой трансформации»;

2) «юридические технологии»² и их развитие стало важнейшей сферой для изучения влияния взаимодействия права и информационных (компьютерных) технологий на правовое поле. Если

---

¹ Дж. Уэбб предлагает понимать «onlaw», как качество права, возникающее в результате сложного его взаимодействия с ИКТ: «Язык “onlaw” связан с функционированием права как технологии и технологии как закона. Изменяется форма права, она реконструируется с помощью ИКТ» [11].

² Термин «юридическая технология» используется в работах правоведов для описания разработки и использования технологий, специфичных для юридической практики / процессов. Юридические технологии рассматриваются как растущая область «правовой информатики», изучающей структуры и свойства информации, а также применение технологий для ее организации, хранения, поиска и использования в правовой среде (включая юридические фирмы, суды и юридические школы).

право – это социальная архитектура, то юристы являются (одними из) ее архитекторов и несут как техническую, так и этическую ответственность за разработку инструментов, правил и институтов права.

Если говорить об ИКТ, специфичных для законодательства, данная тенденция может быть охарактеризована в терминах инструментов/процессов, характерных для трех этапов эволюции новых информационных технологий. Первый этап, начавшийся в 1980-х годах, представлен множеством вспомогательных технологий, касающихся поиска правовой информации и инструментов документооборота. На втором этапе, с середины до конца 1990-х годов, наблюдается повышение сложности и совместимости этих инструментов, вплоть до появления на третьем этапе, в середине 2010-х годов, все более «умных» технологий, которые (только) начинают заменять или по крайней мере дополнять некоторые человеческие функции. К ним относятся анализ документов с поддержкой искусственного интеллекта, исследовательские инструменты и юридическая аналитика, приложения машинного обучения на платформах электронного поиска и автоматизированные технологии правовой информации и консультаций [11].

Важнейший вопрос, по мнению Дж. Уэбб, заключается в том, находимся ли мы на пороге «юридической технологии 3.0» (legal tech 3.0), которая представляет собой разработку интеллектуальных платформ, где цифровые технологии существенно изменят и юридическую практику, и право – оно превратится в «onlaw». Эти технологии, во-первых, увеличат разделение юридических процессов на отдельные задачи, которые могут решаться различными способами и различными участниками, например путем аутсорсинга или посредством автоматизации; во-вторых, обеспечат больший контроль в случае перегрузки правовой информацией; в-третьих, уменьшат ключевую роль юриста-человека в предоставлении юридических услуг. Однако, полагает Дж. Уэбб, еще далеко до момента, когда искусственный интеллект может стать значимой заменой человеческим правовым знаниям. Путь к созданию «робо-юриста», способного «пробить брешь» в юридической профессии, одновременно «предвещая рассвет дивного нового мира доступного правосудия», – длительный, и он четко от-

ражает большую часть двойственности в отношениях между законом и цифровыми технологиями;

3) достижения в области ИКТ бросают вызов и могут нарушить давно устоявшиеся процессы принятия юридических решений и вынесения судебных актов. Цифровые технологии, например, все больше влияют на форму и представление доказательств: появляются новые доказательства и передовые методы визуализации данных, включая графические представления компьютерной аналитики и цифровые анимации или имитации юридических процессов;

4) происходят незаметные, но важные эпистемологические сдвиги в рамках формальной правовой системы. Например, оцифровка информации меняет как процесс принятия судебных решений, так и саму его форму;

5) ИКТ воздействуют на системы регулирования и приводят к их технологической перестройке, наблюдается некоторая децентрализация самого права за счет альтернативных способов регулирования и управления [11].

Таким образом, резюмирует автор, можно утверждать, что ИКТ бросают вызов нашему обычному представлению о роли юристов и центральной роли самого права. Дж. Уэбб предполагает, что в эпоху «onlaw» у юристов – этих опытных работников умственного труда – по мере того как все больше глубоких знаний в предметной области становится автоматизированными, будет отобрано право осуществлять монополию в создании и «продаже» своих услуг. Внедрение новых технологий требует переосмысления фундаментальной роли права и закона, правовой инфраструктуры. Более широкое понимание технологии регулирования может продемонстрировать не только существование новых способов реализации и обеспечения соблюдения закона, но и возможность того, что технологии буквально преобразуют закон (например, как «код» или дизайн) и – что более тревожно с точки зрения ценностей верховенства закона – позволяют то, что описывается как «отход от нормативных сигналов» к технорегулированию. То есть, вероятно, уже недостаточно рассматривать ИКТ просто как еще один инструмент в правовой среде, здесь они приобретают качество регулирующей силы [11].

Интеллектуальный и цифровой вызовы юридическому образованию. Вопросов, над которыми сегодня размышляют исследователи проблем юридического образования, много: как должно реагировать юридическое образование на новые технологии, готово ли оно выдержать интеллектуальный и цифровой вызовы; как должны развиваться конкретные знания, навыки и компетенции, необходимые для юридической практики; как следует преподавать новые и традиционные юридические дисциплины; каковы цели юридического образования? Возникает и такой существенный вопрос: если основное внимание уделяется навыкам, компетенциям и обучению студентов «критически мыслить об обществе и продуктивно управлять им», можно ли эффективно обучать этому только посредством юридического образования? Р. Сасскинд предлагает порассуждать также над вопросами: «Кому помогает юридическое образование, как и что оно значит для выпускников? Способствует ли оно им получить работу, и если да, то какую? Какие выгоды принесет нашему сообществу инвестирование в юридически грамотных лидеров завтрашнего дня – поддержка гражданского общества, его институтов и верховенства закона? Расширяет ли юридическое образование доступ к правосудию, обеспечивает ли защиту интересов уязвимых или безгласных?» [9, р. 44].

Юридические образовательные учреждения сегодня сталкиваются с дилеммой – является ли их основной задачей подготовка юристов для профессиональной практики, или обучение их дисциплинам права остается ключевой задачей? [8]. Мнения разные. Одни считают, что «юридические вузы (школы) должны быть местом, где можно опробовать идеи, внедрять инновации, бросать вызов, идти на некоторый риск. Они должны стать благодатной почвой для разработки новых способов управления в мире, где институты, созданные после Второй мировой войны, терпят неудачу» [6]. Другие, что получение юридического диплома обязывает выпускника «сосредоточиться на том, что юристы должны уметь делать, а не на том, что они должны знать»: когда знания доступны за считанные секунды через базы данных с возможностью поиска, а ответы можно получить с помощью форм искусственного интеллекта, важно определить, что должны уметь делать юристы [8].

Остановимся далее на одном, но важнейшем вопросе: как и чему обучать завтрашних юристов.

Сегодня в учебную программу в дополнение к основным правовым знаниям рекомендуется включать новые факультативные курсы, призванные формировать у студентов навыки, как то: способность сотрудничать и применять знания в разных дисциплинах; навыки общения / ведения переговоров; сочувствие; креативность / инновации; сострадание; социальную осведомленность и социальную поддержку; базовые знания и навыки в области технологий, бизнеса, анализа данных и безопасности; дизайн и электронное обнаружение; бизнес-инструменты и технологии, управление проектами и аналитика; деловые навыки / основы бухгалтерского учета и финансов, управление проектами, международное и трансграничное право; междисциплинарный опыт; устойчивость; гибкость и способность адаптироваться к изменениям; дизайнерское мышление. Этот широкий перечень навыков порождает противоречие между ожиданиями от глубоких знаний дисциплины и различными требованиями со стороны потенциальных работодателей и клиентов.

Анализ опыта реформирования юридического образования в Австралии провела Т. Лейман. И опыт этот оценивается автором положительно. Так, начиная с 2012 г., в стране разработаны и применяются так называемые «пороговые результаты обучения» (TLO) как для степени бакалавра права, так и для доктора юриспруденции. «TLO 1: Знания» отнесены основные правовые знания. В TLO 2–6, соответственно, включены: «Этика и профессиональная ответственность»; «Навыки мышления»; «Исследовательские навыки»; «Общение и сотрудничество» и «Самоуправление». Этот баланс между глубокими знаниями правовых дисциплин и более широкими профессиональными навыками был отражен в концепции «Т-образного профессионала» – с вертикалью, означающей дисциплинарные знания, и горизонталью – с разносторонними междисциплинарными навыками. Звучат призывы – обучать студентов не только правовым знаниям, но и этим навыкам, развивать профессиональную идентичность и характер. «Доминирование профессионализма в современном юридическом образовании» теперь устремлено в будущее [8].

Изменения, обусловленные внедрением новых цифровых технологий в образовательный процесс, требуют обучения новым дисциплинам и реорганизации старых, включая как основные юридические предметы, так и те, которые знакомят студентов с функционированием новых технологий в области права. Многие из них, как правило, являются факультативными дисциплинами, второстепенными по отношению к большей части обязательных предметов.

Юридические школы в Великобритании, как замечает Дж. Уэбб, подвергались критике за слабость их политики в области цифровой грамотности. Большинство этих образовательных учреждений по-прежнему имеет ограниченный доступ к (дорогостоящим) технологиям, которые меняют практику. Занятия по прикладным технологиям часто являются внеклассными, такими, как внеклассные курсы по программированию или возможность участвовать в хакатонах. Некоторые юридические образовательные учреждения идут дальше как во внедрении технологий, так и в концептуальном размещении технологий в центр учебной программы по основному предмету. Растет понимание того, что новые технологии, такие как Web 3.0 и Интернет вещей, создают среду, где границы между онлайн и офлайн, между человеком и технологией размыты и более широкое использование технологий на самом деле делает человеческое искусство юриспруденции более важным. Это происходит не только потому, что профессия юриста осознала, что она действительно занимается «бизнесом отношений», а не только «юридическим бизнесом», но и потому, что сама жизнь онлайн выдвигает на первый план способность взаимодействовать друг с другом и функционировать в отношениях согласованно и по единообразным правилам [11].

Мнения, что учебные программы юридических школ нуждаются в перезагрузке, придерживаются большинство экспертов. Объясняется это тем, что разрыв между требованиями рынка и компетенциями, которыми обладают многие выпускники юридических факультетов, порой ошеломляет. С точки зрения, например, М. Коэна, тому есть несколько причин: 1) отрыв большинства юридических школ от рынка; 2) характерное отсутствие опыта практической работы у штатных преподавателей; 3) подход «как обычно» к юридическому образованию; 4) широко распространен-

ное заблуждение – особенно среди юридических школ высшего уровня, что «конвейер», который привел большинство выпускников в крупные фирмы, тормозит, но не собирается ломаться; 5) неспособность понять, что юридическая «практика» сокращается, в то время как юридические операции и юридический бизнес расширяются – юридические школы преподают почти исключительно для практической карьеры; 6) неспособность предоставить больше штатных должностей преподавателей для тех, кто имеет практический опыт и другое образование, чем ориентированный на узкоспециализированный юридический предмет [5].

Российские ученые-правоведы и комментаторы ситуации с юридическим образованием в стране также ищут ответы на вопросы: как и чему обучать завтрашних юристов, какие их навыки и компетенции будут востребованы в будущем, какое количество юридических вузов и юристов нужно в стране. Отмечается тенденция роста требований и к знаниям, и к навыкам. Коммерческая и экономическая осведомленность, использование юридических технологий, навыки управления проектами, дизайн-мышление, кодирование – все это примеры «новых» областей обучения, применяемых сегодня на практике. Однако те вопросы, о которых говорилось выше (какие юристы нужны цифровой экономике, стоит ли изучать глубоко дисциплины, не относящиеся непосредственно к праву), стали постоянной проблемой в контексте и без того переполненной учебной программы в вузах. По мнению профессора М.А. Рожковой, «юристу, если он хочет стать продвинутым специалистом, нужно получить хорошее базовое образование и постоянно совершенствоваться, а вот становиться программистом в надежде, что это поможет стать успешным юристом, точно не стоит... ему нужны минимальные технические познания и элементарная заинтересованность в том, чтобы получать такие знания» [2].

Неоднозначное и кардинальное решение качества подготовки юристов предложил один из выступающих на международной конференции «Глобализация и право: проблемы формирования Global Legal Skills», ординарный профессор А.А. Иванов. Для решения рассматриваемой проблемы он предлагает рассмотреть два варианта решительных действий. Первый – «сократить неэффективные юрфаки в административном порядке, перестав их финан-

сировать из бюджета, а полученные деньги собрать “в кулак” и направить лучшим юрфакам. Второй – «бросить все юрфаки “в рынок”, а именно, сделать все юридическое образование платным. Работать за деньги в расчете на то, что в итоге выживут лучшие». Этот жесткий вариант он называет «шоковая терапия». По его мнению, принудительная цифровизация в обстановке недофинансирования образования лишь усугубляет проблемы юридического образования [1].

Если говорить о конференции в целом, то центральными вопросами обсуждения стали проблемы реформирования высшей школы и юридического образования с учетом требований новых юридических практик, а также вопросы формирования Global Legal Skills и Global Law Qualifications, Soft Skills, GR и возрастающей роли искусственного интеллекта для ведения успешного юридического бизнеса. Онлайн-запись выступлений участников конференции выложена в Ютубе, и она может вызвать большой интерес у организаторов юридического образования, ученых-правоведов и преподавателей вузов¹.

С вопросами, какими знаниями и навыками должны обладать юристы цифровой эры, заменят ли роботы юристов и кто такой «юрист будущего», обратился к экспертам портал ГАРАНТ. РУ. Если коротко, опрос показал: что будущих юристов надо учить пользоваться информацией, и это важнее штудирования законов; учить ориентироваться в развивающихся цифровых условиях: в новом программном обеспечении, аналитических технологиях и платформах отчетности, которые используют работодатели или клиенты; осваивать несвойственные юриспруденции сферы знаний, чтобы быть конкурентоспособным на рынке труда; в учебную программу вузов включать дисциплины, позволяющие студенту приобрести навыки в сфере новых технологий, включая сбор доказательств в сети, обеспечение кибербезопасности, электронное делопроизводство и др.; образовательные программы должны быть ориентированы на международное взаимодействие, обмен опытом с зарубежными университетами и коллегами; необ-

---

¹ Международная конференция «Глобализация и право: проблемы формирования Global Legal Skills», НИУ ВШЭ, ф-т права. 21 марта 2021. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6cZEZlJGrk> (дата обращения: 22.01.2022)

ходимо пересмотреть подход к подбору и подготовке научно-педагогических кадров, разрабатывать и лицензировать новые образовательные программы и т.д. [3].

Обзор публикаций, касающихся юридического образования, написанных зарубежными учеными, также показывает, что в этой области пока нет ни одного четкого решения. Как минимум, в контексте современного сегментированного рынка юридических услуг предлагается продумать над вопросом о снижении нагрузки на обязательные академические предметы и провести надлежащее эмпирическое исследование потребностей в обучении и информировать заинтересованных лиц как о необходимых профессиональных результатах получения диплома юриста, так и о надлежащем объеме его знаний и юридической подготовки [7; 8; 11].

Исследования показывают, что отношения между юридической школой и профессией продолжают оставаться напряженными. Например, по мнению Дж. Уэбба, три фактора ослабили влияние юридической профессии: 1) переход от преимущественно ученической модели обучения к модели, основанной на университетском образовании, предоставил большую автономию юридическим школам и тем самым снизил контроль за компетенциями юридической профессии; 2) с расширением юридического образования с 1980-х годов сектор юридических школ стал более значительным; увеличение финансирования исследований за тот же период также помогло юридическим школам стать более уверенными в себе интеллектуальными сообществами и теснее взаимодействовать с другими гуманитарными и социальными науками; 3) поскольку сами университеты стали более ориентированными на рынок и «самоуправленческими», юридические школы должны больше внимания уделять государственной / университетской повестке дня, которая требует, чтобы они соответствовали целям качества исследований и преподавания и финансовым возможностям по количеству студентов[11].

Таким образом, степень профессионального регулирующего интереса к образованию и профессиональной подготовке сегодня не просто продолжается, но возрастает в связи с изменениями и вызовами, стоящими перед профессией. Эти изменения вызваны, во-первых, глобальной трансформацией на рынке юридических услуг и конкуренцией в этой области; во-вторых, сегментацией

рынка юридических услуг; в-третьих, продолжающимся кризисом доступа к правосудию; в-четвертых, влиянием новых цифровых технологий. Трансформация рынка юридических услуг стала важным мотивом в дебатах как о будущем профессии, так и о роли юридического образования и профессиональной подготовки, хотя последствия таких изменений все еще далеки от согласия. Для некоторых исследователей эти новации являются необходимыми и модернизирующими, повышают конкурентоспособность в сфере юридических услуг. Однако для критиков они являются эквивалентом такой юридической индустрии, которая потенциально разрушает все хорошее и благородное в юридической профессии [11].

Размышления о будущем юридической профессии. Уильям Твиннинг на своей лекции перед студентами как-то грустно заметил: «Специалисты в области образования говорят мне, что глупо пытаться угадать, каким оно будет через десять лет и даже будут ли такие учреждения, как юридические школы. Добавьте сюда изменение климата, безопасность (войну), непредсказуемую экономику, роботов или что-то еще, и мы, вероятно, все согласимся с тем, что находимся в ситуации неопределенности» [10]. Действительно, самая большая проблема в образовании сегодня заключается в том, как подготовить студентов к будущему.

Так, по оценкам Рейчел Кессель из Университета Монаша (Австралия), благодаря технологическому прогрессу 85% рабочих мест, которые будут существовать в 2030 г., еще не созданы. Это говорит о том, что в условиях столь непредсказуемого будущего университетам необходимо подумать о том, как обучить студентов широкому набору цифровых навыков. Сегодня изменяется способ предоставления юридического образования. Так, новейшие педагогические предложения включают уже упомянутые выше хакатоны (hackathons) и программы обучения, интегрированные в цифровую работу. Такие альтернативные педагогические приемы в юридическом образовании позволяют исследовать, придумывать, повторять и реализовывать правовые знания в сотрудничестве с членами своей команды. Вместо чтений, лекций, индивидуальных экзаменов и определенных результатов обучения студентам предлагаются открытые отраслевые проблемы. Геймифицированное сотрудничество объединяет студентов из различных дисциплин с

преподавателями, юристами, ИТ-специалистами, дизайнерами и широким сообществом [7].

С одной стороны, современное юридическое образование, чтобы быть востребованным в будущем, должно формировать критическое мышление и знания в области различных правовых отраслей и институтов, как то:

- отношения между гражданином и государством (принципы конституционного и административного права, уголовного правосудия и прав человека);

- обязательства, возникающие между гражданами, и способы разрешения юридических споров (принципы договора и деликта, права на собственность – личные и недвижимые, средства правовой защиты и реституция, гражданские суды и альтернативное разрешение споров);

- роль права в регулировании экономической деятельности (формирование и типы хозяйствующих субъектов, защита прав потребителей, регулирование рынков и конкуренции);

- роль права в регулировании международных отношений (ключевые институты международного частного и публичного права);

- взаимосвязь между законом и моральным порядком (например, ценности закона и адвокатуры, справедливости и права, «моральные основы» уголовного и гражданского права) [11].

С другой стороны, система компетенций должна охватывать следующие возможности:

- продемонстрировать знание в соответствующей области или областях практики (экономические и технические) и для выполнения ряда юридических задач (навыки выполнения задач – собеседование с клиентами / проведение конференций, юридические исследования, составление проектов и адвокация);

- управлять целым рядом задач в рамках работы (навыки управления задачами и проектами, включая управление временем);

- реагировать на неопределенности и сбои в обычной деятельности (управление задачами/проектами в чрезвычайных ситуациях);

- эффективно работать на других и с другими (навыки работы в команде и умение выстраивать профессиональные отношения);

– выявлять и решать проблемы этики, профессионализма и профессионального регулирования (управление этическими и нормативными рисками);

– размышлять и понимать пределы собственной компетентности и удовлетворять собственные потребности в личном и профессиональном развитии (самоуправление) [там же].

В этом перечне компетенций также должны присутствовать наиболее передовые сегодня области знаний, имеющие отношение к юридической практике: коммерческая осведомленность, технологические компетенции и более глубокое понимание правовых процессов и новаций в науке. Как показывают исследования, у выпускников больше шансов добиться успеха, когда они приходят на работу с гораздо более широким сочетанием юридических навыков, профессиональных компетенций и характеристик.

Таким образом, существуют вполне реальные проблемы, связанные с трансформацией юридического образования в быстро меняющихся под влиянием инновационных технологий образовательной, профессиональной и иных взаимосвязанных средах. Это требует, чтобы высшая школа была открыта для развития новых компетенций; профессия юриста должна признать растущее давление со стороны клиентов.

Однако история как юридического образования, так и правовая практика создают свое собственное инерционное сопротивление этим новациям то ли из-за недостатка твердых знаний о будущих потребностях в обучении, то ли по причине консервативности взглядов многих профессионалов и ученых и неопределенности в отношении того, чему можно и нужно учить будущих юристов. Изменения в этой среде в целом предполагаются глубокие. У юридического образования есть два варианта: придерживаться своей традиционной функции преподавания основных знаний или активно и творчески взаимодействовать с меняющейся средой.

Список литературы

1. Иванов А.А. Юридическое образование и цифровизация : выступление на международной конференции «Глобализация и право: проблемы формирования Global Legal Skills». НИУ ВШЭ, ф-т права, 25 марта 2021 г. – URL: https://zakon.ru/blog/2021/8/2/yuridicheskoe_obrazovanie_i_cifrovizaciya (дата обращения: 25.01.2022).

2. «Новые юристы»: Какие специалисты нужны цифровой экономике : интервью с членом экспертного Совета комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи, профессор БФУ им. И. Канта М.А. Рожковой. – 2019. – URL: <https://na.ria.ru/20190628/1555973745.html> (дата обращения: 25.01.2022).
3. Юрист будущего: заучивать законы и кодексы больше нет нужды? – 2017. – URL: <https://www.garant.ru/article/1148675/> (дата обращения: 25.01.2022).
4. Carle S.D. Rethinking assumptions about the global influence of US legal education // American legal education abroad : Critical histories / ed. S. Bartie and D. Sandomierski. – New York : New York Univ. Press, 2021. – P. 353–370.
5. Cohen M.A. Who will train tomorrow's lawyers and how will they learn? – 2017. – URL: <https://www.forbes.com/sites/markcohen1/2017/09/25/who-will-train-tomorrows-lawyers-and-how-will-they-learn/?sh=73c20b597081> (дата обращения: 17.01.2022).
6. Grady K. The confusion of legal education / The Algorithmic society. – 2017. – 28 July. – URL: <https://medium.com/the-algorithmic-society/the-confusion-of-legal-education-5032efc6cb61> (дата обращения: 17.01.2022).
7. Kessel R. Pracademic collaboration: Hacking into the future of legal education // Alternative law journal. – 2019. – Vol. 44, N 1. – P. 73–75.
8. Leiman T. Educating for the past, the present or the future? // Imperatives for legal education research : then, now and tomorrow / ed. by B. Golder, M. Nehme, A. Steel and P. Vines. – London ; New York, 2020 – P. 246–271.
9. Susskind R. Tomorrow's Lawyers: An Introduction to your Future. – 2 nd edn. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2017. – 240 p. – URL: <https://global.oup.com/academic/product/tomorrows-lawyers-9780198796633?cc=ru&lang=en&> (дата обращения: 17.01.2022).
10. Twining W. Rethinking legal education // The law teacher. – 2018. – Vol. 53, N 3. – P. 241–259. – DOI: 10.1080/03069400.2018.1497260. – URL: https://www.researchgate.net/publication/327008382_Rethinking_legal_education (дата обращения: 17.01.2022).
11. Webb J.S. Preparing for practice in the 21 st Century: The role of legal education and its regulation // Jahrbuch der Rechtsdidaktik 2017/Yearbook of legal education 2017/ Berliner Wissenschafts-Verlag ; ed. B. Bergman. – 2018. – P. 11–48. – URL: https://www.researchgate.net/publication/326542609_Preparing_for_Practice_in_the_21st_Century_The_Role_of_Legal_Education_and_its_Regulation (дата обращения: 17.01.2022).

УДК 340.5

DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.04

ИВАНОВА А.П.¹ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ. (Обзор).

Аннотация. Анализируются работы зарубежных ученых, исследующих основные тенденции в развитии юридического образования и некоторые проблемы, возникающие в этой сфере. В частности, такие проблемы, как бессистемность исследовательской деятельности в сфере права и влияние новых технологий на образовательный процесс.

Ключевые слова: юридическое образование; информационные технологии; этика юриста; глобализация.

IVANOVA A.P. Legal education: the main trends in development. (Review).

Abstract. The article analyzes the works of foreign scientists investigating the main trends in the development of legal education and some problems arising in this area. In particular, such problems as the unsystematic nature of research activities in the field of law and the impact of new technologies on the educational process.

Keywords: legal education; information technology; lawyer ethics; globalization.

Для цитирования: Иванова А.П. Юридическое образование: основные тенденции в развитии (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 56–67. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.04

---

¹ Иванова А.П., младший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

Т. Веблен, американский социолог, 100 лет назад писал, что юридические школы «принадлежат к современному университету не больше, чем школа фехтования или танцев» [3, р. 1]. Эта враждебность к праву как к предмету, который следует преподавать в серьезном университете, проистекала как из желания сократить число юристов и судебных разбирательств в обществе, так и из убеждения, что определенные «навыки» не являются предметом надлежащего серьезного интеллектуального исследования. К счастью для юристов, высказывания Т. Веблена, хотя и часто цитировавшиеся в двадцатом веке, не сбылись. Вместо этого двадцатый век стал свидетелем стремительного роста юридического образования на всех уровнях университетской (и внеуниверситетской) подготовки, включая программы бакалавриата, магистратуры и получения академических степеней. В дополнение к росту числа дипломов и академических программ современное юридическое образование, начиная со второй половины XX в., также стало включать клиническую подготовку как с реальными, так и с моделируемыми клиентами и юридическими вопросами [3, р. 2].

Сама юридическая практика, а также освоение права и правовых институтов выросли от изучения и анализа прецедентов и законодательства до более междисциплинарных исследований, включая познание экономики, социологии, психологии, политологии и государственного управления, теории игр, науки о принятии решений, истории, антропологии, географии, а теперь и постижение международного и сравнительного права или «глобализации» юридических институтов. Исследования в области юридического образования стали принимать различные формы: анализ дискурса; юридические исследования; история институтов и движений; исследования образовательного взаимодействия; эмпирические и теоретические исследования и др. [2, р. 271].

К. Менкель-Мэдоу отмечает, что современные юридические школы теперь занимаются не только судебными разбирательствами и адвокатурой; будущих юристов также учат думать о планировании сделок, управлении, консультировании клиентов, бизнесе и социальной справедливости. Теперь студенты могут выбирать, что изучать, а не осваивать один и тот же свод юридических материалов. Автор отмечает несколько основных тенденций современного юридического образования, среди которых она выделяет:

«юридическое образование = думать как юрист»; «юридическое образование = мыслить критически как юрист»; «юридическое образование = поступать как юрист»; «юридическое образование = быть юристом».

Юридическое образование = думать как юрист. Как отмечает К. Менкель-Мэдоу, существенный сдвиг в юридическом образовании в США связан с введением в XIX в. деканом Гарвардской юридической школы Х. Лэнгделлом в юридическое образование так называемого сократического или прецедентного метода, основанного на идее, заимствованной из ранней науки немецких университетов.

Х. Лэнгделл считал, что закон, как и наука, может быть выведен из индуктивных наблюдений за случаями. Если бы студенты-юристы прочитали достаточное количество дел в одной и той же предметной области, они бы «изучили» применимые правила, наблюдая, как их используют судьи, а затем могли бы овладеть навыком юридического анализа, позволяющим «отличать» похожие дела от непохожих. Затем студенты могли бы использовать дедуктивные аргументы, чтобы применить принципы, сформулированные в одном случае, к следующему, если ситуация была достаточно аналогичной, или привести разные аргументы, чтобы показать, что один случай на самом деле отличается от другого, и следует использовать другое или «новое» правило.

Таким образом, студенты стали заниматься не заучиванием наизусть правовых норм, а прагматичным решением проблем путем усвоения фактов и применения анализа и общих принципов.

Значимость произведений Х. Лэнгделла для профессионального образования в США сравнима только с важностью работ американского прагматика Д. Дьюи (отцом «эмпирического обучения» в американском образовании), поскольку «метод кейсов» Х. Лэнгделла перекочевал в бизнес и другие профессиональные школы [3, р. 5]. В юридическом образовании многих стран (например, Японии, Австралии, Великобритании) практикуется метод Х. Лэнгделла в том или ином виде, поскольку, по мнению многих, такое «активное» обучение лучше, чем более пассивная форма лекций. Небольшие образовательные исследования в юридических школах подтверждают, что метод Х. Лэнгделла действительно имеет большое значение как для обучения студентов мате-

риальному праву, так и для обучения тому, как быть хорошим юристом (законодателем, правоприменителем, юрисконсультантом или адвокатом).

Юридическое образование = мыслить критически как юрист. В 70-х и 80-х годах XX в. новое политическое движение «Новые левые» бросило вызов ортодоксальности учения Х. Лэнгделла. Юридические исследования, по существу представлявшие собой интеллектуальную атаку на манипулирование доктриной со стороны «имущих» в случаях, когда закон является неопределенным и может быть «оспорен с обеих сторон», вдохновили поколение студентов-юристов и молодых профессоров права критически изучить как доктрину, так и методы преподавания. Учения Х. Лэнгделла стали терять свою популярность, и внимание юридической общественности сосредоточилось на взглядах профессора права Гарварда Д. Кеннеди, чья книга «Юридическое образование и воспроизводство иерархии» была названа «маленькой красной книгой» для новой группы профессоров права, стремящихся бросить вызов традиционной и капиталистической доктрине и исследовать, как классовые системы поддерживались традиционным юридическим образованием. Д. Кеннеди, блестящий педагог, преподавал своим студентам «деконструкцию» доктрин правонарушений, собственности и контрактов, призывая их мыслить самостоятельно (как политические деятели, а не только как юристы), учитывать классовое происхождение законодателей, судей и правоприменителей, в также обращать внимание на то, чьим интересам прежде всего отдавалось предпочтение в законотворчестве и толковании в тот или иной период [3, р. 8]. Примерно в то же время на американскую юридическую науку и образование повлияло новое интеллектуальное движение в области права и экономики. Р. Познер и ученые из школы права и экономики Чикагского университета утверждали, что право можно исследовать с точки зрения того, насколько «эффективно» оно распределяет «транзакционные издержки» правовых норм (теорема Коуза) и максимизирует благосостояние участников любой правовой системы. Опираясь на «невидимую руку» рыночных теорий А. Смита, это движение привлекло ученых к анализу всех областей права, начиная с деликтов, контрактов, антимонопольного законодательства, права собствен-

ности, экологического права и, в конечном счете, даже конституционного права.

В то же время группа социологов, некоторые из них имели юридическое образование, попытались внедрить более эмпирическое изучение права как в юридическую науку, так и в методы преподавания [3, р. 9]. Подобно профессорам права и экономики ученые-социологи разработали летние программы для обучения тех, кто получил образование по традиционным методам Х. Лэнгделла, методам социальных наук – количественным и качественным исследованиям различия «закона на бумаге» и «закона в действии». Опираясь на социальные и политические теории (К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер и современные методологи), правоведы стремились понять фактическое воздействие закона на регулируемые отношения, а также механизмы такой деятельности государства, как законотворчество и правоприменение.

Совсем недавно группа ученых-юристов применила различные социальные и когнитивно-психологические исследования для анализа группового поведения в управлении корпоративными советами, обсуждениях присяжных и принятии судебных и юридических решений, которые омрачены человеческими ошибками, такими, как «групповое мышление» [3, р. 10]. Эта важная работа бросила вызов идеям Х. Лэнгделла о науке или «рациональности» правовых норм и принятии решений.

Юридическое образование = поступать как юрист. 1960-е годы в Соединенных Штатах стали временем политической активности – движение за гражданские права, затем феминистское движение, День Земли и защита окружающей среды – все это побудило активистов-юристов требовать изменений в юридическом образовании: они призывали актуализировать его в целях решения социальных и политических проблем страны.

Многие юридические школы стали получать крупные гранты на открытие собственных юридических клиник и найм профессоров (часто не на постоянной основе) для обучения студентов вопросам «законодательства о бедности» (законодательства, которое применяется, в частности, в отношении людей с неблагоприятным финансовым положением и их повседневной жизни), включая групповые иски о дискриминации в сфере занятости и правах потребителей, о гражданских правах, семейных правоотношениях,

злоупотреблениях со стороны полиции, правах на социальное обеспечение и т.д.

Значительный вклад клинического образования в профессиональную подготовку юристов состоит в том, что оно демонстрирует студентам, что «факты имеют значение» (студентов обучают расследованию обстоятельств реальной действительности, опросу клиентов, даче показаний, ведению переговоров и т.д.) и что «эмоции тоже имеют значение» (при консультировании клиентов, принятии решений и т.п.). В целом клиническое образование дает более широкое представление о том, что такое реальная юридическая практика. Клиническая педагогика призывает клиницистов учить студентов «выслушивать клиента и относиться к нему как к личности, а не просто как к юридической проблеме» [1, с. 50]. Наконец, клиническое образование предоставляет студентам более широкий набор навыков, чем классическое образование, включая принятие решений, преодоление проблем, транзакционную и организационную работу.

Рост эмпирической, клинической и практической подготовки в современных юридических школах признается экспоненциальным, и он постоянно меняется. Идея практического обучения, встроенного в юридическую школу, считается более глубокой, чем версии обучения ученичеству в XIX в. В этот период молодые будущие юристы обучались своему ремеслу исключительно в одном юридическом классе. Сегодня студенты узнают о методах интервьюирования клиентов от психологов и социальных работников, о статистике и количественном анализе – от социологов, учатся стратегии инвестиций и развития – от экономистов и финансовых аналитиков, организации сообщества – от общественных активистов.

В соответствии с меняющимся характером профессиональной практики юридические фирмы теперь ожидают, что новые юристы смогут использовать более широкий набор навыков и знаний. В современной юридической практике традиционная концепция адвоката как «борца за права» больше не соответствует ожиданиям клиентов, которые сосредоточены на соотношении цены и качества и практическом решении проблем, а не на дорогостоящих юридических аргументах и сложных процедурах [1, р. 42]. Это требует нового акцента на навыках ведения переговоров, комму-

никативных компетенциях и способности строить отношения между адвокатом и клиентом. Кроме того, клиент, которому оказываются юридические услуги, желает видеть от адвоката значительной концентрации внимания и приложения максимально возможных усилий на стратегии решения проблемы и непосредственном вовлечении клиента в личные переговоры.

Клиническое юридическое образование вносит важный вклад в подготовку эффективных, творческих и рефлексивных выпускников юридических факультетов. Клинические программы развивают способность студентов реагировать на меняющиеся условия, в которые они попадут после окончания учебы; клиники знакомят студентов с динамикой профессиональной работы и учат работать с клиентами и руководителями, с коллегами, понимать процесс развития конфликтов.

Юридические клиники используют целый ряд технологий, выходящих за рамки стандартных моделей личного обслуживания клиентов. Модернизация юридического образования привела к использованию цифровых платформ, позволяющих взаимодействовать с удаленными клиентами и получать доступ к внешним академическим и профессиональным источникам знаний. Д. Гиддингс и Ж. Вайнберг подчеркивают, что клиники и другие формы эмпирического обучения способны сыграть важную роль в подготовке студентов к самостоятельной работе [1, р. 53].

Юридическое образование = быть юристом. В начале 1970-х годов, незадолго до президентских выборов 1972 года в США, группа агентов Республиканской партии ворвалась в штаб-квартиру Демократической партии и произвела серию краж данных, а также стала распространять их в целях дезинформации.

Впоследствии на слушаниях, которые состоялись в Конгрессе США, советник Белого дома Д. Дин представил список тех, кто был замешан в политическом скандале и сокрытии информации. Рядом с некоторыми из этих фамилий стоял символ/ знак звездочка. Когда его спросили о том, что означала «звездочка», Д. Дин указал, что так отметили юристов, которые были вовлечены в незаконную деятельность. В связи с этим случаем Американская ассоциация адвокатов стала активно внедрять и расширять обучение юридической этике и профессиональной ответственности для всех юристов.

Преподавание юридической этики и профессиональной ответственности в американских юридических школах породило важную философскую и прикладную науку о том, что значит быть «хорошим юристом» и «хорошим человеком». Опасения по поводу того, должна ли «ролевая мораль» для конкретных профессий, таких, как юрист, отличаться от морали «обычных людей», породили важный набор вопросов и ответов. Эти вопросы о том, состоит ли роль адвоката в том, чтобы быть исключительно «ревностным» защитником своего клиента или вершить правосудие, или нести определенную ответственность за правовую систему в целом или перед другими лицами, остаются проблемой, где часто отличается одна правовая культура от другой.

Глобализация юридической профессии и юридического образования. Все больше и больше студентов-юристов во всем мире изучают юриспруденцию не только в своих странах, но и учатся по обмену за границей по специальным программам (программа Erasmus в Европе, многие программы семестрового обмена в Азии, США, Канаде и Южной Америке), и все большее число студентов получают магистерские и докторские степени за рубежом.

Определенные области юридической практики стали явно интернационализированы – права человека, международная торговля, международный частный арбитраж. В то же время критики предполагают, что «конвергенция», если она существует в международном праве (и в международном юридическом образовании), является продуктом определенных линий влияния, основанных на силе как колониальной, так и постколониальной гегемонии сначала Соединенного Королевства, а теперь США и остальной Европы.

Юристы и технологии. Юридическое сообщество переживает глобальные изменения в юридическом образовании благодаря использованию технологий как для решения юридических проблем, так и в качестве средства юридического образования. Р. Саскинд утверждает, что профессия юриста (а также другие профессии) в конечном итоге будет вытеснена использованием технологий, форм, шаблонов, интерактивного онлайн-разрешения споров, планирования транзакций, управления документами, подачи юридических документов и даже защиты по некоторым незначительным уголовным делам (например, нарушения Правил дорожного движения) [3, p. 22].

Многие юридические школы радикально дополняют или преобразуют свои учебные программы, включив в них юриспруденцию и технологии (интеллектуальная собственность, юриспруденция и инженерия, юриспруденция и машинное обучение, а также юридический искусственный интеллект).

Однако какие юридические процессы и с какими субъектами будут протекать впоследствии с частичным или полным использованием новейших технологий («*techno-lawyering*»)? Большие данные и их интеллектуальный анализ станут полезны для выявления моделей поведения, которые могут документировать законную и незаконную деятельность (дискриминация, страховые претензии, превышение скорости и т.д.). Технология будет полезна при проведении судебных разбирательств, при подготовке документов, регистрации и в налоговых декларациях, заявках на имущество и некоторых других взаимодействиях с государством (лицензии на транспортные средства). Но как быть с юридическими вопросами, которые все еще требуют межличностного взаимодействия и человеческого и юридического суждения: иммиграция, семейное право, дискриминация, индивидуальные проблемы, требующие человеческого внимания и сложной юридической консультации? Существует множество юридических вопросов, нуждающихся в личном и индивидуальном внимании, а не в заученных или «готовых» решениях. Все еще существует множество видов дел (например, толкование новых законов), которые обоснованы на прецедентах и судебной практике.

Следует помнить, что право и юридическое образование – это постоянно меняющиеся человеческие конструкции. Вместе они призваны удовлетворить множество человеческих потребностей – обеспечить порядок в обществе, справедливость, способствовать процветанию человечества и новым идеям, а также осуществлять регулирование, социальный контроль и наказание тех, кто совершает плохие поступки или причиняет вред другим.

Несмотря на то что Х. Лэнгделл утверждал, что закон и правовые нормы являются «наукой», сегодня мы знаем, что это не так. Закон – это область толкования, использующая слова для определения, ограничения, усиления и регулирования человеческого поведения. Правовые институты пытаются обеспечить определенность, но разные факты требуют разного отношения даже для

достижения существенного равенства. Закон не является полностью «единым», и практика не одинакова для всех студентов и всех юристов, поскольку существует много областей и специальностей, используемых для разных целей [3, р. 25].

П. Махарг отмечает, что в области права существуют значительные инфраструктурные проблемы, возникающие в связи с исследовательской практикой. Исследования в сфере юридического образования сосредоточены преимущественно на отдельных эмпирических проектах и исследованиях теории/практики/политики. Таким образом, область в целом развивается бессистемно, существует значительная нехватка параллельных исследований, недостаточно текущих и устойчивых исследовательских данных, нет мета-обзоров. Почти не публикуются систематические обзоры исследовательской литературы, мало серий программных документов и литературы по юридическому образованию.

Автор обращает особое внимание на проблему технологий в юридическом образовании. В самом широком смысле под технологией понимается использование любого материального объекта или культурного устройства. Говоря о технологии в юридическом образовании, можно сказать – она, если сравнивать с другими областями исследований, не имеет истории. В правовой дисциплине нет общей истории технологий. Весьма примечательно, что также нет истории наиболее выдающихся технологий, используемых сегодня, а именно цифровых технологий.

Отсутствие подробных исследований технологий в юридическом образовании контрастирует с образованием в целом, где материальная культура обучения уже давно представляет интерес для историков образования. В последние три десятилетия наблюдается расцвет потока исследований, которые раскрывают образовательные практики в различных регионах мира. Понимание того, как физические технологии, например, классы, письменные принадлежности, цифровые базы данных, влияют на то, что можно назвать концептуальными технологиями (обучение, расписание, формы оценки), – является ключом к пониманию культуры образования, которая существует сегодня.

Однако имеет ли значение то, что в правовой дисциплине не уделено должного внимания общей истории технологий? Неужели лавина цифровых технологий сметет все прежние аналогии и ме-

тафоры? – задает риторический вопрос П. Махарг. И считает, что «нет». Исследовательская литература по трансформации медиа показывает, в какой степени новаторы зависят от когнитивных категорий, связанных со старыми медиа, в рамках которых передается смысл, и со временем переносят их на возможности новых медиа. То же самое относится и к юридическому образованию. Например, лекции с цифровой записью или веб-трансляции лекций быстро становятся нормой для многих учебных заведений, хотя и были немыслимы два или три десятилетия назад.

Новая технология, цифровая видеопрезентация юридических данных, все еще зарождается и находится в процессе формирования технологами, дизайнерами и институтами, но все чаще корпорациями. Этот процесс, в результате которого за два последних десятилетия юридические школы постепенно утратили свободу действий. При выборе технологий обучения, они уступают давлению корпоративного рынка, изменяется практика работы преподавателей: она требует гораздо большего количества исследований, анализа и комментариев, чем до сих пор проводилось в области юридического образования. Ввиду этого в существующей исследовательской литературе по технологиям и юридическому образованию отсутствует качество и строгость, необходимые для понимания области права и руководства юридической практикой [2, р. 280].

П. Махарг подчеркивает, что пришло время юридическому сообществу предпринять шаги, чтобы исправить ситуацию. И именно в этом отношении была создана инициатива под названием «Фемида». Проект «Фемида» подразумевает онлайн-пространство для совместных междисциплинарных, межведомственных исследований в области юридического образования и профессии. Он будет иметь возможность проводить оригинальные исследования, а также систематические обзоры меняющейся профессии и рынка юридических услуг, а также разработок, теории и практики в области юридического образования и профессиональной подготовки. Также в его рамках будут разрабатываться исследовательские учебные ресурсы. Это создаст синтез исследований – например, по изучению последствий нормативных, организационных или технологических изменений в юридических услугах для юридического образования. Кроме того, проект будет способен созда-

вать банки данных для разработки политики, основанной на фактических данных.

Эти предложения являются инновационными в том смысле, что они пытаются обеспечить платформу для организации юридической теории, практики и правовых исследований по всему миру. Они представляют собой попытку создать сообщество юрисдикционных инициатив, объединяющих юристов во всем мире – сеть сетей [2, р. 282].

Проект «Фемида» – это попытка создать ощущение порядка и общности в исследованиях в области юридического образования, где другие дисциплины, такие как медицинское образование, хорошо поняли и внедрили в свою работу. Таким образом, «Фемида» представляет собой импульс к порядку, который служит благу общества, ибо порядок любого рода невозможен без памяти и без историй. «Фемида» также привносит в правовые исследования резонанс общественных ценностей и веру в то, что, организовав свою прошлую работу, юристы смогут лучше понять настоящее и заглянуть дальше в будущее [2, р. 283].

Список литературы

1. Giddings J., Weinberg J. Experiential legal education : stepping back to see the future // Modernising legal education. – Cambridge, 2020. – P. 38–56.
2. Maharg P. Prometheus, sisyphus, themis: three futures for legal education research // Imperatives for legal education research: then, now and tomorrow. – London, 2019. – P. 271–288.
3. Menkel-Meadow C. Thinking or acting like a lawyer? What we don't know about legal education and are afraid to ask // The state of legal education research: then and now and tomorrow. – London, 2019. – P. 1–28. – Forthcoming. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3321352 (дата обращения: 21.01.2022).

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ / под ред. Э. Джонс и Ф. Коуни. (Реф. кн.)

Key directions in legal education : national and international perspective / ed. by E. Jones and F. Cownie. – London ; New York, 2020. – 208 p. – (Book summary).

Ключевые слова: юридическое образование; школы права; юридические университеты; студент-юрист; солиситоры; инновационные технологии; Великобритания.

Keywords: legal education; law schools; law universities; law student; solicitors; innovative technologies; Great Britain.

Для цитирования: Алферов О.Л. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки : отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 68–76. Реф. кн.: Ключевые направления в юридическом образовании : национальные и международные перспективы = Key directions in legal education: national and international perspective / под ред. Э. Джонс [Emma Jones] и Ф. Коуни [Foina Cownie]. – London ; New York, 2020. – 208 p. – (Book summary).

Следует заметить, что данный сборник научных статей, объединенных в главы и части, может представлять большой интерес для ученых, аспирантов и магистрантов в области права, а также преподавателей права, заинтересованных в знании практики организации юридического образования за рубежом и совершенствовании учебных программ по своим правовым дисциплинам. Кроме того, юристы, в частности те, кто вступает в профессию, найдут много познавательного для себя. Авторы этого сборника сосредоточили свое внимание на новых темах, которые являются сегодня актуальными и активно обсуждаются в рамках юридического образования прежде всего с британской и международной точек зрения, а также с позиции национального опыта развития юридиче-

ского образования в таких странах, как Китай, Индия, Нидерланды, США и др. В нем подробно обсуждаются такие темы, как: будущее юридического образования – меняющиеся отношения между юридическими школами (вузами, факультетами) и юридической профессией (часть I); развитие междисциплинарных подходов и сотрудничество в области юридического образования (часть II); использование инновационных технологий в преподавании права (часть III); клиническое юридическое образование (часть IV); юридическое образование и благополучие студентов (часть V); эволюция дискурсов вокруг преподавания правовых предметов и изучения юридических навыков (часть V). Каждая часть включает две сопутствующие главы, одна из которых написана с точки зрения ученых Великобритании, а другая – с позиции специалистов из других стран. Например, часть I содержит гл. 2 «Изменение юридического образования в Китае – политико-правовая система, академическое образование и профессионализм», часть II – главу 4 «Закон в контексте – к рефлексивному подходу в (голландском) юридическом образовании», часть III – главу 6 «Юридическое образование и правовая защита в век цифровых технологий: индийская перспектива». В некоторых главах проводятся довольно глубокие сравнения между разными юрисдикциями, в других – авторы кратко касаются вопросов сходств и различий юридического образования в разных странах.

Как отмечают во введении редакторы книги Эмма Джонс и Фиона Коуни, «благодаря вкладу ученых разных стран, показано инновационное мышление и практика в контексте в целом консервативной отрасли научных знаний в целях содействия обсуждению вопроса о том, как лучше преподавать различные юридические дисциплины и обеспечивать их постоянное развитие» (р. XVI–XVII).

Так как содержание книги, названия частей и глав дают представления о тематике книги, читатель самостоятельно может вычленил то, что его больше всего интересует, и прочитать. Следуя этому же принципу научного интереса, остановимся лишь на некоторых главах (де-факто статьях). И прежде всего на гл. I «Будущее юридического образования – меняющиеся отношения между юридическими школами и юридической профессией» («Legal education future (s) – the changing relationship between law schools

and the legal profession»). Ее автор – Энди Унгер (Andy Unger), пытается найти ответ на вопрос: какой будет новая юридическая педагогика и как она переосмыслит нынешнее положение, квалификацию и роль юриста? Ответ, по мнению Унгера, должен заключаться, по крайней мере частично, в том, что юридическая педагогика будут определяться отношениями внутри юридической школы, с ее студентами, ее юридической академией, ее более широкими заинтересованными сторонами в местном сообществе и университете в целом. Если убрать слой регулирования и процедур, то оставшийся пробел следует заполнить с помощью формы инклюзивного и открытого диалога, который является основой подхода к отношениям. В сфере высшего образования также будут существовать более широкие императивы, вытекающие из политических программ и финансового давления, но реляционный подход может охватывать многие уровни. Эти уровни могут включать индивидуальную педагогику преподавания, в частности, через понятие педагогики отношений, где взаимодействие учителя или академика со своими учениками становится основой для развития процветающих сообществ для обучения и развития.

Как высшее образование, так и юридическая профессия переживают переход от традиционного профессионального саморегулирования к регулированию рыночными силами. Профессия юриста столкнулась с потерей традиционных монополий, введением конкуренции и потерей большей части системы юридической помощи. Высшее образование в Великобритании претерпело процесс массового распространения, при этом за последние 30 лет показатели участия выросли примерно с одной пятой до почти половины. Доля выпускников школ, поступающих в ту или иную форму высшего образования, в настоящее время почти 50%. Преимущества такого расширения с точки зрения разнообразия и социальной интеграции очевидны, но есть и существенные недостатки. Растущее число студентов, поступающих в университет, подняло вопрос о том, кто должен платить за высшее образование, и ответом в Англии и Уэльсе стали сами студенты: плата за обучение в университете выросла до полной стоимости в 9250 фунтов стерлингов, а правительство ввело схему студенческих займов, надеясь гарантировать, что все студенты смогут позволить себе свое образование. Вопрос соотношения цены и качества в свою

очередь привел к двум дальнейшим событиям. Во-первых, повышенный акцент на возможности трудоустройства как цели высшего образования. Вторым стало внедрение методов управления бизнесом для обеспечения качества предоставления услуг, так что теперь юридические школы думают над такими концепциями, как разработка курсов, ориентированных на результаты.

Результатом этих изменений стала маркетизация высшего образования в Англии и Уэльсе, когда работодателям и студентам было рекомендовано делать осознанный выбор на основе ключевых источников данных, таких, как Национальный опрос студентов, Опрос выпускников высших учебных заведений, а теперь и новой Системы повышения квалификации в области преподавания (TEF) в дополнение к многолетней Системе повышения квалификации в области исследований (REF). Рейтинги качества преподавания в учебных заведениях TEF составляются на основе целого ряда данных, включая данные Национального опроса студентов и Опроса выпускников высших учебных заведений, и вскоре они могут повлиять на уровень оплаты, которую университеты могут взимать за свои курсы. Эти данные, собранные в таблицы рейтингов для университетов и отдельных курсов, могут оказать измеримое, но в целом скромное влияние на набор студентов при изменении рейтинга.

Профессия юриста также была предусмотрена в Законе о юридических услугах 2007 г. В первый год своей деятельности Совет по правовым услугам (LSB), созданный в соответствии с Законом для надзора за регулированием всех юридических услуг соответствующими регулирующими органами (включая Совет адвокатов, Институт дипломированных юридических руководителей, Совет по лицензированным посредникам и Управление по регулированию солиситоров), описал себя как «независимый орган, ответственный за надзор за регулированием юристов в Англии и Уэльсе». И цель этого Совета состояла в том, чтобы реформировать и модернизировать рынок юридических услуг, поставив интересы потребителей в центр системы, отражая цели Закона о юридических услугах. Именно в этом контексте Управление по регулированию солиситоров (SRA) наметило радикальные меры, предусмотрев, что солиситоры (это категория адвокатов в Велико-

британии, занимающихся подготовкой судебных материалов для ведения дел барристерами – адвокатами высшего ранга) начиная с сентября 2021 г. будут повышать квалификацию, т.е. предлагается ввести централизованно установленные и оцениваемые комиссией экзамены на юридические знания и процедуры, этику и правовые навыки, известные как квалификационный экзамен солиситоров (SQE). Как замечает Э. Унгер, окончательное утверждение все еще не завершено. Немногие юридические школы Великобритании могут позволить себе игнорировать эти изменения. Эта новация, по мнению Э. Унгера, устранил требование о наличии степени юриста или его эквивалента для получения квалификации в профессии адвоката, что потенциально снизит привлекательность университетской юридической школы для будущих юристов. Однако в то же время, как утверждает Э. Унгер, это позволяет университетским юридическим школам разрабатывать инновационные и эффективные методы преподавания права и освободиться от юридических квалификационных требований.

В настоящее время начинающие адвокаты и солиситоры продолжают проходить курс профессиональной подготовки адвокатов или курс юридической практики, где их обучают и оценивают по правовым знаниям, процедурам, этике и навыкам, соответствующим выбранной ими отрасли профессии. Наконец, кандидаты набираются опыта работы под наблюдением в качестве учеников-адвокатов или стажеров-адвокатов, чтобы завершить начальную профессиональную подготовку. В связи с этим основное внимание Э. Унгер уделяет изменениям в том, как солиситоры будут проходить квалификацию в будущем.

Глава 3 «Междисциплинарные подходы и сотрудничество в юридическом образовании в Англии и Уэльсе» («Interdisciplinary approaches and collaboration in legal education in England and Wales») (авторы – Мэнди Бертон и Дон Уоткинс) (Mandy Burton and Dawn Watkins) посвящена междисциплинарным подходам и сотрудничеству юридических школ в Соединенном Королевстве.

Юриспруденция, как отмечают исследователи, впервые появилась как дисциплина для преподавания в университетах Великобритании в XIX в., но за последние полвека или около того она выросла в геометрической прогрессии. Сейчас в Великобритании

более 100 университетов, включая частные университеты, предлагают юридические степени бакалавра и магистра. Конкуренция за места, как правило, очень жесткая, особенно среди университетов с более высоким рейтингом. Отчасти это объясняется тем, что потенциальные студенты-юристы рассматривают юридическое образование как путь к юридической профессии и хорошо оплачиваемой карьере практикующего юриста. Хотя многие студенты-юристы продолжают работать за пределами юридической профессии.

Как следствие, юридические школы университетов разработали свои курсы бакалавриата по юриспруденции в соответствии с требованиями регулирующих органов к подготовке солиситоров и адвокатов, Управления по регулированию солиситоров (SRA) и Совета по стандартам адвокатуры (BSB), соответственно. Студенты, которые намереваются или могут намереваться присоединиться к любой из этих профессий, должны иметь квалификационную степень юриста (QLD). Это должно включать «основы правовых знаний» в семи областях права: договор, уголовное право, деликт, собственность, справедливость, публичное право и право ЕС. В принципе юридические школы обладают довольно большой свободой в разработке своих курсов и подходов по этим семи основным предметам, поскольку они обязаны преподавать «ключевые элементы и общие принципы», а не следовать какой-либо подробной учебной программе. Однако на заре университетского юридического образования основное внимание уделялось закону и преобладал так называемый доктринальный подход.

В последние годы было высказано предположение, что доктринизм отходит на второй план по мере того, как юридические степени становятся более междисциплинарными или социально-правовыми по содержанию и подходу. Это, по мнению авторов, отчасти подтверждается изменениями в составе ученых-юристов: подготовка и опыт кандидатов наук, поступающих в юридические академии, могут иметь положительные последствия для продолжения или дальнейшей интеграции междисциплинарных подходов в учебную программу юридических вузов. Вместо того чтобы считать это само собой разумеющимся как позицию «по умолчанию», аспирантам-исследователям теперь необходимо объяснить и обосновать решение использовать чисто доктринальный подход к своим исследованиям, и у них есть широкий спектр методологических

подходов для рассмотрения. На некоторые исследовательские вопросы нельзя ответить с помощью чисто доктринального подхода. Углубленное изучение правовых норм практически не дает понимания того, как эти правила применяются на практике. Любому аспиранту необходимо будет поразмыслить над этим и подумать, требуются ли социально-правовые, междисциплинарные подходы для решения их исследовательского вопроса вместо или в дополнение к чисто доктринальному подходу.

Междисциплинарные подходы к преподаванию права в Великобритании включены в учебные программы многих юридических вузов. Трудно найти исчерпывающие данные о распространенности междисциплинарных подходов в преподавании в юридических школах, однако авторы приводят ряд примеров интеграции социально-правовых исследований и социально-правовых подходов. При этом отмечается, что определение социально-правовых исследований само по себе противоречиво. В узком толковании это может быть ограничено эмпирическими исследованиями (с использованием количественных или качественных методов социальных наук) для изучения законодательства и юридической практики. Основная предпосылка исследования заключалась в том, что необходимы стратегии для поддержки эмпирических исследований в области права на всех уровнях, включая высшее образование. Исследование, проведенное авторами, показало, что включение эмпирических подходов в учебную программу юридического факультета ранее было ограниченным, хотя методы самого исследования не позволяли достоверно оценить распространенность эмпирических исследований. Они предполагают, что лишь немногие студенты-юристы обучаются методам социальных наук, в лучшем случае их знакомство с эмпирическими юридическими исследованиями будет в качестве потребителей эмпирических исследований, проводимых другими. Хотя можно утверждать, что отсутствие подготовки в области методов социальных наук является ограничением для обучения студентов-юристов. Определение междисциплинарных или социально-правовых подходов, фокусирующихся на эмпирических исследованиях, по мнению авторов, является слишком узким.

Широкое определение социально-правовых исследований, которое охватывает теоретический и эмпирический анализ права

как социального явления, обосновывается необходимостью интеграции социально-правовых аспектов в более широком смысле. Показано, как эмпирические подходы могут формировать и обогащать изучение публичного права, например, раскрывая, как работают государственные органы. Ученые приходят к выводу, что понятие «социально-правовой» «является обобщающим термином, охватывающим множество дисциплинарных и теоретических подходов». Ученые-юристы могут называть себя теоретиками и вместе с тем часто рассматривают социально-правовые явления на основе эмпирических данных. Они признают, что преподают право в целом, а не только закон. Вместе с тем некоторые академические юристы описывают свою работу как социально-правовую, хотя на самом деле это не так. Это еще один аспект определения того, насколько широко применяются междисциплинарные подходы. Хотя достичь распространенности этих подходов является проблематичным, можно легко найти примеры передовой практики такой деятельности и сотрудничества.

Авторы приводят ряд примеров, демонстрирующих, как междисциплинарные подходы могут быть включены в основные предметы права собственности, договорного и деликтного права, уголовного права и права ЕС и др. По их мнению, важно, чтобы социально-правовые подходы были инкорпорированы в базовые предметы по многим причинам, но одна из них веская и заключается в том, что эти предметы, как правило, доминируют на первом курсе обучения, когда ожидания студентов относительно способов изучения права могут «закрепиться».

Акцент на междисциплинарных подходах и сотрудничестве сделан и автором гл. 4 «Закон в контексте – к рефлексивному подходу в (голландском) юридическом образовании» («Law in context – towards a reflexive approach in (Dutch) legal education» Убальдусом де Фризом (Ubalduus de Vries). Междисциплинарность и сотрудничество рассматриваются как жизненно важные компоненты юридического образования, независимо от того, рассматривается ли квалификация юриста как имеющая академические или профессиональные цели. Глава, написанная де Фризом, содержит обзор ряда междисциплинарных инициатив, которые опираются на такие

дисциплины, как политика, психология и экономика, а также помещают право в социальный контекст. По мнению де Фриза, такие программы не только способствуют тому, чтобы студенты-юристы могли идентифицировать себя; они также усиливают взаимосвязь, которая может возникнуть между юридическим образованием и юридической профессией, и способствуют развитию нового типа практикующих юристов, обладающих большей критичностью и открытостью. Ссылка де Фриза на группы лекторов предполагает, что также можно укреплять связи между учеными внутри и между дисциплинами. В некоторых случаях такая междисциплинарность позволяет объединить студентов-юристов со студентами других дисциплин (например, студентов-юристов и географов, работающих вместе по программе экологического права). Разнонаправленность, которую автор призывает читателей внедрять в такие подходы, может быть использована для более широкого понимания отношений и связей, окружающих и объединяющих отдельных студентов, а также тех, кто обучается в юридической школе или уже трудится юристом, что является важным для навигации в технологических изменениях в разных областях знаний.

О.Л. Алферов

КРАВЧУК Н.В.¹ НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КЛИНИЧЕСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ОТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ. (Обзор).

Аннотация. Обзор посвящен проблеме использования новых технологий в юридических клиниках. Цифровые технологии стали неотъемлемой частью профессии юриста, потому клиники начали учитывать потребность развития навыков в этой области при планировании своей деятельности. Первые попытки перенесения клинического образования онлайн были предприняты несколько лет назад, но в период пандемии COVID-19 с необходимостью делать это столкнулись все юридические клиники. Опыт, полученный при этом, показал, как применение технологий может содействовать получению студентами необходимых в профессии навыков и развитию клинического образования в целом.

Ключевые слова: клиническое юридическое образование; уличное право; дистанционное обучение; очное обучение; цифровые технологии.

KRAVCHUK N.V. New technologies in clinical legal education: from overcoming circumstances to use of possibilities. (Review).

Abstract. The review looks into a problem of use of new technologies in legal clinics. Digital technologies became an integral part of legal profession and clinics, therefore, while drafting their curricular clinics have started to take into consideration the necessity to develop skills in this field. First attempts to move clinical education online were made

---

¹ Кравчук Н.В., ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

several years ago. During Covid-19 pandemics all legal clinics had to do this to continue their activities. Experience gained during this period demonstrated use of digital technologies in clinical education can support the development of skills required by legal profession and the development of clinical education in general.

Keywords: clinical legal education; street law; distance learning; in-person instruction; digital technologies.

Для цитирования: Кравчук Н.В. Новые технологии в клиническом юридическом образовании: от преодоления обстоятельств к использованию новых возможностей. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 77–89.

DOI: 10.31249/grpravo/2022.02.05

Использование цифровых технологий стало в наши дни неотъемлемой частью юридической профессии. Необходимость соответствующего расширения сферы знаний и навыков признается и профессиональными сообществами. Так, Американская ассоциация адвокатов расширила квалификационные требования и включила в них обязательство «быть в курсе изменений в законе и практике его применения, включая риски и преимущества соответствующей технологии»¹. Университеты, осознавая все повышающиеся запросы работодателя к выпускникам, делают все возможное для того, чтобы не только передать им теоретические знания в области права, но и развить у них навыки практической работы, в том числе с современными технологиями. Юридические клиники, используемые для этой цели не только в США и странах Европы, но и в России, также начали задумываться о необходимости включения элементов цифровизации в свою деятельность.

Франсина Кантаторе, доцент Университета Бонда, Австралия, анализирует опыт внедрения новых технологий в клиническое юридическое образование в Австралии. Этот процесс преследует две цели: подготовить студентов-юристов к практике с использованием таких технологий и расширить доступ к правосудию для

---

¹ См., напр.: Государство и право в новой цифровой реальности : монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. И.А. Умновой- Конюховой и д-ра техн. наук, проф. Д.А. Ловцова (гл. 3.1. Автоматизация юридической профессии (автор – Кравчук Н.В.)). – Москва : РАН. ИНИОН, 2020. – С. 183–194.

клиентов или партнеров университета [1, р. 2]. Изучив работу клиник в австралийских университетах, она приходит к выводу, что, хотя в настоящее время австралийское клиническое образование страдает от явного недостатка ориентированности на современные технологии, клиники являются идеальным форматом подготовки студентов к работе в век технологий, поскольку дают им возможность узнать о цифровых технологиях и основанных на них новых моделях юридической практики. При этом Ф. Кантаторе отмечает, что внедрение технологического компонента в клиническое образование связано с необходимостью преодолеть сложность с отсутствием преподавателей с необходимой квалификацией и должного финансирования [1, р. 18].

В Австралии общепринято, что студенты обучаются не только пониманию основополагающих правовых принципов, теории, этике и прецедентам, но и погружаются в юридическую практику. 38 юридических школ, существующих в стране, включают в свою программу элементы клинического образования. Объем участия студентов в «реальной работе» и цели деятельности клинического образования в этих школах различны. Кроме того, они могут охватывать разные области права, включая иммиграционное право, право пожилых (elder law), коммерческое право, право прав человека и т.п. [1, р. 4].

Несмотря на очевидность актуальности знакомства студентов с технологиями, используемыми в юридической профессии, изучение описаний деятельности клиник на сайтах 38 австралийских университетов показывает отсутствие использования юридических технологий в качестве обязательного элемента клинического образования. При этом некоторые юридические школы предлагают спецкурсы, ориентированные конкретно на цифровые технологии.

Например, Университет Бонд предлагает курсы «Информационные технологии и право» и «Цифровой юрист»; Университет Центрального Квинсленда – «Портфолио профессиональных юристов», на котором студентов учат разрабатывать юридические приложения; Технологический университет Квинсленда – «Право, технологии и инновации»; Университет Мельбурна – «Право новых технологий»; Университет Южного Квинсленда – «Новые юридические технологии и практика» и «Право конфиденциальности и защиты данных» [1, р. 6].

Между тем работодатели ожидают от выпускников не только обладания навыками, традиционно ассоциируемыми с юридической профессией, такими, как коммуникационные, но и «достаточной технической компетентностью», необходимой, например, при взаимодействии с судами [1, р. 8]. Того же ждут от юристов и их клиенты. Поэтому не удивительно то, что все австралийские юридические общества включают модули, направленные на изучение новых технологий в программы непрерывного профессионального образования.

Так, Юридическое общество Южной Австралии (the Law Society of South Australia) в рамках программы повышения квалификации предусматривает курсы «Использование программного обеспечения для менеджмента / IT / социальных сетей» и «Использование технологий» [1, р. 9].

Согласно докладу юридического общества Нового Южного Уэльса 2017 г. «Будущее права и инновации в профессии», наиболее полезными навыками и знаниями будут следующие: технологии, практические навыки (например, навыки сотрудничества, защиты интересов, ведения переговоров), деловые навыки основы бухгалтерского учета и финансов, управление проектами, международное трансграничное право, междисциплинарный опыт и устойчивость, гибкость и способность адаптироваться к изменениям. Некоторые из них уже являются частью традиционной программы клинического образования студентов, другие еще не нашли в нем своего места [1, р. 10].

Ф. Кантаторе обращает внимание на положительный опыт клинического образования в США, в частности, на клиники Колумбийского и Нью-Йоркского университетов. Клиника Колумбийского университета использует технологии для обеспечения доступа лиц к правосудию с момента своего основания 20 лет назад. При этом студентам предоставляется возможность «сочетать приобретение современных юридических и технических навыков, дающих им значительный профессиональный рост» [1, р. 14]. В партнерстве с Исследовательским центром искусства и культуры Национального центра за креативное старение (Research Center for Arts and Culture at the National Center for Creative Aging) клиника создала уникальный онлайн-ресурс для пожилых художников, представляющий собой пошаговые инструкции для авторов по со-

хранению своего наследия. Инструкции интуитивно понятны и дают возможность составить список работ, задокументировать их ценность и защищать их посмертно.

Клиника Нью-Йоркского университета отличается от клиники Колумбийского университета тем, что ее деятельность сфокусирована на проблемах регулирования и политики в сфере технологий. К ним в первую очередь относятся такие вопросы, как неприкосновенность частной жизни, права потребителей, свобода слова и интеллектуальная собственность. Обучение включает в себя полевые исследования и семинары, на которых обсуждаются как право, регулирующее использование технологий, так и этические проблемы представления интересов общественных организаций. При том что деятельность этих двух клиник значительно различается, они обе дают студентам знания и навыки в области применения технологий в праве [1, р. 16].

Сотрудники Школы права Открытого университета, Великобритания, Хью Макфол, Лиз Харди, Фрэнсин Райан, Керен Ллойд Брайт и Нил Граффин, представляют ряд выводов, сделанных в результате учреждения онлайн-клиники. Некоторые из них, как отмечается, могут быть использованы при решении проблемы обучения студентов из удаленных местностей, а также в контексте необходимости перевести деятельность юридической клиники онлайн, возникшей у многих университетов в связи с ограничениями, установленными властями в рамках борьбы с распространением пандемии COVID-19 [2, р. 6].

Открытый университет – крупнейший университет Великобритании, который предоставляет возможность получения дистанционного юридического образования более чем 7 тыс. студентов из разных областей Соединенного Королевства. В силу его специфики организация обычной юридической клиники, где студенты встречаются с посетителями лицом к лицу, была невозможна. Основанная еще в 2016 г. онлайн-клиника имела цель дать возможность студентам университета дистанционно участвовать в работе *pro bono* (с лат.: ради общественных благ) и при этом обеспечить получение ими опыта практической деятельности на уровне студентов обычных вузов [2, р. 10]. Обучение в клинике поделено на три этапа. На первом этапе студентам преподают ключевые темы, такие, как социальная справедливость, профессиональная иден-

тичность и этика, у них развивают навыки правового исследования, письма, ораторства, онлайн-взаимодействия. При этом используются различные современные технологии. Особое внимание уделяется влиянию технологий на предоставление юридических услуг и развитию навыков, необходимых для их оказания. На втором этапе студенты работают в группе над различными проектами pro bono. Данные проекты могут осуществляться полностью или частично онлайн. На третьем этапе студенты должны подготовить работу, в которой проанализировано их участие в работе клиники [2, p. 11].

Авторы оценивают опыт функционирования онлайн-клиники как позитивный. Ее работа позволила студентам, обучающимся дистанционно, участвовать в проектах оказания юридической помощи, которые иначе были бы им недоступны. О пользе их участия в проектах свидетельствуют как статистика зачисления на курс и его успешное прохождения, так и отзывы студентов о том, как это повлияло на их профессиональное развитие. При этом организаторы клиники столкнулись с некоторыми сложностями, которые они сгруппировали по трем направлениям: сотрудничество, качество и конгруэнтность [2, p. 29].

Что касается сотрудничества, то, как отмечается, проблемы, типичные для групповой работы студентов, усиливаются при ее перенесении онлайн. При отсутствии личного знакомства построить доверительные отношения сложнее, отсутствует возможность опереться на невербальные средства коммуникации, а проблемы и задержки в коммуникации могут привести к недопониманию относительно мотивации и намерений членов группы. Разные расписания дня студентов, а также разные временные зоны, в которых они находятся, усиливают коммуникативные сложности [2, p. 30].

Для того чтобы преодолеть подобные сложности, со студентами была проведена дополнительная работа по их подготовке к виртуальному сотрудничеству и тренинг по построению команды, он включал в себя разрешение игровых ситуаций конфликта. Студенты также должны «в тренировочном режиме» написать соглашение о сотрудничестве, в рамках которого распределялись задания по проекту, методы коммуникации и разрешения споров. Оценка за выполнение данного задания не ставилась. В последующем при выполнении проекта эффективность онлайн-комму-

никации в малых группах обеспечивалась тьютором. При этом постепенно, по мере обучения студентов, ответственность за переписку переходила на них. Через два месяца после начала работы обучающиеся должны представить рефлексии о работе в группе и развитии у них навыков.

На следующем этапе коммуникация онлайн происходит без прямого вмешательства тьютора, однако периодические встречи группы с ним содействуют своевременному разрешению всех возникших вопросов. Таким образом, исходя из того, что навыки взаимодействия онлайн не являются априори развитыми у студентов, программа обучения в клинике должна предусматривать их развитие. Значительные усилия, направляемое на это, однако, стоят того и являются залогом успеха реализации выполняемого студентами проекта [2, р. 32].

Что касается качества, то процесс его обеспечения был связан с несколькими взаимосвязанными сложностями. Дистанционное руководство студентами, выполняющими разные проекты, требует тщательного планирования и менеджмента, а также инвестирования в штат, обладающий как юридическими, так и педагогическими знаниями и навыками. Отдельным вопросом является разработка образовательных материалов. Эти материалы имеют особое значения в обстоятельствах, когда итоговый продукт, над которым работают студентам, является публичным. Еще окончательно не решенным вопросом остается вопрос оценки работы студентов. Учитывая групповую природу работы, наиболее оптимальным представляется оценка работы отдельного студента посредством представления им рефлексии о его участии в проекте. Данный подход применяется и в других клиниках [2, р. 33].

И наконец, говоря о конгруэнтности, авторы подчеркивают важность тщательного отбора проектов, в которых будут участвовать студенты. Эти проекты должны, с одной стороны, отражать профессиональные стандарты правовой работы, с другой – соответствовать способностям студентов. Последний аспект нельзя недооценивать. На раннем этапе функционирования онлайн-клиники, преследуя цель обогатить студентов разнообразным опытом практической работы, было решено сделать обязательным участие студентов в двух проектах. Однако опыт показал, что такие требования были нереалистичны: время и силы, требуемые

студентам для участия в проектах, особенно, когда речь шла о реальных клиентах, были слишком велики. Учитывая негативный опыт, было принято решение уменьшить количество обязательных проектов до одного и предусмотреть участие во втором проекте в качестве возможной, но необязательной нагрузки. Это решение в дальнейшем положительно сказалось на вовлеченности студентов в работу [2, р. 34].

С похожими сложностями при перенесении работы клиники в киберпространство столкнулась и Эми Уоллес, адъюнкт-профессор права Нью-Йоркской школы права. Она отмечает, что три основных компонента успешной программы клинического юридического образования – это практическое содержание, интерактивные стратегии обучения, основанные на навыках, и участие сообщества. Крайне важно и то, что вопросы, рассматриваемые в клиниках во всем мире, кардинально отличаются, они должны быть важны и актуальны для студентов. Когда школы по всему миру перешли на дистанционное обучение, десятилетия практической педагогики «уличного права» («street law») ¹ были мгновенно поставлены с ног на голову, и перед клиниками встала задача переосмыслить свою интерактивную учебную программу в виртуальной среде [3, р. 84].

Проект, в котором участвовали студенты, руководимые Э. Уоллес, заключался в преподавании права студентами-юристами ученикам старшей школы. Поэтому в дополнение к другим трудностям они столкнулись с необходимостью учета неравного доступа обучаемых к технологиям, что привело, например, к невозможности проведения синхронных занятий в разных группах [3, р. 88]. Это осложнило не только работу студентов, но и руководство ими. Выходом из сложившейся ситуации стала запись студентами информационных видео, служивших дополнением к письменным учебным материалам. Видео не только содержали необходимую информацию, но и стали способом передать теплое отношение и поддержку от студентов ученикам в непростое время пандемии.

---

¹ Под уличным правом понимается подход к обучению практически актуальному праву широких слоев населения с использованием интерактивных методов обучения.

При организации летней школы, которая в доковидные времена предполагала трехчасовые занятия, четыре дня в неделю на протяжении трех недель, пришлось переработать не только расписание (столь длинные сессии в Зуме для 13–14-летних детей были бы очевидно неэффективными), но и все материалы. При их подготовке использовались правовые нормы и ситуации, возникшие во время пандемии, включая законы о социальном дистанцировании и демонстрации против полицейской жестокости (Black Lives Matter). Апелляция к этим недавним событиям была призвана помочь мотивировать обучающихся, что при обучении онлайн сделать сложнее [3, р. 91, 92]. Этот расчет оправдался – урок, посвященный указанным вопросам, был одним из наиболее хорошо посещаемых в разных группах.

Студенты, преподававшие на летней школе, как подметила Э. Уоллес, быстро убедились в том, что преподавать с помощью программ типа Zoom значительно сложнее, чем учиться. Технические сложности и низкая посещаемость и активность учащихся негативно влияли на динамику в группе, что привело к решению объединить группы с целью добиться более оживленной дискуссии. Это привело, однако, к обратному эффекту и группы снова были разъединены [3, р. 92].

Эти и другие сложности, с которыми столкнулись студенты, привели к выработке «лучших практик» («best practices»), которые Э. Уоллес разделила на два вида – методология проведения урока и его содержание.

Изначально столкнувшись с необходимостью проводить асинхронные занятия, Э. Уоллес позже поняла, что добавление некоторых элементов асинхронности в занятия в Zoom может быть полезно. Применение интерактивных методов образования в режиме дистанта занимает много времени. Включение в программу просмотра видео, покрывающих часть лекционного материала, может освободить время, необходимое для интерактива. Кроме того, учащиеся могут смотреть видео в периоды, когда они наиболее готовы к учебе, и пересматривать его несколько раз в случае необходимости. Еще одна цель, которая достигается введением такого элемента, – дробление периодов самостоятельного изучения материала, которые могут быть более продолжительны, нежели при очном обучении. Этой же цели можно достигнуть путем

размещения интересных статей или роликов на платформах типа Google Classroom и их обсуждения. Этот вид деятельности, кроме того, стимулирует общение между учениками, а этого им так не хватает при отсутствии очных занятий [3, р. 96].

Форма образовательного процесса имеет значение и для количества обучающихся в одной группе. При очном обучении оптимальным является класс в 18–25 человек. Для занятий в Zoom его размер должен быть около 15 человек, поскольку в больших группах выступающие чувствуют себя некомфортно. Изменяется и оптимальное количество тьюторов – на очном занятии присутствие более одного инструктора в помещении отвлекает, но работе в Zoom должный уровень интерактивности удавалось обеспечить только при участии, как минимум, трех (по одному на каждую подгруппу). Причем им приходилось разрешать не только содержательные, но и вопросы, связанные с отсутствием понимания учениками современных технологий (количество используемых в процессе обучения приложений должно быть ограничено) [3, р. 96–97]. Вывод о необходимости увеличения количества тьюторов был независимо сделан и в других клиниках США, занимающихся уличным правом [4, р. 176].

Что касается содержания урока, то ключевым является отслеживание понимания учащимися даваемого материала и заданий. На обычном уроке они могли бы в случае, если что-то пропустили, обратиться к соседу за разъяснениями, кроме того, их замешательство могло привлечь внимание преподавателя. При проведении занятий в дистанционном формате это невозможно. Вопросы: «Все понятно?», «Есть ли вопросы?» показали себя неэффективными как при очном, так и онлайн-обучении. А вот наводящие вопросы и обращенная к ученикам просьба повторить задание/материал своими словами были полезны [3, р. 96–97]. При этом техники проверки понимания обучающимися материала и их концентрации должны быть разнообразны и варьироваться [4, р. 177].

В целом динамика урока в Zoom (время, которое уходит на разрешение технических вопросов, таких, как подключение экрана, разделение студентов по виртуальным комнатам, ожидание, пока студенты загрузят материалы в классной комнате Гугл и проч.) не позволяет охватить столько материала, сколько препода-

давалось на очных уроках. Объем пройденного материала сокращается почти в два раза. Соответственно, программа курса, ранее преподававшегося очно, должна быть адаптирована с учетом динамики онлайн-урока. Учитывая проблему более низкой вовлеченности студентов, упоминавшуюся ранее, они должны включать как можно больше наглядных материалов. В этом контексте стоит отметить, что инструментом, показавшим 100% результативность, оказались опросы студентов (проводимые с помощью различных приложений). В них участвовали и те студенты, кто был постоянно пассивен в отношении других видов деятельности [3, р. 100]. А вот опыт использования студентами чата по-разному оценивался разными клиниками. Э. Уоллес отмечала, что при наличии возможности использовать чат ученики полностью переходили на этот способ общения и уклонялись от устных ответов, что, по ее мнению, негативно влияло на динамику урока. Руководители других клиник находили его полезным, поскольку в некоторых случаях по разным причинам он был единственным способом коммуникации, доступным для учеников [4, р. 177].

Самым главным уроком, который был вынесен из опыта реализации студентами этого проекта, заключается в том, что виртуальные уроки не смогут заменить классического обучения «лицом к лицу». Однако они могут служить временным решением при невозможности очного обучения [3, р. 106]. Более того, опыт, полученный при онлайн-обучении, может быть полезен и при возвращении к «обычной жизни».

Во-первых, многие руководители клиник отмечали, что использование современных технологий позволяет расширить круг клиентов клиники. Поэтому они планируют и при возвращении к очной работе сохранить элементы дистанционной деятельности. Это может быть полезно в ситуации необходимости приспособиться к загруженным графикам студентов и необходимости снизить их транспортные расходы.

Во-вторых, элементы, стимулирующие активное обучение (опросы), и элементы пассивного обучения, показавшие свою результативность (короткие видео, поясняющие сложные темы; наглядные презентации), при наличии в классе необходимого технического оборудования могут быть использованы и при очном обучении.

В-третьих, виртуальные занятия дают возможность пригласить в класс больше гостей и таким образом «оживить» уроки и сделать более видимым присутствие членов различных сообществ.

В-четвертых, необходимость постоянно следить за тем, что обучающиеся понимают материал и задания, была особенно актуальна при занятиях онлайн, однако она сохраняется и при очном обучении. Для достижения этой цели могут использоваться наработки последнего времени.

В-пятых, перед тем как приступить к выполнению проектов, обучающиеся проходили тренинг, посвященный основам коммуникации с использованием современных технологий. Похожие тренинги могут проводиться и для установления правил взаимодействия в группе при очном выполнении студентами проектов.

Дополнительно, в контексте работы клиник «уличного права», можно отметить, что необходимость значительно сократить количество преподаваемого материала привела к переоценке того, какие знания являются наиболее необходимыми для учеников. Это дало возможность заново оценить программу курса и доработать его [4, p. 178–180].

Период пандемии повлиял на процесс получения студентами практического опыта больше, нежели на другие сферы юридического образования. Тот факт, что клиники продолжили свою работу и в этих обстоятельствах, свидетельствует о двух вещах – осознании студентами важности получения клинического опыта и готовности клиник развиваться и приспосабливаться к новым вызовам. Уроки, вынесенные из необходимости осуществлять проекты дистанционно, как было продемонстрировано в данном обзоре, станут шагом вперед на пути освоения клиниками новых технологий и включения навыков их использования в юридической работе в постоянную программу клинического образования.

Список литературы

1. Cantatore F. New frontiers in clinical legal education : Harnessing technology to prepare students for practice and facilitate access to justice // Australian journal of clinical education. – 2019. – Vol. 5, N 1. – URL: <https://ajce.scholasticahq.com/article/11191-new-frontiers-in-clinical-legal-education-harnessing-technology-to-prepare-students-for-practice-and-facilitate-access-to-justice> (дата обращения: 11.01.2022).

Новые технологии в клиническом юридическом образовании: от преодоления обстоятельств к использованию новых возможностей

---

2. Taking clinical legal education online : Songs of innocence and experience / H. McFaul, L. Hardie, F. Ryan, R. Lloyd Bright, N. Graffin // International journal of clinical legal education. – 2020. – Vol. 27, N 4. – P. 6–38.
3. Wallace A.L. Classroom to cyberspace : Preserving street law's interactive and student-centered focus during distance learning // International journal of clinical legal education. – 2020. – Vol. 27, N. 4. – P. 83–106.
4. Wallace A.L. Cyberspace back to the classroom : Taking lessons learned from teaching street law during the pandemic back to in-person instruction // International journal of clinical legal education. – 2021. – Vol. 28, N 2. – P. 149–181.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КЛИНИЧЕСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ФИЛОСОФСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ / под ред. О. Мэдхлума и Х. МакФола. (Реф. кн.).

Thinking about clinical legal education. philosophical and theoretical perspectives / ed. by O. Madhloom and H. McFaul. – New York, 2022. – 265 p. – (Book summary).

Ключевые слова: клиническое юридическое образование; уличное право; основополагающие права; правосудие; неолиберализм.

Keywords: clinical legal education; street law; fundamental rights; justice; neoliberalism.

Для цитирования: Кравчук Н.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 90–100. Реф. кн.: Размышления о клиническом юридическом образовании : философские и теоретические перспективы = Thinking about clinical legal education. philosophical and theoretical perspectives / под ред. О. Мэдхлума [O. Madhloom] и Х. МакФола [H. McFaul]. – New York, 2022. – 265 p. – (Book summary).

Публикации, посвященные клиническому юридическому образованию, как правило, носят практический характер. Сборник статей «Размышляя о клиническом юридическом образовании. Философские и теоретические перспективы» выходит за рамки привычного утилитарного подхода.

Авторами глав в этом сборнике являются ученые-юристы со всего мира, которые интересуются клиническим юридическим образованием (CLE) как методологией. Они стремились по-новому

взглянуть на CLE – с определенной теоретической или философской точки зрения.

Из статей, вошедших в данное издание, мы отобрали те, в которых раскрывается влияние различных теоретических и философских учений на формирование их программ и функционирование, а не на национальную специфику устройства клиник.

Андрес Гаскон-Куэнка (A. Gascón-Cuenca), содиректор Юридической клиники за социальное правосудие (the Legal Clinic for Social Justice) Факультета права Университета Валенсии, научный сотрудник Института по правам человека, профессор Департамента философии права и политики, член Совета директоров Всемирного альянса за образование в области правосудия (the Global Alliance for Justice Education), начинает свою статью *«Теория основных прав Луиджи Ферраджоли и клиническое юридическое образование»* (*«Luigi Ferrajoli's theory of fundamental rights and clinical legal education»*) с комментария о традиционной роли университетов как лота свободы мысли и критического мышления. Это положение вещей, однако, было подорвано неолиберализмом и Болонским процессом – реформой образования, направленной на облегчение учебного и профессионального обмена между европейскими странами. На сферу юридического образования это оказало особенно значительное влияние, во-первых, в связи с сокращением срока обучения с пяти до четырех лет; во-вторых, в силу приоритета формального образования; и в-третьих, из-за принятия теории человеческого капитала, рассматривающей знания и навыки исключительно с точки зрения их экономической ценности, в качестве основы определения учебных целей (р. 87).

Уровень университетского образования снизился в силу того, что юристы считаются техническими работниками, выполняющими свои профессиональные функции, не оценивая имеющееся положение вещей критически и не принимая во внимание содержательную защиту основополагающих прав. Исходя из такого понимания, из программы обучения был убран ряд предметов, способствовавших формированию у студентов твердых знаний о правовой системе и пониманию ключевых категорий и институтов права. Наоборот, главенствующее место в программе обучения заняли практические навыки, способствующие трудоустройству студента в дальнейшем. Замена стимулирования научного знания

и критического мышления наработкой качеств, диктуемых будущим работодателем, приводит к тому, что студенты не в состоянии оценить решения властей, направленные на приоритизацию частных интересов над общественными, осознать и оспорить положения, принятые в действующей правовой системе в качестве нормы, такие, как, например, неолиберальная концепция формального равенства, зачастую используемая в целях поддержания положения привилегированных слоев (р. 89). Знакомство студентов в рамках их работы в клинике с идеями Луиджи Ферраджоли относительно правомочности закона (*validity of law*) способствует приобретению ими когнитивных навыков определения, критики и оспаривания норм, угрожающих конституционной демократии.

Одна из ключевых идей Л. Ферраджоли заключается в определении различия между формальной и содержательной правомочностью закона. Формальная правомочность основывается на следовании законодателем процедуры принятия нормы. В конституционной демократии для правомочности закона требуется не только формальная, но и «содержательная законность» («*substantial legality*») или «строгая законность» («*strict legality*»), которая достигается при условии, что содержание нормы не противоречит принципам и фундаментальным правам, закрепленным в конституции. Эти права и принципы предусмотрены с целью ограничения свободной рыночной экономики, а также нарушений прав меньшинства со стороны большинства населения. Таким образом, защищать права означает предусмотреть гарантии их соблюдения в условиях свободы экономики и влияния большинства, в чем и заключается обязанность государства. Норма, не обеспечивающая такое положение или напрямую его нарушающая, не может считаться в полной мере правомочной (р. 94).

Согласно современному пониманию позитивизма, сформулированному Г. Кельзенем, права (даже конституционные), если они не гарантированы должным образом, не могут считаться надлежащими правами. Л. Ферраджоли противопоставляет этому необходимость различать права и их гарантии. Если этого не сделать, будут утрачены два важнейших достижения конституционализма – интернализация фундаментальных прав и конституционализация социальных прав. Что касается гарантий, то они разделяются на первичные (негативные – ограничивающие право

власти изменять или отменять закрепленные права, позитивные – обеспечивающие создание законодательства, развивающего права, закрепленные на конституционном уровне) и вторичные (контроль за неконституционными действиями или принятием противоречащих конституционным положениям норм). Невыполнение государством своих обязанностей предусмотреть гарантии прав не может уменьшить важности прав или обязанностей государства по их обеспечению. Если мы сталкиваемся с ситуацией отсутствия законодательства, препятствующего лицу реализовать права, мы должны твердо заявить об обязательствах государства в этой связи (р. 96).

Понимание фундаментальных прав как норм, созданных для защиты уязвимых групп, – основное в концепции конституционного государства Л. Ферраджоли. Права, будь то социальные, политические, гражданские, экономические или культурные, имеют своей целью защиту от злоупотреблений и насилия и борьбу за признание человеческого достоинства и формального и содержательного равенства. Именно поэтому учение Ферраджоли должно быть основой дебатов студентов университета. Размышления о том, как позитивное право соответствует конституционным ценностям, должно стать основой их образования как будущих экспертов в области права. Клиническое юридическое образование предоставляет им возможность обсуждать эти правовые вопросы «через практическую деятельность» (learning-by-doing) на примере реальных дел (р. 98).

А. Гаскон-Куэнка ссылается на свой опыт общения с сотнями студентов, выбравших профессию юриста как нечто большее, нежели приличную работу и хорошую зарплату, – как дело, которое даст возможность содействовать построению общества, основанного на фундаментальных правах и принципах. Вскоре после начала обучения они, однако, осознают, что от них требуется только заучивание позитивного права и становятся пассивными и некритичными. Одна из целей юридической клиники Университета Валенсии заключается в том, что восстановить веру студентов в социальное правосудие. Изучая и обсуждая идею правомочности закона, студенты развивают критическое мышление и усваивают, что прежде чем выработать решение проблемы, необходимо выяснить причины ее возникновения (р. 101).

В качестве примера применения такого подхода А. Гаскон-Куэнка приводит проект по расовой дискриминации детей рома-цыган в школах. Студенты исследуют международные и национальные стандарты защиты прав (в частности, права на образование) и то, как политические решения, имплементирующие эти права, не в полной мере им соответствуют. Теория Ферраджели приходит студентам на помощь в тот момент, когда они осознают, что национальные нормы и действия властей не всегда ориентированы на международные конвенции и национальные конституции. Вторая часть проекта посвящена деконструкции предвзятости студентов по отношению к сообществу рома-цыган. Это необходимо для критической оценки истинных причин правовой проблемы. С этой целью студенты изучают все аспекты проблемы и рассуждают о содержании права на образование, косвенной дискриминации, мерах, предпринимаемых властями. Таким образом, студенты не только участвуют в защите прав отдельного лица, но и развивают навыки критического исследования системы права в целом. Учитывая изменения в учебном процессе, ставшие результатом Болонского процесса, обучение студентов в юридической клинике представляет собой возможность противопоставить формальному образованию альтернативные способы мышления и понимания позитивного права, альтернативное видение юридической практики, правовых ценностей и культуры (р. 102).

Несколько иначе, в контексте верховенства неолиберальных идей, концептуализируется необходимость программ так называемого уличного права. Этот вопрос рассматривается в следующей статье.

Бен Пердю (B. Perdue), директор Международных программ по уличному праву (International Programmes at Street Law, Inc), неправительственной организации, продвигающей правосудие и знания и навыки в области права, начинает свою статью *«Неолиберализм и уличное право: изучение успеха общинной инициативы в неолиберальной системе высшего образования»* (*«Neoliberalism and street law: Examining the success of a communitarian initiative in a neoliberal higher education system»*) с цитирования слов Френсиса Фукуямы о том, что ни фашизм, ни коммунизм, ни религиозность, ни национализм, ни что бы то ни было другое не смогут победить либеральный капитализм как главенствующую

глобальную экономическую систему (р. 137). Не называя этого термина, Фукуяма по сути говорит о неолиберализме, который к сегодняшнему дню повлиял на все сферы жизни, включая и образование.

Изменения коснулись структуры и менеджмента университетов, содержания и методик преподавания программ. «Неолиберализация» образования развернула его в сторону учета измеряемых индикаторов.

Так, в США ежегодно публикуется список всех юридических факультетов. При этом рейтинг, получаемый школой, влияет как на количество студентов, желающих поступить в этот университет, и их перспективы трудоустройства, так и на положение сотрудников и их публикации. Рейтингование осуществляется исходя из таких факторов, как процент студентов, сдавших экзамен в адвокатуру и трудоустроившихся сразу или в течение 10 месяцев после окончания университета. Заинтересованные в повышении своего рейтинга университеты направляют усилия на обеспечение студентов техническими знаниями и навыками, которые в первую очередь пригодятся им при трудоустройстве и сдаче экзамена (р. 143).

Уличное право на первый взгляд не имеет никакого отношения к неолиберализму. В его основе лежит идея о том, что для успеха демократическим обществам необходимы вовлеченные люди, умеющие критически мыслить. Его фокус – на обогащении сообщества и на том, как отдельные люди могут взаимодействовать с сообществом, делая жизнь окружающих лучше. При том что уличное право, разумеется, способствует получению студентами знаний и навыков, цель их образования составляет не развитие у них «продаваемых» навыков, а их вовлечение в жизнь сообщества. Таким образом, поскольку клиники уличного права (по сравнению с другими клиническими программами, которые хотя и ориентированы на общественный интерес, тем не менее помогают студентам развивать навыки, которые впоследствии будут использоваться ими в работе) не готовят юристов для соответствующего рынка услуг, они, по идее, не должны быть востребованы в рамках неолиберальной системы высшего образования (р. 145).

И все же, несмотря на противоречие идеям неолиберализма, клиники уличного права процветают. За четыре последних десяти-

летия, как раз в то время, когда идеи неолиберализма стали общепринятыми как в обществе в целом, так и в высшем образовании, уличное право выросло и распространилось по факультетам права США и других стран. Сегодня такие клиники функционируют при более чем 70 факультетах в США и в 40 странах Западной Европы, Восточной Европы и Азии. Объяснение этому парадоксу невозможно без анализа того, что дает уличное право студентам – тем самым движимым личными интересами индивидуумам, находящимся в центре неолиберальной системы образования. Полученные студентами навыки, оказывается, вполне соответствуют ее подходам и ценностям (р. 146).

Поскольку высшее образование стоит дорого, а время и ресурсы ограничены, многие студенты (и их родители) предпочитают предметы, прямо и непосредственно связанные с приобретением знаний и навыков, необходимых для поиска работы. Однако овладение навыками более общего и менее технического характера также может быть важным. Техническое и предпрофессиональное образование может быть полезно только при достижении навыков, необходимых в профессиях и работах, существующих сейчас. Учитывая текущий темп развития экономики и техники, навыки, приобретенные студентами сегодня, завтра могут уже устареть. Рынок труда стремительно меняется, количество технических вакансий становится все меньше. И наоборот, все большее количество работодателей ищет сотрудников, обладающих умениями, которые не только не устареют, но и могут быть использованы в разных сферах (р. 147).

Компетенции, наличие которых так высоко оценивается как работодателями, так и клиентами (работа в группе, коммуникация, менеджмент проектов), как раз и развиваются в клиниках уличного права. Большинство программ уличного права предполагает тесное сотрудничество между студентами, преподающими право. Даже в случаях, когда они ведут занятие не в парах, а по одному, отчитываясь и анализируя проведенное занятие, они тесно взаимодействуют с тьютором и другими студентами. В процессе работы студенты учатся взаимодействию с обучающимися. В частности, они должны уметь объяснить сложные правовые проблемы языком, понятным молодым людям без специального образования. Студенты должны тщательно готовиться к занятиям, ведь они са-

мостоятельно ведут занятия в молодой и пытливой аудитории. На них лежит ответственность за разработку плана урока, проведение интерактивных и динамичных занятий, ответы на вопросы в рамках отведенного времени. Это способствует развитию навыков, применяемых в управлении проектами (р. 148).

Развитие этих навыков повышает человеческий капитал студентов и, согласно теории человеческого капитала, приводит к повышению личной экономической выгоды. Неолиберальные правовые школы, соответственно, прямо заинтересованы в том, чтобы предлагать программы уличного права потребителям – студентам. Можно даже сказать, что в высоко конкурентной среде высшего юридического образования, где университеты борются за студентов, предлагая им богатый выбор обучающих программ, они не могут себе позволить не развивать программы уличного права. Это и приводит к процветанию клиник, несмотря на то что идеи, на которые они опираются, расходятся с идеями неолиберализма (р. 149).

Еще один пример использования теории права в программе клинического образования представляет собой юридическая клиника факультета права Университета Загреба. Здесь, преследуя цель стимулирования в студентах аналитического мышления, обращаются к теории справедливости Ролза.

Омар Мэдхлум (O. Madhloom), старший преподаватель и юрист Школы права Университета Бристоля, сопредседатель Бристольского общества pro bono (Bristol Pro Bono Society) и попечитель Организации клинического юридического образования (Clinical Legal Education Organisation), и Барбара Преложняк (B. Preložnjak), доцент Департамента общей теории государства и права факультета права Университета Загреба, адвокат, заместитель директора Юридической клиники факультета права Университета Загреба, в статье «*Применение теории справедливости Ролза к клиническому юридическому образованию в Республике Хорватия*» («*Applying Rawls' theory of justice to clinical legal education in the Republic of Croatia*») подчеркивают, что цели, поставленные перед клиникой (научить студентов использовать правовые навыки и теорию права, оказывать содействие людям, нуждающимся в правовой помощи, а также выяснять, действует ли закон на благо или в ущерб общественному благополучию и социальной справедливости).

ности), невозможно достигнуть, не имея в своем распоряжении концептуальных аналитических инструментов (р. 122). Теория справедливости Дж. Ролза нацелена на установление системы справедливого распределения первичных социальных благ и может помочь студентам выйти за рамки модели клиент-юрист и обратить внимание на такие проблемы, как важность услуг pro bono для малоимущих граждан в защите ими их прав и взаимоотношения между правовой помощью и доступом к правосудию.

Ценность использования этой теории в клиническом юридическом образовании имеет три измерения. Во-первых, студенты могут рассуждать о принципах правосудия и их применении к правовой системе Хорватии или любой другой юрисдикции. Во-вторых, исследование социальных институтов выводит студентов за рамки узкой модели взаимоотношений между юристом и его клиентом – студенты могут оценить, насколько действующая в стране система правовой помощи способна защитить первичные блага обратившихся в клинику лиц. В-третьих, теория Ролза сочетает в себе право индивидуального выбора с заботой о тех, кто находится в худшем положении (р. 123).

Обучение студентов – не единственная цель юридической клиники. Помимо этого она еще и содействует продвижению социальной справедливости. Ориентируясь на это, студенты учатся определять и оспаривать несправедливость. Они понимают, что для многих их клиентов получение бесплатной юридической помощи – единственная надежда защитить свои права. Повышенное чувство ответственности перед ними способствует развитию чувства социальной справедливости (р. 105).

Дж. Ролз рассматривает справедливость как набор принципов, которые определяют должное распределение выгод и бремени социального взаимодействия. «Справедливость как честность» ставится выше иных добродетелей, «правильное» важнее «хорошего» и, соответственно, должно обеспечиваться в первую очередь. Учитывая соображения социальной справедливости и фокус Ролза на социальных институтах, студенты усваивают политическое видение своей деятельности, выходящей за рамки преследования индивидуальной справедливости (р. 109).

Для Дж. Ролза важно, что принципами справедливости являются те принципы, которые выберут люди, находящиеся в так

называемом исходном положении. В этом положении люди находятся за своего рода «вуалью неведения», т.е. они не знают точно, какое именно положение в обществе они занимают, в чем именно состоит их интерес, но при этом они обладают общей информацией: знают, как устроены общество, природа, экономические законы, социологические закономерности. В этой ситуации людям ничего не остается, как рассуждать беспристрастно, а не применительно к собственной выгоде. Находясь за «вуалью неведения», люди бы выбрали объективные принципы справедливости. Выбираются не просто любые абстрактные принципы справедливости, а те, которые касаются распределения так называемых первичных благ. При этом под ними понимаются блага, позволяющие достичь максимально широкого круга целей – основные права и свободы, а также возможности (р. 112).

Дж. Ролз называет два принципа справедливости. Первый – принцип равных свобод, заключается в том, что «каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других». Второй – принцип различия, гласит, что социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех и чтобы доступ к положениям и должностям был бы открыт всем. Первый принцип должен быть всегда первичен по отношению ко второму. Пояняя второй принцип, Дж. Ролз говорит, что, хотя различия в распределении доходов и власти среди организаций ожидаемы, неравенство может быть допустимо лишь при условии, если это выгодно всем (цит. по: р. 113).

Программа обучения в юридической клинике Университета Загреба включает помимо работы студентов с отдельными клиентами анализ вопросов, относящихся к бесплатной правовой помощи и деятельности юридических клиник. В этом контексте применение теории справедливости Дж. Ролза к Министерству юстиции и университетам предусматривает следующие шаги:

- 1) размышления о том, должна ли правовая помощь быть признана первичным благом;
- 2) выработку принципов справедливости студентами в «исходном положении» и за «вуалью неведения»;

3) критику законодательства, регулирующего деятельность юридических клиник и получение бесплатной правовой помощи.

Дж. Ролз не упоминает бесплатную правовую помощь в числе первичных благ. При этом есть три причины, почему это следует сделать. Правовая помощь обеспечивает лицам доступ к правосудию для защиты их первичных благ и реализации прав и свобод, относимых к принципу равных свобод. Ее предоставление помогает защитить тех, кто не может позволить себе адвоката, от негативных последствий естественной лотереи и превратностей жизни. Принцип различия диктует, чтобы блага распределялись в интересах наименее удачливых членов общества (р. 119).

Выработка студентами принципов справедливости позволяет им анализировать роли социальных институтов, в том числе Министерства юстиции, финансирующего клиники, в обществе и их соответствие теории Ролза.

И наконец, анализ законов Хорватии о научной деятельности и высшем образовании (Act on Scientific Activity and Higher Education) и о бесплатной юридической помощи 2013 г. (Free Legal Aid Act), регулирующих деятельность клиник в стране, и ограничения видов правовой помощи, которую клиники могут предоставлять, приводит к выводу о том, что данные законы не отвечают цели защиты справедливости.

Приобретение навыков практической работы всегда считалось основной целью и главным плюсом клинического юридического образования. Сборник статей «Размышляя о клиническом юридическом образовании. Философские и теоретические перспективы», несколько статей которого стали предметом данного обзора, доказывает, что клиники как форма обучения не только дают студентам навыки, которые помогут им успешно найти работу, но и могут обеспечить получение теоретических знаний и развить навык критического мышления, что ранее достигалось в рамках общей программы обучения в университете.

Н.В. Кравчук

КРАСИКОВ Д.В.¹ ОБ ОЦЕНКЕ НЕОБХОДИМОСТИ И ПЕРСПЕКТИВ ИЗУЧЕНИЯ БУДУЩИМИ ЮРИСТАМИ ОСНОВ КОМПЬЮТЕРНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ. (Обзор).

Аннотация. В условиях значительного влияния на юридическую практику информационных и коммуникационных технологий, внедряемых во все сферы общественной жизни, в научных исследованиях широко обсуждается вопрос о перспективах получения юристами углубленных знаний в сфере цифровых технологий. В данном обзоре кратко рассматриваются отдельные зарубежные исследования, касающиеся обучения юристов основам компьютерного программирования.

Ключевые слова: компьютерное программирование; компьютерное кодирование; юридическая профессия; юридическое образование; программирование для юристов.

KRASIKOV D.V. On the assessment of the need and prospects for future lawyers to study the basics of computer programming. (Review).

Abstract. In the context of the significant impact on legal practice of information and communication technologies introduced into all spheres of public life, the need and prospects for lawyers to obtain in-depth knowledge in the field of technology, including computer programming, are widely discussed in the academic environment and among practitioners. This review briefly examines some foreign studies concerning the training of lawyers in the basics of computer programming.

---

¹ Красиков Д.В., заведующий кафедрой международного права Саратовской государственной юридической академии, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Keywords: computer programming; computer coding; legal profession; legal education; coding for lawyers.

Для цитирования: Красиков Д.В. Об оценке необходимости и перспектив изучения будущими юристами основ компьютерного программирования. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 101–112. DOI: 10.31249/rgrpravo/2022.02.06

Активное внедрение информационных и коммуникационных технологий во все сферы общественной жизни оказывает значительное влияние на юридическую практику. Реагируя на эти изменения, некоторые юридические вузы и факультеты внедряют в образовательный процесс специальные курсы, посвященные программированию, отдельные юридические фирмы начинают заниматься разработкой собственного программного обеспечения своей деятельности, юристы активно привлекаются к реализации многих государственных и коммерческих проектов, связанных с обработкой и анализом данных. В этих условиях в академической среде и среди практиков широко обсуждается вопрос о необходимости получения юристами углубленных знаний, компетенций и навыков в сфере новых технологий, включая область компьютерного программирования.

Марк Фенвик, адъюнкт-профессор юридического факультета Университета Кюсю (Япония), Вульф А. Каал, профессор Юридической школы Университета святого Томаса (США), и Эрик П.М. Вермеулен (Нидерланды) видят основную роль юристов будущего в качестве «инженеров деловых операций» («*transaction engineers*»), управляющих внедрением новых технологий и проектированием новой глобальной архитектуры общества. Ученые придерживаются позиции, что для эффективного выполнения указанных функций юристы должны приобретать новые навыки, включая понимание основных концепций и возможностей программирования [1, p. 103].

Исторически юристы были наиболее эффективными и социально полезными в тех случаях, когда они содействовали развитию новых форм бизнеса и других социальных отношений (примером служит роль юристов в становлении Кремниевой долины (*Silicon Valley*) как центра цифровых технологий в начале 1970-х годов).

В современной высококонкурентной и быстро меняющейся среде юридическим фирмам необходимо сосредоточиться на том, чтобы заново открыть для себя функцию эффективного проектирования деловых операций, которые могут помочь клиентам облегчить взаимодействие и сократить расходы. Это требует от юристов адаптации к новым условиям развития общественных отношений, и в этом случае представления о том, что процессы цифровой трансформации в обществе ведут к значительному сокращению востребованности специалистов-юристов, окажутся несостоятельными [1, p. 107–109].

Во-первых, юристы будущего должны быть в состоянии взять на себя роль менеджеров проектов или по крайней мере активных участников междисциплинарных команд, которые будут разрабатывать решения прогнозируемых проблем, связанных с использованием информационных и коммуникационных технологий: юристам придется тесно сотрудничать с инженерами, дизайнерами, архитекторами и другими техническими экспертами и специалистами цифровой сферы, что требует понимания того, как работают сетевые технологии и другие технологии, основанные на программном коде.

Во-вторых, в поисках этих решений юристы столкнутся с совершенно иным типом клиентов, имеющим особые потребности. Быстрорастущие технологические компании с незначительным объемом активов и небольшим количеством сотрудников занимают все более важное место в цифровой среде. Многие новые бизнес-модели, основанные на использовании сетевых цифровых технологий, стали успешными именно благодаря возможностям таких технологий, а не за счет традиционных инструментов управления коллективами работников и физическими активами [1, p. 109–110].

Кроме того, возросшее значение информационных технологий в юридической практике требует от юристов знаний в сфере программирования. Развитие юридических технологий (*Legal Tech*), состоящих в интеграции программного обеспечения в юридический контекст и в разработке юридических платформ и их приложений, с одной стороны, значительно повысило эффективность юристов, а с другой – изменило условия их деятельности. Различные стартапы в сфере *Legal Tech* предлагают юридические услуги в режиме онлайн и создают онлайн-платформы для поиска

клиентами юристов напрямую без обращения к услугам юридических фирм, используют инструменты искусственного интеллекта для анализа и оценки контрактов, задействуют технологию блокчейн для замены юристов в качестве посредников в сделках. Появление такой практики будет иметь широкие последствия для юридической профессии: традиционные юридические услуги будут становиться все менее актуальными; скоро приложения в сфере *Legal Tech* смогут выполнять большую часть работы младших юристов; развитие юридических технологий будет вынуждать юридические компании принимать инновации «на вооружение» и трансформировать свои организации и деятельность; юридические фирмы и отделы могут превратиться в виртуальные структуры (онлайн-платформы, подобные американской компании *UpCounsel*, нидерландской *LawyerlinQ* или немецкой *Digitorney*); благодаря технологии блокчейн и смарт-контрактам снизится традиционная роль юристов в выборе бизнес-партнеров, в заключении сделок и в контроле за соблюдением их условий [1, р. 110–113].

Альфредо Контрерас, адъюнкт-профессор Юридической школы Миннесотского университета (США), специалист по обработке и анализу данных компании *Brightflag* (Ирландия), и Джо МакГрат, преподаватель Юридической школы Сазерленда Университетского колледжа Дублина (Ирландия), адъюнкт-профессор Юридической школы Миннесотского Университета, отстаивают позицию о том, что, учитывая растущую роль, которую технологии играют в юридической практике, знания в сфере программирования (хотя и не обязательно сопряженные с экспертными навыками написания программных кодов), являются необходимыми для формирования юриста, ориентированного на будущее [2, р. 308–310]. Характеризуя влияние развития технологий на юридическую практику, авторы выделяют шесть основных направлений потенциального использования юристами навыков программирования, которые способны повысить эффективность их работы.

Во-первых, по мере того как все большее число юристов открывают для себя возможности программирования, все более популярным становится использование инструментов предикативного программирования для целей ускорения и повышения эффективности интеллектуального поиска, исследования и анализа данных

из больших объемов документов при подготовке к судебным разбирательствам.

Во-вторых, существуют виртуальные юридические фирмы, где профессиональные юристы с различными навыками могут сотрудничать друг с другом в рамках соглашений в стиле *Uber* или *Airbnb*, которые подбирают юристов с определенными навыками для решения конкретных задач и используют для этих целей технологии искусственного интеллекта. Данные технологии используются также и традиционными юридическими фирмами: например, чат-бот *Ailira* (обладающий искусственным интеллектом помощник по исследованию правовой информации, нередко называемый «*Siri* для налоговых юристов» или «юридическая фирма без юристов») консультирует юристов в сфере федерального налогового законодательства в Австралии, помогая им быстро искать ответы на сложные вопросы в сфере налогового права. В этих условиях юристам потребуется более обстоятельно развивать навыки управления проектами, работы в междисциплинарных командах и взаимодействия с нетрадиционными клиентами.

В-третьих, машинное обучение уже заменяет юристов в ограниченных, специфических контекстах, где определенные юридические задачи автоматизированы, – например, в сфере проектирования контрактов и разрешения споров. Как показывают исследования, в настоящее время можно автоматизировать до 22–23% объема работы юристов, и в обозримом будущем до 39% рабочих мест в юридическом секторе исчезнут из-за процессов автоматизации. Кроме того, известны эксперименты, демонстрирующие превосходство «робо-юристов», основанных на искусственном интеллекте, над юристами-людьми в решении некоторых конкретных юридических задач. Соответственно перспективы развития юридической профессии и юридического образования зависят от того, как практики и работники академической сферы будут реагировать на вызовы, порожденные развитием юридических технологий. Так, исследователи не только высказывают опасения относительно упразднения рабочих мест в юридической сфере, но и обсуждают возможность появления новых карьерных возможностей для юристов в качестве аналитиков и менеджеров проектов.

В-четвертых, понимание основ программирования может потребоваться юристам, имеющим дело с развивающейся практи-

кой прогностической правоохранительной деятельности (*predictive policing*), основанной на использовании «больших данных» для прогнозирования в сфере борьбы с преступностью.

В-пятых, необходимо участие юристов в использовании алгоритмов в сфере правосудия при оценке рисков противоправного поведения. Компьютерные модели все более активно используются для прогнозирования вероятности совершения правонарушителями новых преступлений, и такие оценки уже учитываются при вынесении приговоров, например, в ряде штатов в США. Вместе с тем, как показывают исследования, процент достоверности таких прогнозов остается весьма невысоким (1); им свойственны расовые предубеждения (2). Сопровождение юристами разработки и использования таких методов способно снизить вероятность возникновения подобных проблем.

В-шестых, проблемы качества разработки алгоритмов наблюдаются и в сфере борьбы с мошенничеством. Известны случаи ложных обвинений в мошенничестве, основанных на результатах алгоритмической оценки поведения людей; широко обсуждаются в контексте прав человека риски, порождаемые использованием компьютерного прогнозирования для оценки заявлений на получение иммиграционных и туристических виз и ходатайств по предоставлению убежища; в обществе высказывается беспокойство по поводу принятия алгоритмами важных решений, отменяющих или ограничивающих получение пособий по безработице, алиментов, жилищных и продовольственных субсидий. Подобное делегирование компьютерным программам отдельных функций со стороны правительств является особенно проблематичным, когда они не контролируются людьми. Юристы, имеющие соответствующую подготовку в области программирования и понимающие эти риски, идеально подходят для выполнения этой функции или для консультирования по вопросам предотвращения возникновения подобных проблем [2, р. 311–321].

Эти обстоятельства объясняют целесообразность обучения будущих юристов основам программирования, что не только позволит им подготовиться к новым условиям юридической практики, но и будет способствовать решению многих социальных проблем и открытию новых возможностей для развития передовых бизнес-моделей. В связи с этим многие специалисты обосновывают целе-

сообразность включения учебных дисциплин, посвященных программированию, в учебные планы по юриспруденции.

Описывая свой опыт разработки и внедрения дисциплины «Программирование для юристов» (*Coding for lawyers*), М. Фенвик, В.А. Каал и Э.П.М. Вермеулен обращают особое внимание на ее междисциплинарный и динамичный характер: она должна преподаваться командой юристов, программистов и математиков, а учебная программа должна постоянно адаптироваться в поисках надлежащего баланса между различными дисциплинарными элементами посредством постоянных экспериментов в отношении как содержания, так и методов обучения [1, p. 118–120].

В представленной авторами концепции изучение данной дисциплины начинается с ознакомления с основными функциями и преимуществами приложений на основе технологии блокчейн и смарт-контрактов. Особое внимание уделяется теории и практике функционирования децентрализованных автономных организаций, которые представляют собой организации, основанные на программном обеспечении, программном коде и смарт-контрактах. Они не имеют ни директоров, ни менеджеров, ни сотрудников. Обучающиеся также осваивают материал о математических аспектах криптографии, знакомятся с реальными примерами практики реализации блокчейн-инициатив (таких, как «платформа проверки репутации» *Semada.io*), изучают работу платформы *Ethereum*, позволяющей создавать компьютерные приложения, и занимаются написанием программных кодов на данной платформе. Среди примеров студенческих проектов – разработки, основанные на использовании технологии блокчейн для организации покупки поддержанных автомобилей, для разрешения споров, регистрации земельных участков и недвижимости, цифровой идентификации беженцев или других лиц без гражданства, для совместных поездок, финансирования политических кампаний и др. При этом целью данной дисциплины является не подготовка будущих юристов в качестве программистов, а формирование у них «продвинутого» понимания новых технологий и осознания того, насколько важно взаимодействие с новыми технологиями и экспертами в области технологий; т.е. речь идет о поощрении нового уровня технологической грамотности, позволяющего увидеть новые возможности и новые проблемы, которые создают такие технологии.

Свой опыт преподавания дисциплины «Программирование для юристов» в Юридической школе Миннесотского университета представляют для обсуждения А. Контрерас и Дж. МакГрат [2, р. 321–330]. Курс начинается с изучения теоретического материала о юридических технологиях, о роли юристов в сфере управления проектами, о искусственном интеллекте и его влиянии на развитие юридических технологий. Практическая часть курса включает три основные темы, посвященные: 1) вводному материалу о программировании на языке *Python*, 2) машинному обучению и 3) методам обработки естественного языка в рамках юридических технических решений. Первая тема дает студентам представления о различных типах данных и функциях, которые доступны для использования при программировании на языке *Python*: обучающиеся приобретают навыки составления простых программ; узнают, как использовать инструменты этого языка для доступа к веб-данным, что позволяет им выявлять и использовать онлайн-источники данных для исследований; размышляют о том, как можно использовать технологии и данные для облегчения доступа к юридическим услугам. В рамках второй темы изучаются основы машинного обучения и различные типы его моделей, и это позволяет студентам уметь объяснить, что означает обучение машин чему-либо, и понимать основные проблемы в этой сфере. На этом этапе обучающиеся выполняют упражнения, посвященные программному коду; узнают, как выбрать алгоритм машинного обучения и обучить его с использованием данных; размышляют о том, какие сложности могут возникнуть при разработке модели искусственного интеллекта; приходят к осознанию последствий некачественно разработанных алгоритмов, предоставления неверных данных и вытекающих из этого проблем при их применении на практике. Третья тема посвящена изучению методов обработки естественного языка, позволяющих анализировать использование слов и фраз для выводов о содержании документа или устной речи (такие методы включают, в том числе, поиск по ключевым словам, распознавание именованных сущностей, анализ настроений, преобразование речи в текст). Студентов учат понимать данные методы и средства обработки текстов, способы их применения в юридической практике, а также подходы к использованию юридических текстов в качестве данных для исследовательских целей. Курс за-

вершается теоретической темой, посвященной последним тенденциям в сфере юридических технологий.

Более сдержанно к идее о необходимости изучения будущими юристами основ программирования относится Миколай Барцентевич, директор по исследованиям Суррейского центра права и технологий (Гилфорд, Соединенное Королевство). Автор считает, что у нынешних и будущих юристов есть веские причины для приобретения навыков эффективного использования офисного программного обеспечения и программного обеспечения для юридических исследований, а также стандартных средств онлайн-общения и базовой кибербезопасности, однако дисциплины о передовых технологиях, таких, как компьютерное программирование, следует преподавать только в той мере, в какой это оправдано прямой потребностью в соответствующих навыках и знаниях для юридической карьеры, что справедливо лишь для меньшинства нынешних и будущих специалистов [3, р. 45].

М. Барцентевич выделяет три типа юристов в зависимости от уровня потребностей в технологической грамотности. Это юристы, которые получают преимущества: 1) только от базовых навыков; 2) от более глубоких знаний о работе технологий (точно так же, как юристы по планированию и строительству получают пользу от знаний об архитектуре и строительных технологиях); 3) от еще более передовых технологических навыков, включая навыки компьютерного программирования.

Подавляющее большинство будущих юристов будут относиться к первой и второй группам: в основном юристы продолжают оставаться потребителями компьютерных технологий и должны знать о них ровно столько, сколько требуется в области их специализации. В отличие от традиционной консультационной деятельности в сфере программного обеспечения относительно небольшое количество производителей может обслуживать большое количество потребителей – юристов или тех, кто обращается за юридической консультацией, и вряд ли разработки юридическими фирмами собственного программного обеспечения будут иметь такое же значение для юридической практики, как использование лицензированного программного обеспечения, поставляемого небольшим числом поставщиков. Более того, считая, что программное обеспечение способно автоматизировать выполнение некоторых юриди-

ческих задач, следует помнить и о том, что подобные технологические усовершенствования способны сделать то же самое и в отношении собственно разработки программного обеспечения, причем даже быстрее [3, р. 45].

Таким образом, хотя большинству специалистов в сфере юриспруденции (как и профессионалам в других областях) следует иметь базовые знания о технологиях, существуют веские причины для юристов и студентов юридических вузов хорошо задуматься, прежде чем прилагать значительные усилия для получения знаний и навыков в сфере технологий, если они не планируют работать в качестве аналитиков – исследователей данных или в качестве «инженеров-юристов», или «технологов-юристов», участвуя в разработке юридических технологий наравне с инженерами или в составе междисциплинарных команд [3, р. 47].

Александр Смит, главный менеджер по продукту *iManage RAVN*¹, и Найджел Спенсер, старший директор по работе с клиентами Бизнес-школы Саида Оксфордского университета (Соединенное Королевство), убеждены в том, что в будущем будут востребованы юристы, обладающие многофункциональной квалификацией, способные применять свой юридический опыт в постоянно меняющихся обстоятельствах все более гибким образом и в различных организационных условиях, однако высказывают сомнения в том, что будущим юристам целесообразно учиться программировать, поскольку в контексте долгосрочной перспективы юристы должны стремиться развивать основные навыки в области принципов права, логики и проектирования, а не изучать конкретные технологии, которые могут быть быстро вытеснены другими [4, р. 18].

Обобщая свой обширный опыт по разработке образовательных программ для высшего образования и послевузовской подготовки юристов для рынка юридических услуг в Соединенном Королевстве, авторы представляют результаты апробирования различных обучающих практик и анализируют их с точки зрения оценки эффективности для формирования мышления и навыков,

---

¹ *iManage RAVN* – передовая программная платформа искусственного интеллекта, поддерживающая ряд приложений для автоматического поиска и обобщения документов. – Прим. авт. – Д.К.

которые будут представлять собой критически важные компетенции для юристов в ближайшей перспективе.

Реагируя на неудовлетворенность потребителей юридических услуг, их поставщики вынуждены экспериментировать и корректировать модели юридической профессии: некоторые юридические фирмы изменяют свою организационную структуру, развивают практику передачи на аутсорсинг отдельных задач, отказываются от моделей почасовой оплаты, активно используют преимущества, связанные с внедрением технологий. В контексте такой практики трансформации и поиска инструментов повышения эффективности работы А. Смит и Н. Спенсер выделяют шесть потенциальных ролей в юридической практике, которые будут наиболее активно развиваться в будущем: консультационная, трансформационная, кооперирующая, а также роль инноватора, роль управляющего данными и превентивная, или прогностическая роль [4, р. 27–31]. Выполнение этих ролей не предполагает необходимости появления «программирующих юристов», скорее, выполнение этих функций будет основано на принципах деятельности в качестве «доверенных советников», обладающих широкими возможностями, что предполагает повышенную осведомленность в коммерческой сфере, способность проявления эмпатии при обслуживании клиентов, инициативность, способность к использованию творческого и инновационного подхода в работе, наличие гибкого мышления, открытого к обучению и к новым идеям, высокий уровень навыков участия в совместной работе, общения и оказания содействия, понимание природы данных и принципов их использования, принадлежности к кругам, разнообразным с точки зрения взглядов, опыта, особенностей восприятия и предпочтений [4, р. 31–32]. В отличие от знаний и навыков в сфере технологий, которые выполняют лишь вспомогательную роль в сфере профессиональной юридической деятельности, именно эти качества станут ключевыми для юридической карьеры в будущем и именно их развитию надлежит уделять наибольшее внимание в сфере юридического образования.

Список литературы

1. Fenwick M., Kaal W.A., Vermeulen E.P.M. Legal education in a digital age: Why coding matters for the lawyer of the future // Legal tech and the new sharing econ-

- omy / ed. by M.C. Compagnucci, N. Forgó, T. Kono, S. Teramoto, E.P.M. Vermeulen. – Singapore : Springer, 2021. – P. 103–122.
2. Contreras A., McGrath J. Law, technology, and pedagogy: Teaching coding to build a «future-proof» lawyer // Minnesota journal of law, Science & Technology. – Minneapolis, 2020. – Vol. 21, N 2 : Symposia. – P. 297–332.
  3. Barcentewicz M. Teaching technology to (future) lawyers // Erasmus law review. – Rotterdam, 2021. – N 1. – P. 45–53.
  4. Smith A., Spencer N. Do lawyers need to learn to code?: A practitioner perspective on the «polytechnic» future of legal Education // Modernising legal education / ed. by C. Denvir. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2020. – P. 18–37.

КОДАНЕВА С.И.¹ РАЗВИТИЕ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ОБЩЕГО ПРАВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. (Статья).

Аннотация. Развитие цифровых технологий требует выработки новых подходов к организации юридического образования. Классическое обучение, построенное на изучении печатных изданий, сегодня требует пересмотра, так же, как и традиционные учебные программы. В статье рассматриваются некоторые изменения в учебно-методическом обеспечении юридического образования в американских юридических школах и юридических вузах Великобритании.

Ключевые слова: юридическое образование; учебная литература; программы курсов.

KODANEVA S.I. Development of educational and methodological support of legal education in common law countries: history and modernity. (Article).

Abstract. The development of digital technologies requires the development of new approaches to the organization of legal education. Classical education, based on the study of printed publications, today requires revision, as well as traditional curricula. The article discusses some changes in the educational and methodological support of legal education in American law schools and law universities in the UK.

Keywords: legal education; educational literature; course programs.

---

¹ Коданева С.И., ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Для цитирования: Коданева С.И. Развитие учебно-методического обеспечения юридического образования в странах общего права: история и современность. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 113–123. DOI: 10.31249/rgravo/2022.02.07

Несмотря на все разнообразные задачи, которые выполняют юристы в нашем обществе – заключение сделок, разработка законодательства, представление интересов в судах, государственное управление и др., – в юридических вузах студентов прежде всего учат читать кодексы и законы с комментариями известных специалистов. Как правило, это достаточно тяжелые книги, которые студентам приходится покупать и носить с собой на занятия. В странах англосаксонской правовой системы студентов заставляют изучать еще более толстые тома судебных решений, к тому же они очень дорого стоят. На протяжении столетий печатный носитель был единственным способом донести информацию до студентов юридических вузов. Эта ситуация изменилась кардинально за два последних десятилетия. Цифровая революция предоставила возможность пользоваться персональными компьютерами, Интернетом, мобильными устройствами и разнообразными приложениями к ним. Студенты очень быстро, значительно быстрее преподавателей адаптировались к этим удобствам цифровой эпохи и активно используют Интернет в качестве источника информации, зачастую такая информация является непроверенной и недостоверной. Однако студентам намного проще почерпнуть знания в Интернете, чем читать объемные тома. Сегодня перед юридическим образованием стоит задача не просто формирования цифрового контента и использования цифровых технологий для адаптации существующих учебных материалов для целей конкретного учебного предмета, курса, группы и даже студента. Речь идет о создании новой концептуальной основы для юридических вузов, которая изменит содержание существующих курсов; педагогических методах преподавания права; отношениях между авторами, издателями и преподавателями, преподавателями и студентами; роли юридической библиотеки и ряде других особенностей современной юридической школы.

Однако юридическое образование реагирует на данную тенденцию недостаточно быстро и крайне негибко, продолжая стро-

ить образовательный процесс по старым, давно устаревшим методикам. При этом юридическое образование во многих странах в этом плане не только не опережает российское, но и зачастую оказывается даже более консервативным.

В научной учебной юридической литературе широко освещается история развития юридической школы, в том числе американской, исследуются проблемы ее адаптации к современным условиям¹.

В американских юридических вузах образовательный процесс основан на практике анализа судебных дел. Хотя этот метод часто рассматривается как продукт Гарвардской юридической школы, его чаще приписывают фактическому человеку, которые создал его. Почти сразу же по прибытии в Гарвард в 1870 г. Кристофер Колумб Лэнгделл ввел кейс-метод в американское юридическое образование. До этого времени студенты-юристы изучали право в основном с помощью лекций и учебников, где содержались юридические определения и правила. К. Лэнгделл же сосредоточился на судебных заключениях и использовал их для разработки общих принципов, применявшихся для разрешения каждого дела. Этот метод рассмотрения дел – часто называемый методом Сократа из-за того, что предусматривает диалог преподавателя со студентами, – остается основным методом обучения в американском юридическом образовании по сей день. К. Лэнгделл издал «Книгу дел», представлявшую собой просто каталог дел без замечок или других комментариев. И большинство профессоров, принявших методы К. Лэнгделла, разработали собственные аналогичные материалы для использования в своих курсах. До 1908 г. профессора права выпустили по меньшей мере 171 книгу дел, 65 из них были написаны профессорами Гарварда. Однако практика включать в эти книги только судебные документы скоро была заменена на практику «кейсов и материалов», которая могла вклю-

---

¹ См.: American legal education abroad: Critical histories / ed. by Susan Bartie and David Sandomierski. – New York : New York Univ. Press, 2021. – 415 p.; Key directions in legal education: National and international perspective / ed. by Emma Jones and Foina Cownie. – London ; New York, 2020. – 208 p.; Socially responsible higher education: International perspectives on knowledge democracy / ed. by Hall B., Tandon R. – Leiden ; Boston, 2021. – P. 153–168; Modernising legal education / ed. by Catrina Denvir. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2020. – 259 p.

чать сноски, краткие резюме, вопросы или проблемы. Серия американских кейсов, выпущенная издательством West, изменила рынок. По мере того как юридические школы и кейс-метод продолжали расти, рынок учебных материалов по юриспруденции расширялся. С появлением серии американских справочников в 1908 г. рынок подобной учебной литературы стал общенациональным, выйдя за рамки отдельных школ права. В серии было стандартное предисловие, описывающее как серию целиком, так и метод кейсов, который сочетался с такими материалами, как резюме, заметки и вопросы. Эти книги – значительно более короткие, чем книга дел К. Лэнгделла, – стали образцом для будущих справочников. Национализация юридического образования имела множество последствий: стандартизированная учебная программа, даже по предметам, где преобладает общее право штата; мобильность преподавателей права; национальный компонент экзамена по адвокатуре почти в каждом штате; общенациональные рейтинги юридических вузов. Все это способствовало и укреплению стандартных подходов в издании учебной литературы.

В рамках этого подхода книги дел стали включать не сами судебные документы, а их отредактированные версии, а также заметки, резюме, пояснения, вопросы и проблемы. Однако, как отмечает М.Т. Боди, книга имеет существенные недостатки в отношении этих дополнительных материалов. Во-первых, печатные учебники актуализируются примерно раз в три – пять лет, соответственно, со временем содержащаяся в них информация устаревает. Во-вторых, учебник не может давать прямую ссылку на внешние материалы, рекомендуемые для изучения. Он не может быть отредактирован конкретным преподавателем с учетом особенностей его собственной программы курса. Кроме того, книга-кейс очень тяжелая, что делает ее крайне неудобной для студентов¹ [1, p. 34]. Поэтому Боди предложил подход с открытым исходным кодом.

«Открытый исходный код» – это особый подход к производству компьютерного программного обеспечения. «Источник» относится к исходному коду, который лежит в основе компьютерной

---

¹ См.: Bodie M.T. Open source and the reinvention of legal education // Legal education in the digital age / ed. by Edward Rubin. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2012. – P. 34.

программы. Программное обеспечение, принадлежащее частным компаниям, называемое проприетарным программным обеспечением, сохраняет этот исходный код закрытым или секретным. Закрытый код не может быть изучен, скопирован или изменен и, таким образом, обеспечивает большую защиту целостности программы, а также интеллектуальной собственности на нее. Программное обеспечение с открытым исходным кодом, напротив, оставляет исходный код открытым для проверки другими программистами и пользователями. Третьи лица могут получить доступ к коду для собственного использования. Они могут расширить код, адаптировать его для другой цели или взять его часть и использовать в новой программе.

Но «открытый исходный код» – это не только подход к программированию, это также социальное движение. Программы с «открытым исходным кодом», как правило, предназначены для совместного использования, изменения, адаптации и передачи от пользователя к пользователю. Каждый последующий пользователь может взять фрагмент кода, чтобы создать что-то новое. Традиционное авторское право предусматривает, что права на такую новую программу будут принадлежать ее создателю, который может запретить третьим лицам ее использовать. Чтобы предотвратить это, был разработан особый тип лицензии на интеллектуальную собственность, в соответствии с ним третьим лицам разрешено использовать и изменять программу, но новый продукт должен оставаться общедоступным. Это сделано, поскольку в основе идеологии сторонников «открытого исходного кода» лежит идея о совместном творчестве, обмене знаниями и разработками для поддержки общего развития, решения общих технических задач.

М.Т. Боди приводит и другой пример совместного творчества множества незнакомых людей – это различные краудсорсинговые проекты или проекты на основе общего доступа, цель их заключается в объединении усилий множества людей для создания продукта – «общего достояния, созданного на основании экспертного производства»¹. Иными словами, формируется пул участников, каждый из которых вносит посильный вклад в общее дело. Участники являются равными в том смысле, что имеют общий до-

---

¹ См.: Bodie M.T. Op. cit. – P. 41.

ступ и (в значительной степени) сходный контроль над своим производством. Наиболее известной моделью однорангового производства на основе общего доступа является Википедия – это попытка создать полную онлайн-энциклопедию с участием практически всех, кто хочет внести свой вклад. При этом в рамках проекта создана сложная система, позволяющая не только любому желающему вносить свои исправления в информацию, содержащуюся в Википедии, но и обсуждать разные точки зрения на специальном форуме и обращаться к модераторам в случае споров относительно контента. Таким образом, достигается общая цель – формирование выверенного и согласованного всеми заинтересованными участниками контента.

Соответственно, «открытый исходный код» и Википедия являются примерами двух различных подходов: «единообразного» и «разнообразного», оба могут быть использованы для формирования учебных материалов для юридических вузов. Там, автор предлагает модель, представляющую собой легко управляемую базу данных файлов, размещенных пользователями. Программа должна допускать возможность размещения комментариев и отзывов об этих файлах, систему рейтингов и пространство для коллективных обсуждений. Значит, на первом этапе небольшая группа преподавателей юридических вузов должна наполнить эту базу материалами, отдельными главами учебников, по мере их создания. Затем другие преподаватели могут получить доступ к сайту, чтобы вносить изменения и публиковать свои отредактированные версии материалов; собирать собственные учебники из различных составных частей и публиковать эти компиляции для других пользователей. Система обратной связи позволит пользователям оценивать каждый материал и/или предоставлять краткие комментарии о содержании файлов, их сильных и слабых сторонах. Таким образом, это представляет собой «единообразный» подход, использованный в Википедии (совместный труд для формирования общего контента). При этом любой преподаватель может использовать «разнообразный» подход, который используется в программировании с «открытым исходным кодом» – брать отдельные материалы и адаптировать их для проведения своих занятий.

При этом подобный подход не просто изменит традиционные подходы к подготовке и использованию учебников по праву,

но со временем приведет к трансформации всего учебного процесса, поскольку модульность, предлагаемая подобной одноранговой сетью, позволит с легкостью формировать новые учебные курсы, собирая их из отдельных модулей и углубляя, при необходимости, содержащиеся в них материалы¹.

Идею М.Т. Боди развивают Р.К.Л. Коллинз и Д.М. Сковер. Они предложили модель концепций курсовых книг (*conceptions course book – CCB*), которая позволяет заново разработать способ создания учебных материалов для юридических школ с учетом:

1) значительного расширения: а) объема первичных и вторичных материалов, доступных в рамках единой базы данных, которые могут быть легко интегрированы в специально разработанную модель CCB; б) возможностей преподавателей в отношении выбора материалов;

2) поощрения взаимодействия преподавателей с материалами (например, когда профессор добавляет комментарии, вопросы или проблемные упражнения в специально разработанный CCB);

3) снижение затрат для студентов-пользователей;

4) расширение возможностей студентов-пользователей в отношении включения вторичных материалов (например, коммерческих схем) в CCB;

5) содействие реформе юридического образования за счет, например, включения в CCB материалов из смежных дисциплин, таких, как экономический анализ контрактов².

Р.К.Л. Коллинз и Д.М. Сковер выявляют основные этапы создания и функционирования предложенной ими модели и подчеркивают, что структура должна обеспечивать максимальную гибкость при создании, распространении и использовании учебного контента³. В ней должны быть предусмотрены максимально все позиции – от обычных текстовых файлов и аудиовизуальных учебных материалов до интерактивных упражнений и даже многопользовательских онлайн-ролевых игр для юридического обучения. Очевидно, что создание технологически сложной системы с

---

¹ См.: Bodie M.T. Op. cit. – P. 51.

² См.: Collins R.K.L., Skover D.M. The digital path of the law // Legal education in the digital age / ed. by Edward Rubin. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2012. – P. 16.

³ См.: Ibid. – P. 17.

качественным содержанием – это дело трудоемкое и дорогостоящее. Скорее всего подобные ресурсы будут создаваться в коммерческих целях и, соответственно, структура должна быть построена таким образом, чтобы содержать как форматы с открытым доступом (базовые материалы и минимальный набор функций), так и с ограниченным доступом или проприетарные форматы. Здесь также возникают вопросы:

– надежности и безопасности вышерассмотренной модели с точки зрения обеспечения высокого качества контента, защиты его от несанкционированных изменений, копирования и распространения, защиты авторских прав;

– уточнения процедуры лицензирования контента, определения условий, на которых авторы будут размещать свои материалы (эти условия должны, с одной стороны, защищать авторские права, но, с другой – позволять использовать, в том числе вносить правки в эти материалы. Однако могут оставаться вопросы авторского права на вновь создаваемые произведения [когда преподаватели из предложенных материалов формируют собственный учебный курс, дополняя его собственными комментариями]);

– обеспечения гибкости и удобства использования в целях позволять преподавателям добавлять свои комментарии к материалам, т.е. система должна позволять: делать гиперссылки на дополнительные рекомендованные и вспомогательные материалы; располагать материалы по тематическим категориям (например, контракты, деликты, судопроизводство и т.д.); создавать смешанный контент, чтобы преподаватели в собственном учебном пособии и целях включали необходимую информацию из разных источников.

Для предотвращения нарушений авторских прав и обеспечения собственной экономической жизнеспособности система ССВ должна содержать надлежащие меры защиты цифровых прав для предотвращения несанкционированного обмена или копирования ССВ, предоставлять доступ к материалам только авторизованным пользователям.

Р.К.Л. Коллинз и Д.М. Сковер подробно описывают процесс работы преподавателей с ССВ. Они наглядно показывают, что внедрение предложенной ими модели позволит сделать процесс юридического обучения более гибким, удобным как для студен-

тов, так и для преподавателей, которые с легкостью смогут формировать учебные материалы под собственные программы преподаваемых ими дисциплин, предлагая студентам не просто традиционные книги дел, но современные методы обучения (включая викторины, ролевые игры, обучающие аудио- и видеоматериалы и т.д.), своевременно актуализировать учебные материалы (например, в случае изменения законодательства). По их мнению, внедрение подобных моделей в юридических вузах позволит трансформировать юридическое образование, сделав его современным, интересным и востребованным студентами.

Юрист будущего, как полагают некоторые исследователи, будет существовать как «политехнический» профессионал, применяющий свои юридические знания в меняющемся мире и в различных организационных условиях¹. Для преподавателей юридических наук предлагается рассмотреть вопрос о том, как образование может наилучшим образом подготовить будущих юристов к этой реальности. Долгосрочная перспектива предполагает, что «мы должны стремиться развивать основные навыки в области юридических, дизайнерских и логических принципов, а не изучать конкретные технологии, которые могут быть быстро вытеснены»². В центре внимания должно быть два вопроса: какие навыки и знания потребуются от юристов в течение следующих десяти лет и какая форма обучения наилучшим образом способствует приобретению этих навыков и этих знаний.

А. Смит и Н Спенсер утверждают, что юридическое образование в Великобритании сильно изменилось за последние 10 лет, начиная от новых государственных стандартов и заканчивая новыми подходами, внедряемыми самими юридическими школами. Прежде всего эти новые подходы связаны с финансовым кризисом, который сделал востребованными навыки будущих юристов в проведении не только юридического, но и бизнес-анализа, а также получения ими навыков практической деятельности еще в период обучения. Развитие технологий также оказало существенное влия-

---

¹ Smith A., Spencer N. Do lawyers need to learn to code? A practitioner perspective on the 'polytechnic' future of legal education // Modernising legal education / ed. by Catrina Denvir. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2020. – P. 18.

² См.: Ibid. – С. 18

ние на юридическое образование в Великобритании. Так, с одной стороны, все большую популярность приобретают технологии создания виртуальных юридических фирм и даже виртуальных городов. Например, в виртуальном городе Ардкаллох Университета Стратклайда студенты играют роль юристов в виртуальных юридических фирмах. С другой стороны, университеты Великобритании все более пристальное внимание уделяют подготовке специалистов по таким направлениям, как «Юридические технологии и инновации» или «Инновации, технологии и закон».

Основываясь на собственном опыте, А. Смит и Н. Спенсер показывают, что получившие широкое распространение в последнее время подходы, в соответствии с которыми уже студентов младших курсов направляют на стажировки в компании, имеют свои плюсы, поскольку позволяют студентам с первых лет обучения учиться решать реальные бизнес-проблемы, ориентироваться на потребности своих клиентов и реальную практику. При этом юристам в Великобритании приходится адаптироваться к новым требованиям клиентов, которые, по их мнению, сводятся к фразе «получить больше за меньшие деньги». Иными словами, многих клиентов не устраивает нынешняя стоимость юридических услуг. Соответственно, юридическим фирмам приходится искать способы сокращения расходов, в том числе за счет автоматизации рутинного ручного труда. При этом, как полагают А. Смит и Н. Спенсер, юристы не должны становиться программистами и учиться создавать программный код. Современные юристы должны получать в университетах принципиально новые навыки, такие, как повышение коммерческой осведомленности и эмпатии клиентов, вызванные пониманием трансформационных процессов, формирующих отрасль клиента; способность использовать в работе возможности для творчества и содействия инновациям и преобразованиям; проявлять гибкость мышления, способности к «дизайнерскому мышлению»; высокий уровень навыков сотрудничества, общения и фасилитации; навыки работы с данными¹.

Вывод. Современным юридическим вузам следует больше внимания уделять подготовке специалистов, обладающих этими компетенциями, для этого необходимо полностью трансформиро-

---

¹ См.: Smith A., Spencer N. Op. cit. – P. 31.

вать весь учебный процесс. Студентам необходимо прежде всего осваивать базовые юридические знания, затем получать самые широкие возможности по их практическому применению. Соответственно, высшее юридическое образование должно быть больше похоже на стажировку, которая позволит сформировать мышление, ориентированное на клиента.

СКУРКО Е.В.¹ ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ, ГЛОБАЛИЗАЦИИ И БРЕКСИТА. (Обзор).

Аннотация. Проблема развития образования, в том числе юридического, является одной из актуальных для всех стран мира, включая государства – члены Европейского союза. Создание единого образовательного пространства – цель, которую планирует достичь в Европейский союз к 2025 г. В обзоре анализируются подходы к формированию единого образовательного пространства в условиях пандемии, брексита и глобализации, отражены особенности подготовки юридических кадров в Европейском союзе, Великобритании, Швейцарии.

Ключевые слова: единое образовательное пространство; европейской образовательное пространство; цифровизация образования; юридическая подготовка; европейское право; Европейский союз; COVID-19.

SKURKO E.V. European educational space: features of legal education in the European Union in the context of the pandemic, globalization and Brexit. (Review).

Abstract. The problem of the development of education, including legal education, is one of the most urgent for all countries of the world, including the member States of the European Union. The creation of a single educational space is a goal that the European Union plans to achieve by 2025. The review analyzes approaches to the for-

---

¹ Скурко Е.В., старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

mation of a single educational space in the context of the pandemic, globalization and Brexit, highlights the features of legal training in the European Union, Great Britain, Switzerland.

Keywords: unified educational space; European educational space; digitalization of education; legal training; European law; European Union; COVID-19.

Для цитирования: Скурко Е.В. Европейское образовательное пространство: особенности юридического образования в Европейском союзе в условиях пандемии, глобализации и брексита. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 124–137. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.08

В мае 2021 г. в Европейский парламент был представлен доклад группы экспертов «Образование и молодежь в Европе после COVID-19 – последствия кризиса и политические рекомендации», в котором сформулированы позиции экспертов в сфере образовательной и молодежной политики [1]. В докладе отмечается, что в период пандемии COVID-19 ни одно из государств – членов ЕС не разработало стратегию смягчения ее последствий в сфере образования [1, p. 11]. Процесс управления и принятия решений в этой области редко включал консультации с молодежью или представителями сектора образования. В связи с этим, по мнению экспертов, предлагается обменяться опытом поиска наилучших путей развития образования на уровне ЕС. Конференции, консультации и семинары позволяют, с одной стороны, изучить местные потребности, с другой – выявить полезные инициативы «снизу–вверх» за период пандемии в различных государствах и регионах ЕС [1, p. 11].

Пандемия COVID-19 показала, что системы образования государств – членов ЕС оказались достаточно гибкими, чтобы обеспечить возможность оперативной адаптации учебных учреждений к работе в кризисной ситуации. Тем не менее большую озабоченность до сих пор вызывают вопросы качества и доступности образования в этих условиях. Предоставление образовательного контента часто зависит от наличия у обучающихся соответствующих компьютерных и социально-финансовых возможностей, а также необходимых навыков самостоятельного обучения в уда-

ленном режиме. По мнению специалистов, крайне важно пересмотреть подходы к обучению, чтобы обеспечить единообразные подходы к принимаемым в сфере образования решениям, учитывать благополучие как обучающихся, так и преподавателей [1, p. 11–12].

Действительно, многие преподаватели были не готовы к цифровому удаленному формату образования и не обладали соответствующими педагогическими, техническими и технологическими навыками. Аналогичным образом некоторые учреждения сектора профессионального образования и профессиональной подготовки не были готовы к резкому изменению образовательного процесса и новациям в случае неблагоприятных или непредвиденных событий и обстоятельств. Дистанционное обучение, помимо прочего, потребовало активного участия семей в образовательном процессе. При этом специалистам по делам молодежи, преподавателям и родителям не оказывалась единообразная и последовательная официальная поддержка; та поддержка, которая предоставлялась, часто носила формальный характер и была организована по принципу «снизу–вверх». С этой точки зрения пандемия показала, что пришло время пересмотреть подходы к обучению. Образовательный процесс должен выходить за рамки академического процесса, т.е. образовательный процесс – не только «чистое обучение», но и нечто большее: отношения между учениками, учителями, семьями, социальная и эмоциональная поддержка обучающихся, благополучие получающих образование детей и молодежи [1, p. 12].

В части финансирования образования специалисты предлагают пересмотреть и изменить приоритеты – укреплять технологический потенциал и совершенствовать инфраструктуру сферы образования с привлечением сил государственно-частных партнерств, частного сектора и др. [1, p. 13].

В целях поддержки устойчивой и эффективной адаптации систем образования и профессиональной подготовки в государствах – членах ЕС на уровне Евросоюза была инициирована подготовка и принятие Плана действий по цифровому образованию (2021–2027) (Digital Education Action Plan (2021–2027)). Координировать эту работу призваны подразделение цифрового образования Генерального директората по вопросам образования, молодежи, спорта и культуры (DG EAC) [2].

План действий по цифровому образованию предлагает долгосрочное стратегическое видение высококачественного, инклюзивного и доступного европейского цифрового образования. Предполагается, что его исполнение позволит решить проблемы и расширить возможности в области образования как в условиях, так и после пандемии COVID-19, которая привела к беспрецедентному использованию цифровых технологий в образовательных и учебных целях. План предусматривает укрепление сотрудничества в области цифрового образования между органами Евросоюза и государствами – членами ЕС, между странами ЕС, между министерствами и ведомствами государств – членами ЕС, способствующее открытию новых возможностей, повышению качества преподавания в сфере цифровых технологий, увеличению часов обучения инновационным технологиям, поддержке новых методов преподавания, развитию цифровой инфраструктуры, инклюзивного и устойчивого дистанционного обучения [2].

Для достижения этих целей План действий определяет две приоритетные области:

1) содействие развитию высокопроизводительной экосистемы цифрового образования, включая: инфраструктуру, возможности сетевого подключения и цифровое оборудование; эффективное планирование и развитие цифрового потенциала; высококачественные учебные материалы, удобные цифровые инструменты и безопасные платформы, обеспечивающие цифровую конфиденциальность и этические стандарты;

2) повышение цифровых навыков и компетенций для цифровой трансформации, включая: базовые цифровые навыки и цифровую грамотность; расширение познания в сфере высоких технологий, включая искусственный интеллект (ИИ); передовые цифровые навыки, которые позволяют подготавливать специалистов в сфере цифровых технологий, и др. [2].

Рассматриваемый План действий по цифровому образованию является ключевым фактором реализации концепции создания Европейского образовательного пространства к 2025 г. [2]. Как декларируется в этом Плане, он способствует достижению целей Европейской программы развития навыков, Европейского плана действий в социальной сфере и реализации проекта «Цифровой компас 2030 года: европейский путь к цифровому десятилетию

(the European Skills Agenda, the European Social Pillar Action Plan and the «2030 Digital Compass: the European way for the Digital Decade»). Европейская комиссия в Коммюнике о создании к 2025 г. европейского образовательного пространства, адресованном Европейскому парламенту, совету, Европейскому экономическому и социальному комитету и Комитету регионов, отметила, что:

– «образование имеет важное значение для жизнеспособности европейского общества и экономики. Европейское образовательное пространство стремится предоставить образовательным и учебным сообществам поддержку, необходимую им для выполнения своей основной миссии в сложные и захватывающие времена»;

– «образование – это основа для самореализации, трудоустройства и активной и ответственной гражданской позиции. В настоящее время, когда ЕС развивает свою стратегию роста, основанную на устойчивом развитии, с использованием зеленых и цифровых переходов в качестве преобразующих факторов, образование лежит в основе европейского образа жизни, укрепляя социальную рыночную экономику и демократию со свободой, разнообразием, правами человека и социальной справедливостью» [3, р. 1].

Европейское образовательное пространство основано на сотрудничестве в области образования между органами ЕС и государствами – членами ЕС, между государствами – членами ЕС, между профильными министерствами и ведомствами государств – членов ЕС, а также с заинтересованными странами в других регионах. Рамочная программа «Европейское сотрудничество в области профессионального образования и профессиональной подготовки» (ET-2020) (European cooperation in education and training (ET-2020)) предоставляет возможности для разработки передовой практики в области политики, в области образования, сбора и распространения знаний и продвижения реформ образовательной политики на национальном и региональном уровнях. Основные цели состоят в том, чтобы:

– обеспечить непрерывное обучение для всех граждан ЕС. Согласовав стратегические рамки, государства – члены ЕС определили свои общие задачи и цели в области образования и профессиональной подготовки в ЕС;

– побудить государства-члены учитывать образовательные проблемы ЕС при формировании национальной политики;

- превратить обучения на протяжении всей жизни и мобильности в реальность;
- повысить качества и эффективность образования и профессиональной подготовки;
- содействовать равенству, социальной сплоченности и активной гражданской позиции;
- развивать творчество и инновации, включая предпринимательство, на всех уровнях образования и профессиональной подготовки¹.

Кроме того, в рамках ЕТ-2020 были установлены общие цели ЕС и «контрольные показатели», а также представлен широкий инструментарий, в том числе по обмену опытом реализации государственной политики в сфере образования.

Так, к 2020 г., в частности, удалось обеспечить 95% детей дошкольным образованием с четырех лет; существенно повысить уровень высшего образования среди молодежи. В ЕС был превышен целевой показатель в 40% к уровню высшего образования среди молодежи, установленный в 2009 г.; уровень занятости недавних выпускников – молодых специалистов в 2019 г. – вырос до 80,9%, вплотную приближаясь к целевому показателю ЕС в 82%. – и проч. [3, р. 3]

Новая Стратегическая повестка дня ЕС 2019–2024, принятая Европейским советом 20 июня 2019 г. (The New Strategic Agenda for the EU for 2019–2024 adopted by the European Council on 20 June 2019), распространяющая свое действие на Европейское образовательное пространство, призывает государства – члены ЕС наращивать инвестиции в навыки и образование людей. На своих первых в истории совместных политических дебатах 8 ноября 2019 г. министры образования и министры финансов государств – членов ЕС согласились с тем, что инвестиции в образование, навыки и компетенции необходимы для всех государств-членов и должны быть стратегическим приоритетом для ЕС [3, р. 3].

Формирование европейского образовательного пространства нацелено также на совершенствование юридического образования

---

¹ См.: Европейское сотрудничество в области профессионального образования и профессиональной подготовки (ЕТ 2020). – URL: <https://epthinktank.eu/2013/10/02/european-cooperation-in-vocational-education-and-training-europe-2020-strategy/> (дата обращения: 17.01.2022).

и подготовку кадров в области правосудия. В Коммюнике Европейской комиссии «Обеспечение правосудия в Евросоюзе – Европейская стратегия подготовки кадров в сфере правосудия на 2021–2024 годы» особое внимание уделяется укреплению сотрудничества органов правосудия государств – членов ЕС по гражданским и уголовным делам, подготовке судей и специалистов по законодательству ЕС, его единообразному применению, укреплению взаимного доверия в трансграничных судебных разбирательствах [4, р. 1].

Перемены в подходах к подготовке кадров в сфере правосудия в ЕС начали внедряться с 2011 г. Так, если большинство судей и прокуроров из государств – членов ЕС, принимавших участие в опросе в 2010 г., никогда прежде не проходили профессиональную (пере)подготовку по законодательству ЕС («европейскому праву») и/или законодательству других государств – членов ЕС, к настоящему времени более половины всех практикующих юристов ЕС (более 1 млн) прошли специальную переподготовку [4, р. 1].

Анализ реализации ранее действовавшей Европейской стратегии подготовки кадров в сфере правосудия на 2011–2020 гг. (The European Strategy for Training Personnel in the Field of Justice for 2011–2020) показывает, что большинство поставленных в ней целей было достигнуто.

Например, основная цель – профессиональная (пере)подготовка половины (т.е. 800 тыс. человек) из числа всех практикующих в государствах – членах ЕС юристов – по законодательству ЕС, была достигнута уже в 2017 г. В рамках этой стратегии было увеличено количество курсов и учебных мероприятий, получили развитие новые виды профессиональной (пере)подготовки юристов, такие, как программы обмена, произошло существенное улучшение качества подготовки практикующих юристов, в том числе судей и прокуроров государств – членов ЕС и знание ими законодательства ЕС. В рамках стратегии получила развитие Европейская сеть подготовки судей (EJTN), укрепилась система и сети поставщиков образовательных услуг в сфере «европейского права» на уровне ЕС [4, р. 1].

Опыт Европейской стратегии подготовки кадров в сфере правосудия за истекший период продемонстрировал, что, несмотря на определенные достижения в Евросоюзе, вопрос подготовки судей и иных кадров в этой области сохраняет свою актуальность.

Он занимает значительное место в повестке дня ЕС ввиду снижения эффективности действия принципа верховенства права в Европе, роста нарушений прав и свобод человека в отдельных государствах – членах ЕС, расширения процессов цифровизации, в том числе в сфере права, и др. [4, р. 2].

В этом документе отмечалось, что уровень участия в профессиональной (пере)подготовке юристов значительно различается в государствах – членах ЕС, а также среди работников юстиции различного профиля. Это может оказать негативное влияние на единообразное и эффективное применение законодательства ЕС [4, р. 2].

В новой Европейской стратегии подготовки кадров в сфере правосудия на 2021–2024 гг. в области предоставления образовательных услуг предусматривается:

- систематическое проведение обучения по законодательству ЕС в области верховенства права и основных прав и свобод, как это предусмотрено Договорами ЕС и Европейской хартией по правам человека, в рамках концепции непрерывного обучения судей и других специалистов в области юстиции;

- внедрение изучения законодательства ЕС, включая Европейскую хартию по правам человека, в учебные курсы и мероприятия по национальному законодательству, а также, по возможности, организация специальных тренингов по законодательству ЕС;

- обучение кадров в сфере юстиции в целях повышения осведомленности и улучшения навыков в области цифровизации и искусственного интеллекта, а также эффективного использования цифровых технологий в правовой сфере, в том числе в судебных процедурах;

- эффективное обучение новому в законодательстве ЕС и разработкам в области прецедентного права ЕС, включая инструменты трансграничного судебного сотрудничества;

- обучение проблематике защиты прав отдельных лиц в цифровом пространстве (например, защита данных, неприкосновенность частной жизни, недискриминация, договорное право, права потребителей) и коллективных прав (например, детей, инвалидов, жертв гендерного насилия, расизма и дискриминации) [4, р. 5].

Особое внимание эта Стратегия подготовки кадров в сфере правосудия уделяет повышению уровня подготовки студентов юридических специальностей и молодых специалистов в этой сфере ЕС, ставит целью, чтобы обучающиеся в европейских юридических образовательных учреждениях и молодые специалисты больше внимания уделяли изучению правовой системе ЕС в ходе их базовой подготовки. Такой подход формирует практическое понимание роли законодательства ЕС в национальных правовых системах государств – членов ЕС, приверженность верховенству права при осуществлении европейского правосудия. Поэтому в рамках базового юридического образования стратегия призывает уделять достаточно времени качественному обучению законодательству ЕС, основным правам и свободам, принципу верховенства права, судейскому мастерству, а также языковым навыкам. Обучение системным элементам законодательства ЕС должно быть стандартным – для всех государств – членов Европейского союза [4, р. 10].

В Коммюнике Европейской комиссии Европейскому парламенту, совету, Европейскому экономическому и социальному комитету и Комитету регионов – «Обеспечение справедливости в ЕС – Стратегия европейского судебного обучения на период 2021–2024 гг.» N 3704/20 (COM (2020) 713 final), говорится, что «обучение системным элементам права ЕС должно быть стандартным и включать законодательство ЕС, общие принципы права ЕС, средства правовой защиты, роль суда ЕС (СЈЕU), как работает сотрудничество в судебной сфере, где найти соответствующую информацию и формы документов и т.д.»¹

Стандарт подготовки по курсу «Законодательство ЕС» («EU law») для студентов юридических специальностей в Евросоюзе требует, чтобы все образовательные программы базового юридического образования включали:

– модули по законодательству ЕС (встроенные в систему подготовки по национальному законодательству либо автономные);

---

¹ Dokument EU 13704/20. – URL: <https://www.psp.cz/sqw/text/text2.sqw?idd=153135> (дата обращения: 12.01.2022).

– законодательство ЕС о верховенстве права и Европейскую хартию по правам человека, а также модули «судейское мастерство» – в качестве стандартных компонентов;

– обеспечение трансграничного обмена для каждого будущего или вновь назначенного судьи или прокурора в ходе их профессиональной подготовки и др. [4, р. 11].

Как видим, Стратегия подготовки кадров значительное внимание уделяет изучению законодательства ЕС. Для государств – членов ЕС оно имеет исключительно важное значение с точки зрения эффективности функционирования ЕС на всех уровнях и во всех сферах социальной, экономической и политической жизни. Однако проблема изучения законодательства ЕС – не только проблема европейских юристов; высокая динамика его развития актуальна для многих субъектов права, в том числе иностранных, по отношению к ЕС юридических лиц и граждан других государств мира.

Характерным в связи с этим можно считать исследование С. Макленнана о проблемах преподавания права ЕС после брексита (Brexit) [5]. В исследовании, в частности, подчеркивается, что преподавание права ЕС не ограничивается европейскими юридическими школами.

Так, программа Жана Моне финансирует юридические модули ЕС, а также исследовательские центры и кафедры по всему миру. В это же время Евросоюз финансирует юридическую школу Китай-ЕС в Пекине. Многие ведущие ученые в области права ЕС связаны с институтами за пределами Европы, хотя «подавляющим центром изучения законодательства ЕС является Европа» [5, р. 6–7].

В Великобритании изучение законодательства Евросоюза является обязательным элементом юридической квалификации в каждой из трех юрисдикций. Совет по стандартам адвокатуры и Управление по регулированию адвокатуры как в Англии, так и в Уэльсе требуют изучения законодательства ЕС в качестве одной из основ юридических знаний. Аналогичным образом Юридическое общество Северной Ирландии требует изучения права ЕС, а Юридическое общество Шотландии обязывает соискателей статуса юрисконсульта, адвоката пройти курс «Конституционализм в ЕС», а также знать источники права ЕС, институтов ЕС и правотворческого процесса ЕС, систему взаимодействия права ЕС с нацио-

нальным правом государств – членов ЕС, принципы единого рынка ЕС и др. [5, р. 7–8].

В качестве академической дисциплины право ЕС (так это сложилось в Европе) развивалось несколько независимо и изолированно от более широкой проблематики юридической науки. Европейские юристы так же, как и те, кто непосредственно работал в институтах ЕС, изначально выделились в европейском юридическом сообществе в силу появления в нем специфических для ЕС и не слишком связанных между собой юридических направлений и дисциплин. Однако законодательство ЕС стремительно развивалось, по мере его развития развивалась и наука права ЕС, а также сформировалось целое поколение ученых – юристов ЕС. Тем не менее, несмотря на то что право ЕС все более проникает во все социальные сферы и многие области юридической науки, оно всегда считалось чем-то вроде аномалии в юридическом образовании. Крайне редко законодательство ЕС просто интегрируется в изучение внутреннего законодательства. Вместо этого право ЕС в подавляющем большинстве случаев преподается в рамках национальной университетской системы, в которой акцент явно делается на изучении национальной правовой системы в первую очередь, а изучение законодательства ЕС идет через категории и логику национальной правовой системы [5, р. 8].

Как правило, в курс права ЕС входят модули, посвященные институтам ЕС и правотворчеству в ЕС, а также суду ЕС и судебным процедурам. Другой круг дисциплин, достаточно широко распространенный в программе изучения права ЕС, – это некоторые элементы материального права ЕС, в частности, правовое регулирование свободного перемещения товаров и свободного передвижения лиц на территории ЕС. Так, если прежде антимонопольное законодательство ЕС было обычным в составе дисциплин и модулей курсов права ЕС, то в настоящее время оно встречается редко. Аналогичная ситуация сложилась с изучением свободного движения капитала, антидискриминационного законодательства ЕС, защиты прав потребителей и уголовного законодательства ЕС. Эти курсы сегодня нечасто встречаются в программах преподавания права ЕС [5, р. 10].

По мере развития правовой системы ЕС в ней появляются новые институты. Таковым стал в праве ЕС брексит.

Брексит вызвал изменения, и в праве Великобритании возникла необходимость изучения студентами новых источников права, дополнивших законодательство Великобритании и Евросоюза. Во-первых, это Соглашение о выходе между Великобританией и ЕС и Евратомом 2018 г. (Withdrawal Agreement between the UK and EU & Euratom (Withdrawal Act 2018) и Соглашение о выходе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии из Европейского союза и Европейского сообщества по атомной энергии 2019 (HMSO 2019 a) («Соглашение о выходе») (Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community' (HMSO 2019 a) (Withdrawal Agreement). Во-вторых, в то время как Закон о Европейских сообществах 1972 г. (Великобритания) (European Communities Act 1972 (UK) (условно) отменяет его действие после выхода Великобритании из Евросоюза, Соглашение 2018 г. о выходе Великобритании из Евросоюза с внесенными в него поправками сохраняет действие закона 1972 г., одновременно преобразует его в то, что мы сейчас знаем как «право ЕС», в новый источник права [5, p. 10]. Вышеупомянутые Соглашения включены в «право ЕС», а также в законодательство государств – членов ЕС, так как имеют важное значение для развития отношений Великобритании с субъектом права ЕС и государствами – членами ЕС, гражданами ЕС и иными субъектами европейского права – с третьими странами и их физическими и юридическими лицами.

Правотворческая деятельность в Евросоюзе и деятельность суда ЕС по разрешению споров в системе ЕС также оказались под влиянием последствий выхода Великобритании из Евросоюза. Брексит неизбежно отразится на преподавании права ЕС как в Великобритании, так и в государствах – членах ЕС, а также за его пределами [5, p. 14–17].

Таким образом, преподавание права ЕС имеет свои сложности. Не случайно исследователи задаются вопросом, насколько «глобальным» должно быть юридическое образование. В связи с этим А.Р. Циглер, профессор права из Университета Лозанны, в своей статье подчеркивает огромное влияние международных аспектов на целенаправленную и качественную подготовку юристов [6, p. 49]. На примере университетов Швейцарии, не являющейся

государством – членом ЕС, исследователь показывает выбор курсов, охватывающих международные темы права и глобальной юридической деятельности. Вместе с тем студентам, как отмечает автор, крайне непросто определить, какие университеты предлагают надлежащий уровень преподавания международного права и международной юридической деятельности [6, р. 49]. По его мнению, глобализация и современное состояние общества требуют большего внимания юридических школ к международным проблемам. Изменение климата, миграция, бедность, терроризм, пандемии и т.д. – все они требуют международного сотрудничества или по крайней мере глубокого понимания того, в какой степени внутренние национальные решения, в том числе юридического характера, зависят от решений, принимаемых в других странах. Многое здесь зависит от степени знания концепций, логики и языка как международного права, так и права иностранных государств. Актуальная задача преподавания юридических дисциплин сегодня – обучение навыкам (быстрого) поиска правовой информации и ее оценки. Наилучшим образом этого можно достичь путем глубокого изучения основ международного, европейского и сравнительного права, а также междисциплинарной интеграции, чтобы имелась возможность применить приобретенные навыки и понять конкретную проблематику различных отраслей и институтов права (частного, публичного, уголовного права и др.). Не менее важно в современных условиях обучить студентов-юристов ориентироваться в таких вопросах, как административное право, налогообложение, право здравоохранения, экологическое право, миграционное право, экономическое право, финансовое право и т.д., в том числе, как они представлены в международном праве и законодательстве иностранных государств, – с тем, чтобы адекватно работать по выбранной юридической специальности в будущем [6, р. 72].

Список литературы

1. Education and youth in post-COVID-19 Europe – crisis effects and policy recommendations : Research for CULT Committee – European Parliament, Policy Department for Structural and Cohesion Policies / Van der Graaf L., Dunajeva J., Sia-rova H., Bankauskaite R.. – Brussel, 2021. – 128 p.

2. Digital Education Action Plan (2021–2027). – URL: <https://education.ec.europa.eu/focus-topics/digital/education-action-plan> (дата обращения: 21.01.2022).
3. European Commission Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on achieving the European Education Area by 2025 {SWD (2020) 212 final} Brussels, 30.09.2020. COM (2020) 625 final. – URL <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0625&qid=1643283410916&from=EN> (дата обращения: 21.01.2022).
4. European Commission Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Ensuring justice in the EU – a European judicial training strategy for 2021–2024. Brussels, 02.12.2020. COM (2020) 713 final. – URL <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0713&qid=1643286385913&from=EN> (дата обращения: 21.01.2022).
5. MacLennan S. Teaching European Union law after Brexit // European journal of legal education. – Abingdon, 2020. – Vol. 1, N 1. – P. 5–26.
6. Ziegler A.R. How global should legal education be? Recommendations based on the compulsory teaching in international aspects taught at Swiss law schools // European journal of legal education. – Abingdon, 2020. – Vol. 1, N 1. – P. 49–82.

АМЕРИКАНСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ : КРИТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ. (Реф. кн.).

American legal education abroad: critical histories / ed. by S. Bartie and D. Sandomierski. – New York : New York Univ. Press, 2021. – 415 p. – (Book summary).

Ключевые слова: юридическое образование; юридические школы; юридическое образование в США; метод кейсов; метод Сократа; сравнительное юридическое образование; Канада: Япония; Франция.

Для цитирования: Алферов О.Л. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 138–145. Реф. кн.: Американское юридическое образование за рубежом : критические истории = American legal education abroad: critical histories / под ред. С. Барти [S. Bartie] и Д. Сандомирски [D. Sandomierski]. – New York : New York Univ. Press, 2021. – 415 p. – (Book summary).

Сюзан Барти и Дэвид Сандомирски, под чьей редакцией вышла эта книга, во введении к ней раскрывают идею создания этого исследования и пытаются объяснить значительное влияние американского юридического образования на аналогичные системы в других странах в XX в. В этом сборнике эссе, пишут они, «Мы пытались исследовать, действительно ли элитные модели юридического образования в США оказались настолько привлекательными для иностранцев, и к чему привели усилия американских миссионеров? Способствовала ли притягательность юридических школ США и деятельность их профессоров глобализации права или гомогенизации юридического образования?» (р. 1).

На протяжении всего XX в. элитные юридические школы США представлялись как места силы, влияния и зависти. Роберт Стивенс, открывший свою первую юридическую школу 1983 г.,

объясняет это двумя основными причинами. Во-первых, их выпускники занимали, как правило, руководящие должности в американских университетах и в профессии. Во-вторых, они продолжали занимать привилегированные и влиятельные должности, которые способствовали изменению политического и социального порядка (цит. по: р. 1). Иностранцам наблюдателям подражание американской модели, должно быть, казались многообещающим способом создания новых групп юридической элиты – высокообразованных юристов с реформистской ориентацией – в их собственных странах. Некоторые профессора права США взяли за распространение модели с миссионерским рвением (р. 2).

В книге показана роль американских идей и практик в сфере юридического образования в тринадцати странах: Австралии, Бразилии, Канаде, Китае, Англии, Эстонии, Франции, Гане, Израиле, Японии, Нигерии, Филиппинах и Швеции. Все авторы, как замечают С. Барти и Д. Сандомирски, придерживаются исторических взглядов для понимания того, что означала американизация юридического образования в изучаемых регионах. «Наша цель состояла в том, чтобы понять, что означала “американизация” юридического образования во времени и пространстве. С этой целью каждый участник объяснил различные и даже противоречивые концепции или конструкции американизации юридического образования посредством своих исторических исследований идей, действующих лиц и практик в своем регионе, сосредоточив внимание на критических моментах объяснения в двадцатом веке, а иногда и в настоящее время... Такой подход означает, что во многих случаях так называемые американские практики и идеи, рассмотренные, отвергнутые или принятые в странах, не соответствуют прошлой или преобладающей практике в Соединенных Штатах. Другими словами, даже там, где специалисты считали, что они используют или отвергают американскую модель, на самом деле они следовали или отрицали воображаемый американский идеал, который не соответствует повседневной практике американских профессоров права» (р. 2–4).

Наиболее известной особенностью юридического образования в США является модель Лэнгделла, связанная с методом кейса и методом Сократа, и некоторые из авторов сборника рассматри-

вают, как академические юристы из своих регионов концептуализировали, экспериментировали или отвергли эту модель.

С. Барти и Д. Сандомирски также объясняют, что в книге выражение «юридическое образование» используется в узком смысле, поскольку оно ограничивается преподаванием права в университетах и (в основном) университетских юридических школах (р. 3).

Сюзан Карле (Susan D. Carle) – автор эссе 16 «Переосмысление предположений о глобальном влиянии юридического образования в США» (Rethinking Assumptions about the Global Influence of US Legal Education), одного из самых критичных в этом сборнике, определяет собранные в ней страновые исследования как «критические сравнительные истории юридического образования», открывающие «новую захватывающую область юридической науки» (р. 353). С. Карле также поясняет, что этот коллективный проект начался как исследование влияния юридического образования США на другие системы юридического образования по всему миру. Однако обнаружилось, что в ходе тематических исследований, составляющих это издание, юридическое образование в США оказало меньшее влияние во всем мире, чем традиционно предполагалось. Второй общий урок, вытекающий из этих исследований, известен историкам права, а именно: чтобы понять степень влияния правовой трансплантации, важно проследить конкретные направления передачи идей, таких, как те, которые связаны с юридическим образованием, темой этой книги. Не достаточно просто поставить две системы юридического образования рядом и искать сходства. Как учит эта книга, даже идеи с одинаковыми названиями, такие, как метод Сократа и «метод прецедентов», при внимательном рассмотрении оказываются относящимися к различным практикам в разных системах юридического образования. Третий урок, по мнению С. Карле, заключается в том, что в той степени, в какой американские профессора права оказали значительное влияние, это влияние произошло в сфере академических кругов, а не в базовом юридическом образовании. Она предполагает, что сравнительный анализ тематических исследований в этом издании указывает также на важность финансовых ресурсов для распространения и влияния правовых идей (р. 353–354).

Основополагающий вопрос звучит перед всеми авторами книги так: какова была история глобального влияния юридического образования США, если рассматривать ее с точки зрения нынешнего периода, характеризующегося угасающим режимом превосходства США? Чтобы исследовать этот вопрос эмпирически, сначала С. Карле пытается выяснить, какие характеристики отличают юридическое образование в США от систем, не относящихся к США. Исследование этого вопроса, как показывают статьи (главы), включенные в этот том, оказывается гораздо более сложным, чем можно себе представить. Как замечает Карле, практически каждый автор представляет юридическое образование в США как нечто другое. В большей степени поэтому концепция юридического образования в США становится символом или мифологией, которая на самом деле может отражать преходящий режим доминирования идей США в транснациональной юридической академии, а не реальность соответствующей практики на местах. Некоторые характеристики юридического образования в США представляются потенциально отличительными, хотя при ближайшем рассмотрении ни одна из них не оказывается уникальной для Соединенных Штатов (р 354–355).

Юридическое образование в США С. Карле определяет, как академическую программу, которая отличается от профессиональной. Европейские системы также обладают этой особенностью, и они разработали ее задолго до того, как это сделали Соединенные Штаты; это не та особенность, на которую юридическое образование США может претендовать как на уникальный вклад в развитие юридического образования.

Еще одна связанная с этим особенность заключается в том, что юридическое образование должно быть высококачественным; это опять же вряд ли является чисто американской идеей. В той степени, в какой юридическое образование в США может претендовать на особенно высокое качество, – и сегодня трудно утверждать это, учитывая впечатляющие инновации в методах юридического образования, происходящие во многих частях мира.

Что касается другого связанного с этим вопроса, юридическое образование в США предполагает длительный период обучения, прежде чем получить лицензию на практику. Это также является общей чертой многих правовых систем, хотя они различаются

по способам организации занятий в классе, например, на уровне бакалавриата или магистратуры. Системы также различаются по способам управления обучением. Стажировки предполагают период обучения после окончания юридической школы во многих системах, но в США они не существуют. Их отсутствие, возможно, усугубляет нынешние проблемы, с которыми сталкиваются студенты-юристы при поиске работы после юридической школы; таким образом, их отсутствие вряд ли является особенностью юридического образования в США, которому хотели бы подражать другие системы (р. 361–364).

Брюс Кимбалл (Bruce A. Kimball) обсуждает особенность юридического образования в США в гл. 1 «Распространение и трансформация Гарвардского метода в Соединенных Штатах, 1870–1990-е годы» («The Proliferation and Transformation of Harvard's Case method in the United States, 1870 s– 1990 s»), а также вклад Кристофера К. Лэнгделла, основателя так называемого Гарвардского метода. Как указывает Б. Кимбалл, К. Лэнгделл взял университетскую модель юридического образования из немецкой системы; она ни в коем случае не была уникальной для США (р. 17–19).

Филип Джирард (Philip Girard) в гл. 3 «Американское влияние, канадские реалии: Насколько “американским” является канадское юридическое образование» («American influences, canadian realities: how “american” is canadian legal education?») сравнивает опыт Канады с опытом Соединенных Штатов, объясняя, что Ассоциация американских юридических школ (AALS) и Американская ассоциация адвокатов выступили против идеи обучения для новоиспеченных юристов аналогично, как в США. Сейчас в более жестких экономических условиях юридические клиенты не хотят субсидировать первые годы обучения, подобные обучению, которое ранее получали новые сотрудники юридической фирмы США. Студентам, заканчивающим школу права, не будучи готовыми к практике, трудно получить желаемую первую работу. Еще одна группа характеристик, отличающих юридическое образование США, – это те, которые прослеживаются в так называемой гарвардской модели. О ней пишет Б. Кимбалл (р. 67–68).

Ф. Джирард считает, что эти особенности не являются уникальными для Соединенных Штатов. Например, традиционные

преподаватели права в США используют так называемый метод Сократа, под ним они подразумевают практику преподавания в больших классах, где профессора задают студентам вопросы о юридических текстах, обычно апелляционных делах, которые студенты получили при подготовке к занятиям и, как ожидается, обсудят на занятии. Однако, как показали исследования, отраженные в рассматриваемой книге, многие правовые системы экспериментировали с различными версиями преподавания права по методу Сократа (р. 86).

Например, как утверждает Эмили Санчес Сальседо (*Emily Sanchez Salcedo*) (гл. 15 «Метод Сократа, Филиппинский стиль: иметь или поддерживать?») («Socratic Method, Philippine-style: To Uphold or Uphold?»), на Филиппинах метод Сократа предполагает, что учителя требуют, чтобы учащиеся стоя излагали факты и аргументы, при этом они часто проявляли к ним излишнюю строгость, даже резкость, что граничило с унижением учеников со стороны учителя (р. 327–328).

В Японии, как описал Есихару Мацуура (*Yoshiharu Matsura*) в гл. 10 «Американский кейс-метод и новый японец» («The American Case Method and New Japanese»), профессора права попробовали свою собственную версию метода Сократа в начале 2000-х годов, но обнаружили, что этот эксперимент потерпел полный провал, поэтому они быстро отказались от этого метода. Сегодня в юридических школах США учителя используют метод Сократа как средство создания оживленных дискуссий в классе, вызывая широкий спектр голосов студентов по всему классу. Другими словами, концепция сократического метода преподавания, по-видимому, не является полезной отличительной характеристикой преподавания под влиянием США, поскольку существует так много различий в значениях, приписываемых этой практике преподавания, как в Соединенных Штатах, так и во всем мире (р. 237–238).

Та же проблема возникает и при рассмотрении автором концепции кейс-метода. Этот метод обучения включает изучение правил, содержащихся в апелляционных делах, и развитие способности извлекать, синтезировать и применять эти правила. Альтернативное определение прецедентного метода, однако, предполагает обучение методу рассуждений общего права по аналогии от фактов в

одном случае к результатам в следующем случае. Этот второй вид преподавания общего прецедентного метода юридических рассуждений не является специфически американским. Это то, что делают все суды общего права, и, следовательно, то, чему преподаватели права в системах общего права также должны учить студентов-юристов. Еще одно потенциальное значение кейс-метода связано с методом преподавания в бизнес-школе посредством изучения подробных тематических исследований.

Еще одна идея связана с различием между преподаванием права с акцентом на общие или универсальные правила и принципы по сравнению с преподаванием специфики права в конкретных странах и контекстах. Так, Сюзан Барти (*Susan Bartie*) (гл. 4 «Функционализм, юридический процесс и трансформация (и подчинение) австралийских юридических школ» («Functionalism, legal process, and the transformation (and subordination) of Australian law schools»)) критикует тенденцию австралийского юридического образования, которая фокусируется на правилах, общих для всех систем общего права, а не на особенностях австралийского опыта, отраженного в законодательстве, возникающем в местных юрисдикциях.

Хосе Гарсес Гирарди (*José Garcez Ghirardi*) в гл. 14 «Правовое обучение и переосмысление государства : глобальное право и новые локусы юридического образования» («Legal teaching and reconceptualizing of the State: global Law and New legal education loci») представил аргументы, отражающие тенденцию элитных юридических школ внедрять программы «глобального права», которые придерживаются доминирующей идеологии, подчеркивающей неумолимость глобализации и ослабление способности национальных государств контролировать свои собственные судьбы. Х. Гирарди отражает в своем эссе важные тенденции, происходящие в юридическом образовании в условиях глобализации.

Д. Сандомирски в гл. 13 «Каталитические агенты? Лон Фуллер, Джеймс Милнер и юрист как социальный архитектор, 1950–1969» («Catalytic agents? Lon Fuller, James Milner, and the lawyer as social architect, 1950–1969») прослеживает пути передачи идей, тип анализа как полезный и информативный способ понимания межкультурных влияний. Отмечается, что как в Австралии, так и в Канаде эта передача произошла в основном благодаря участию уче-

ных-юристов в программах магистратуры США для получения степеней LL.M. и J.D. Авторы подчеркивает покровительственное отношение декана юридической школы Гарварда Эрвина Грисволда к австралийским юридическим школам, считающего, что они должны больше походить на американские. Автор замечает, что мнение Грисволда не значит, что австралийские профессора права согласились с ним. В реальности по большинству показателей австралийские юридические школы к настоящему времени опередили американские во внедрении передовых инновационных практик и обучении на основе навыков (р. 288–300).

Во введении к сборнику его редакторы С. Барти и Д. Сандомирски делают вывод, что исследования авторов данной книги показывает, что иностранное влияние от пересечений между системами образования не является неизбежным или предсказуемым.

О.Л. Алферов

ВЛАСОВ Г.Д.¹ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ВОСТОКЕ: КИТАЙ, ИНДИЯ, ГОНКОНГ. (Обзор).

Аннотация: В обзоре анализируются публикации зарубежных ученых, посвященные проблемам современного юридического образования в Китае, Индии и Гонконге. В частности, выявляются особенности правовой системы КНР и связанная с ними специфика юридического образования, описывается опыт применения новых методов в юридическом образовании в рамках курса «Интернет и право» Китайского университета в Гонконге, показан опыт воспитания социальной ответственности среди студентов юридических вузов Индии.

Ключевые слова: юридическое образование; Гонконг; Индия; Китай; цифровизация образования.

VLASOV G.D. The problems and trends of the legal education in the Orient: China, Hong Kong, India. (Review).

Abstract. The review analyzes the publications of foreign scientists devoted to the problems of modern legal education in China, India and Hong Kong. In particular, the features of the legal system of the People's Republic of China and the specifics of legal education related to them are revealed, the experience of applying new methods in legal education in the framework of the course «Internet and Law» of the Chinese University in Hong Kong is described, the experience of educating social responsibility among law students of India is shown.

Keywords: legal education; Hong Kong; India; China; digitalization of education.

---

¹ Власов Г.Д., научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

Для цитирования: Власов Г.Д. Проблемы и тенденции юридического образования на Востоке: Китай, Индия, Гонконг. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 146–156. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.09

Внедрение цифровых технологий и связанные с ним глобальные трансформации в самых разных областях человеческой деятельности оказывают существенное влияние также и на все отрасли права и сферы юридической деятельности. Для того чтобы соответствовать потребностям общества и адекватно отвечать на вызовы современности, юриспруденция должна развиваться динамично, своевременно отзываясь на изменения в общественных отношениях. Это касается и юридического образования, развитие которого также должно соответствовать задачам и потребностям правовой практики.

Специфика политических, правовых и социальных условий различных стран и регионов во многом обуславливает и характер проблем, стоящих перед их юридическим образованием на современном этапе. В этом контексте большой интерес представляет рассмотрение тенденций и перспектив развития юридического образования в странах Востока, которые сегодня играют все более значимую роль в мировых политических и экономических процессах. Публикации, рассматриваемые в данном обзоре, посвящены некоторым актуальным проблемам развития современного юридического образования в КНР, Гонконге – специальном административном регионе Китая – и в Республике Индия [1; 2; 3].

Участники программы изучения китайского права в Гонконгском институте азиатско-тихоокеанских исследований Китайского университета Гонконга Лин Чжоу и Майкл Палмер в статье *«Изменения в юридическом образовании в Китае – политико-правовая система, академические исследования и профессионализм»* обращаются к истории развития и современным проблемам юридического образования в КНР. Особенности истории юриспруденции в КНР обусловили существующий на сегодняшний день разрыв между юридическим образованием и правовой практикой. В то время как образование сосредоточено главным образом на научных областях права, правовая практика обращена в сторону позитивного права, т.е. общеобязательных, регулирующих

общественные отношения правил поведения, установленных или санкционированных государством. Хотя такая ситуация характерна для многих стран, китайская специфика состоит в том, что в связи с доминирующей ролью Коммунистической партии Китая (КПК) во всех правовых вопросах, для КНР в целом характерно существование политико-правовой культуры, нежели просто правовой, и на официальном уровне речь идет именно о «политико-правовой системе» [3]. Этим определяется и сильный акцент на политическую составляющую в структуре юридического образования в КНР, выражающийся, в частности, в преподавании курсов, посвященных политике КПК, необходимости для студентов определенным образом смотреть на политические вопросы, участвовать в общественной работе и т.д.

Необходимо отметить, что исторически юриспруденция в КНР как таковая в своем развитии сталкивалась со значительными трудностями. После образования КНР в 1949 г. в стране началось построение социалистической правовой системы, однако вскоре деятельность юристов (в частности, защита обвиняемых в уголовном судопроизводстве) подверглась критике со стороны КПК в рамках так называемой кампании против правых элементов, проходившей в 1957–1959 гг. [3]. Затем в период «культурной революции» развитию юриспруденции также уделялось мало внимания, и лишь в конце 1970-х с приходом нового политического руководства началось возрождение политико-правовой системы КНР и развитие «социалистической законности». Постепенно в китайскую правовую теорию пришли и идеи верховенства права и прав человека, которые нашли отражение в поправках 1999 и 2004 г. к Конституции КНР.

Важной особенностью китайской правовой системы является руководящая роль КПК. После поправок 2018 г. в ст. 1 Конституции КНР руководящая роль КПК охарактеризована как наиболее существенная черта социализма с китайской спецификой. Кроме того, печальный опыт 1950-х годов до сих пор продолжает оказывать влияние на юридическую деятельность в КНР, китайские юристы и сегодня предпочитают концентрироваться на вопросах коммерческого права и ориентироваться на корпоративных клиентов, нежели на частные лица [3]. Авторы статьи резюмируют, что правовая система Китая по-прежнему является «политико-

правовой» и это отражается в системе юридического образования, которая на протяжении долгого времени была ориентирована прежде всего на подготовку административных кадров.

Юридическое образование в КНР осуществляется или в университетах, или в различных политико-правовых институтах, таких, как Китайский университет политологии и права, в котором сегодня обучаются около 16 тыс. студентов. Этот университет играет ключевую роль в подготовке кадров для работы в политико-правовой системе КНР. В 2000-м г. руководство этим и другими политико-правовыми учебными заведениями было передано из ведения Министерства юстиции КНР в ведение Министерства образования. Министерству образования КНР подчинены более 600 юридических учебных заведений, количество студентов в них превышает 300 тыс. [3].

Некоторые из бывших политико-правовых учебных заведений под руководством Министерства образования были разделены на правовые учебные заведения и «школы государственного управления». Предлагаемые юридические учебные программы состоят из четырехлетнего бакалавриата и двух или трехлетней магистратуры. При этом трехлетняя магистратура считается «академической», ее выбирают те студенты, кто в будущем, возможно, планирует обучаться в аспирантуре и заниматься преподавательской деятельностью.

Юридические факультеты университетов в большей степени ориентированы на академические исследования и подготовку преподавателей и исследователей, но также и тех, кто будет работать в правительственных учреждениях и бизнесе. В отличие от них политико-правовые учебные заведения традиционно считаются более связанными с практической деятельностью. При этом именно в силу своей практической направленности политико-правовые учебные заведения в большей мере приспособлены к международному сотрудничеству, например, к созданию совместных программ с зарубежными партнерами. При многих юридических учебных заведениях функционируют правовые клиники, оказывающие бесплатную юридическую помощь населению. Часть таких клиник была создана с иностранной помощью. Большое внимание также уделяется обучению китайских студентов за рубежом, которое со времен Дэн Сяопина поощрялось в КНР (в отличие от Со-

ветского Союза). Сегодня получение степени магистра или *Juris Doctor* за рубежом или в Гонконге является для китайского студента, изучающего юриспруденцию, одним из способов обеспечить себе работу в одной из крупных китайских юридических фирм. КНР поощряет расширение присутствия зарубежных юридических учебных заведений на своей территории и различные совместные образовательные программы, такие, как «семестр за границей». В связи с этим наблюдается рост зависимости многих юридических вузов в Северной Америке и Европе от притока студентов-магистрантов из Китая.

Важным элементом современной системы китайского юридического образования является народное правовое образование, «кампания за правовую грамотность». Целью данной кампании является повышение правовой грамотности населения, преодоление характерного для общества недостатка правосознания.

Важной вехой в развитии юридического образования в Китае стало введение в 2002 г. единого Национального судебного экзамена (*National Judicial Examination*), его сдача является обязательным условием для допуска к юридической практике в КНР. Цель данного экзамена – проверить, насколько экзаменуемые знакомы с позитивным правом КНР. Сдать этот экзамен непросто – в среднем экзамен сдают только 15–20% участников; в первый год, когда принимался экзамен, из 360 тыс. участников сдали его всего около 24 тыс. [3]. Таким образом, в Китае само по себе получение диплома о юридическом образовании отнюдь не гарантирует возможность заниматься юриспруденцией.

Проведение экзамена контролируется Министерством юстиции КНР, ему же подчинена Всекитайская ассоциация юристов. С 1986 г. до введения Национального судебного экзамена в Китае существовал аналогичный «тест для юристов», который не должны были сдавать сотрудники прокуратуры и судебной системы. Для этой категории юристов существовали отдельные тесты, считавшиеся значительно более легкими. Кроме того, в 1980-е и 1990-е годы значительная часть судей и работников прокуратуры отбиралась из бывших военных и административных работников, не имевших юридического образования и не обязанных сдавать какие-либо тесты.

Введение единого Национального судебного экзамена вызывает неоднозначные оценки. Одни ученые утверждают, что экзамен представляет собой продуманный набор заданий, позволяющий эффективно оценить качества студентов и их потенциал для юридической деятельности, другие настаивают на том, что экзамен позволяет проверить лишь способность студентов запоминать тексты законов, но не оценивает их способность анализировать и применять право в реальной практике.

Авторы приходят к заключению, что, несмотря на попытки реформ, в юридическом образовании в Китае существует значительный разрыв между академическим правом, которое преподается в университетах, и позитивным правом, как оно понимается и применяется в реалиях политико-правовой системы КНР. Вместе с тем процесс глобализации оказывает многостороннее влияние и на юридическое образование в Китае, а развитие Интернета усиливает существующий в стране разрыв между поколениями. Так или иначе, характер и качество юридического образования в КНР, по мнению авторов, требуют уделять больше внимания его соответствию мировым стандартам и изучению права зарубежных стран.

В статье *«Преподавание цифрового и глобального права для цифровых и глобальных студентов: превращение студентов в творцов на курсе интернет-права Гонконгского университета»* [2] (авторы – Наташа Пушкарна, Анджела Дэли и Энджел Фэн) раскрывается опыт реализации подхода «студент как творец» («student as producer») в рамках курса «Интернет и право» в Китайском университете Гонконга.

Авторы отмечают, что в XXI в. мир становится все более глобальным и цифровым. Студенты юридических факультетов и преподаватели права сталкиваются с этим как в контексте организации преподавательской деятельности, так и в связи с содержанием юридического образования. Кроме того, имеет место более общая тенденция к интернационализации образовательных программ высшего образования и внедрения цифровых инструментов и методов в образовательный процесс. Пандемия COVID-19 во многих странах способствовала ускорению этого процесса с переходом к удаленному или смешанному преподаванию с использованием цифровых технологий. Растущая значимость цифровой инфраструктуры для всех областей экономики и общественной жизни

привела к появлению учебных курсов по интернет-праву, защите данных и регулированию технологий. Студентам юридических специальностей требуются специальные навыки для того, чтобы действовать в глобализированном и цифровизированном мире.

В связи с этим вузы сосредотачиваются на внедрении новых педагогических методов, которые, с одной стороны, способствуют большему вовлечению студентов в учебный процесс, с другой – позволяют успешнее добиваться учебных целей того или иного курса. Одним из таких педагогических методов является подход «студент как творец», где основной акцент в обучении делается на исследовательской работе: студент и преподаватель работают совместно и создают новые знания [2].

Данный подход к обучению был применен в новом факультативном курсе «Интернет и право» в рамках юридического бакалавриата Китайского университета Гонконга. Этот курс читался в 2018–2019 гг. и авторы статьи использовали цифровые инструменты (в частности, сервис Google Docs), а также применяли методику «перевернутого класса» («flipped classroom»), при которой студенты преимущественно осваивают материал дома, а в рамках аудиторных занятий концентрируются на решении тех или иных практических задач, участвуют в дискуссиях и т.д. Преподаватель при этом выступает в качестве эксперта и проводника (guide), а от студентов ожидает активного участия в семинарах и обсуждениях. На курсе у авторов обучались 28 студентов, девять из них были иностранными студентами, обучавшимися в Гонконге по обмену.

Кроме непосредственного освоения учебной программы студенты в рамках курса должны были работать над двумя исследованиями, которые осуществлялись совместно с внешними партнерами: 1) сайтом Wikijuris, в сотрудничестве с ним студенты должны были создать общедоступный онлайн-учебник по гонконгскому интернет-праву; 2) проектом CYRILLA, предназначенным для сбора и анализа информации об эволюции и влиянии правовых норм на цифровую среду, преимущественно на «глобальном Юге» [2]. В ходе обучения студенты должны были отобрать и подготовить для этого проекта данные по нормативным правовым актам и судебной практике в Гонконге по теме исследований CYRILLA.

Одной из целей курса было создание вместе со студентами новых цифровых открытых образовательных ресурсов и тем самым формирование возможностей для повышения эффективности юридического образования и более широкого доступа к информации о праве [2]. Создатели курса исходили из представления о том, что цифровизация юридического образования позволяет снабдить будущих выпускников навыками, которые будут необходимы им в современной рабочей среде. Кроме того, применение цифровых методик обучения способствует совместной работе в группах, что характерно для будущей работы студентов. Все это отличается от традиционного юридического образования, обычно ориентированного на относительно изолированную учебную деятельность студентов. Проведенное исследование показало, что использование онлайн-средств в преподавании способствует общению между студентами, при этом оно скорее дополняет, нежели заменяет традиционные занятия в аудиториях.

Задача курса также состояла в том, чтобы внушить студентам уверенность в достижении их исследовательских целей, желание стать творцами их собственных, независимых работ.

Ключевой особенностью курса была его международная направленность. В последние годы глобализация образования существенно отражается на юридическом образовании: растет мобильность студентов; расширяются академические исследования, концентрирующие внимание на сравнительном анализе правовых явлений. Интернационализация правового образования особенно важна для Гонконга, как уникального международного экономического и финансового центра, который имеет независимую от КНР правовую систему, испытавшую на себе влияние системы общего права (в колониальный период). Поэтому преподаваемый курс включал изучение правовой базы различных юрисдикций, что позволило студентам ознакомиться с другими культурами, юрисдикциями и правовыми подходами.

По итогам курса была проведена его оценка путем анонимного опроса студентов, участвовавших в нем, а также более подробных бесед с теми студентами, которые выразили желание поучаствовать в интервью. Оценка исследования показала, что в целом студенты были довольны применявшимся подходом и отметили, что курс способствовал развитию их профессиональных

навыков. Вместе с тем по итогам курса обнаружился ряд характерных особенностей. Например, оказалось, что студенты были более активны и заинтересованы на лекциях преподавательского состава и приглашенных лекторов, а не во время презентаций, подготовленных их однокурсниками. Еще одна особенность – отсутствие живых дискуссий между студентами во время аудиторных занятий, особенно это касалось общения между местными и иностранными студентами. Как оказалось, взаимодействие между местными и иностранными студентами сводилось к минимуму, они как бы добровольно изолировались друг от друга, а интервью показали, что студенты едва знали имена однокурсников, не говоря уже о более детальной информации. Недостаток дискуссий в аудитории компенсировался работой в Google Docs, где студенты могли сохранять анонимность при взаимодействии с однокурсниками и преподавателями¹.

Подводя итог, авторы отмечают, что поставленная в ходе их исследования задача применения подхода «студент как творец» с использованием цифровых технологий и в интернациональной среде была в целом успешно решена и примененный подход способствует подготовке независимых, продуктивных, способных к адаптации, глобальных (global) юристов-исследователей.

Статья *«Социальная ответственность и юридическое образование в Индии: исследование с особым акцентом на национальные правовые университеты»* (авторы – Анита Кумари и Пратикальпа Шарма) [1] посвящена проблеме реализации принципа социальной ответственности в системе юридического образования в Индии на примере участия студентов в общественно значимой деятельности и различных программах социальной помощи. Авторы отмечают, что концепция социальной ответственности глубоко укоренена в индийской культуре. В целях развития юридического образования мирового уровня в Индии были созданы Национальные юридические университеты (далее – НЮУ). В рамках реализации социальной ответственности НЮУ ввели обязательное требование об участии в службах pro-bono для студентов. Помимо

---

¹ Данные наблюдения в определенной степени противоречат выдвигаемому авторами статьи тезису о том, что использование цифровых технологий в преподавании способствует общению между студентами и не заменяет, а дополняет личное общение. – *Прим. авт. Г.В.*

собственно образовательной деятельности эти университеты вносят большой вклад в достижение целей устойчивого развития ООН, в том числе путем создания учебных центров исследований и развития (Centres of Excellence for Research and Development), которые занимаются и общественно значимой деятельностью. Среди таких центров – Центр изучения социальной изоляции и политики инклюзивности НЮУ Бангалора, Центр социальной помощи и расширения возможностей НЮУ Джодхпура и др. Большинство инициатив, реализуемых такими учебными центрами, бесплатны. Благодаря деятельности этих центров, а также их исследовательской работе и рекомендациям по совершенствованию нормативно-правовой базы в тех или иных областях, понятие социальной ответственности стало неотъемлемой частью высшего образования в Индии [1]. Для студентов участие в работе учебных центров НЮУ дает возможность напрямую знакомиться с актуальными проблемами, стоящими перед индийским обществом, принимать участие в исследованиях, инициативах по защите окружающей среды, работать в юридических клиниках и т.д. Различные учебные центры специализируются на разных социальных проблемах, таких, как права женщин и расширение их возможностей в современном обществе, проблемы развития детей, защита окружающей среды и устойчивое развитие, общественная изоляция и политика инклюзивности, социальное благополучие, права человека и гуманитарное право и т.д.

Учебные заведения являются наилучшей площадкой для воспитания социальной ответственности у студентов, а для самих студентов участие в работе центров дает возможность соединить теорию с практикой, ознакомиться с реалиями. Исследовательская работа в центрах позволяет студентам повысить их учебные достижения. Наконец, работа в юридических клиниках помогает студентам научиться применять правовые знания на практике, ознакомиться с работой судебной системы, стажироваться у практикующих юристов. Учебные центры НЮУ поощряют студентов активно участвовать в борьбе с социальными проблемами, а также способствуют распространению правовой грамотности среди населения.

Таким образом, НЮУ дают студентам всеобъемлющее образование, не только обучают их, но и прививают им ценности социальной ответственности.

Список литературы

1. Kumari A., Sharma P. Social responsibility and legal education in India: A study in special reference to National Law Universities // Socially responsible higher education: International perspectives on knowledge democracy / ed. by Hall B., Tandon R. – Leiden ; Boston, 2021. – P. 153–168.
2. Pushkarna N., Daly A., Fan A. Teaching digital and global law for digital and global students: creating students as producers in a Hong Kong Internet Law class // The law teacher. – 2021. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03069400.2021.1953827> (дата обращения: 30.01.2022).
3. Zhou L., Palmer M. Changing legal education in China – the political legal system, academic study and professionalism // Key directions in legal education. National and international perspectives / ed. by E. Jones, F. Cownie. – New York, 2020. – P. 17–31.

ЛУЖИНА А.Н.¹ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЛАСТИ ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ И ФРАНЦИИ: ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ, ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ. (Статья).

Аннотация. Рассматриваются отдельные вопросы правового регулирования процесса подготовки и переподготовки судей в Российской Федерации, внимание акцентируется на отсутствии четкой позиции законодателя по определению необходимого уровня образования кандидата в судьи. Достаточно подробно характеризуются формы и способы переподготовки судей в Российской Федерации и цели определения соответствия государственного участия в образовании судей международным стандартам, применяемым в данной сфере. Анализируется альтернативная система формирования судейского корпуса, предусмотренная во Франции.

Ключевые слова: переподготовка и повышение квалификации судей; Верховный Суд РФ; судьи судов общей юрисдикции; судьи арбитражных судов; Российский государственный университет правосудия, Национальная школа магистратуры Франции.

LUZHINA A.N. Professional education in the field of justice in Russia and France: questions of training, retraining and advanced training. (Article).

Abstract. Separate issues of legal regulation of the process of training and retraining of judges in the Russian Federation are consid-

---

¹ Лужина А.Н., доцент кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

ered, attention is focused on the lack of a clear position of the legislator to determine the necessary level of education of a candidate for a judge. The forms and methods of retraining of judges in the Russian Federation and the purpose of determining the compliance of state participation in the education of judges with international standards applied in this field are described in sufficient detail. The alternative system of formation of the judicial corps provided for in France is analyzed.

Keywords: retraining and advanced training of judges; Supreme Court of the Russian Federation; judges of courts of general jurisdiction; judges of arbitration courts; Russian State University of Justice, National School of Magistracy of France.

Для цитирования: Лужина А.Н. Профессиональное образование в области правосудия в России и Франции: вопросы подготовки, переподготовки и повышения квалификации. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 157–169. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.10

Вопросы организации подготовки судейского корпуса, повышения квалификации, гарантии, предоставляемые государством судьям, направлены на реализацию одного из основных конституционных прав граждан, физических и юридических лиц, проживающих и осуществляющих свою хозяйственную деятельность на территории РФ.

Право на судебную защиту предусматривается ст. 46 Конституции РФ, Верховный Суд РФ разъясняет, что согласно ч. 1 ст. 46, гарантирующей каждому право на судебную защиту его прав и свобод, а также ст. 18 Конституции РФ, суды обязаны обеспечить надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина путем своевременного и правильного рассмотрения дел¹. Обеспечить такую защиту может профессиональный юрист в должности судьи, компетентный и высокообразованный. Для достижения такого уровня необходимо не только высшее юридическое образование, но и наличие специальной подготовки. В подготовке судейского корпуса следует выделить два основных этапа. Первый –

---

¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // СПС «КонсультантПлюс».

образование кандидатов в судьи – одно из императивных условий для назначения кандидата на соответствующую должность. Второй – необходимость проведения подготовки и переподготовки уже назначенных судей в целях повышения их квалификации.

Если говорить о первом этапе, то следует отметить, что в соответствии со ст. 119 Конституции РФ судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет, постоянно проживающие в Российской Федерации, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Судьям судов Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ. Федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации. Как отмечается в литературе, установление требований к профессиональному уровню и квалификации соискателей, их возрасту, моральным качествам и способностям имеет гарантирующий характер, призвано обеспечить стандарты правосудной деятельности, ее независимость, справедливость, законность. В то же время система требований исторична и подвижна, так как основывается на представлениях об идеальном судье, складывающихся в конкретном обществе¹. Следует отметить, что установление, соответствующих требований, в том числе и к образованию кандидата на соискание должности судьи, с одной стороны, определяет позицию государства, которая заключается в том, что изначально соискатель обладает необходимым базовым образованием, которое он получил самостоятельно и которое определяет в дальнейшем его род деятельности, поскольку наличие стажа работы по юридической специальности является также импера-

---

¹ См.: Бурдина Е.В. Конституционно-правовое содержание требования об образовании кандидатов в судьи // Российский судья. – 2021. – № 2. – С. 41–46; Клеандров М.И. Правовая организация механизма правосудия Российской Федерации : проблемы совершенствования : монография. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2019. – С. 166–173.

тивной составляющей в характеристики кандидата. С другой стороны, подобное требование характеризует выбор кандидата, его понимание всех сложностей и тонкостей данной профессии, повышенной ответственности при принятии решений по спорам.

Поскольку конституционно-правовой статус судей определяется тем, что судьи реализуют публично-правовые цели правосудия, федеральный законодатель должен предъявлять к ним как носителям судебной власти особые квалификационные и иные требования, в том числе морально-этические и нравственные, и, следовательно, устанавливать такой порядок формирования судебного корпуса, который обеспечивал бы отбор кандидатов, отвечающих этим требованиям. Соответствующая компетенция федерального законодателя вытекает из ст. 119 Конституции РФ, предусматривающей помимо общих положений конкретный перечень необходимых для замещения должности судьи минимальный возраст, образование и стаж работы по юридической профессии, а также возможность введения федеральным законом дополнительных требований к судьям судов Российской Федерации¹.

Признавая необходимость юридического образования как базиса для получения доступа к профессии судьи, законодатель при этом не определяет требования, предъявляемые к уровню соответствующего образования. В связи с этим доктор юридических наук Е.В. Бурдина отмечает, что конкретизация обобщенного конституционного требования о высшем юридическом образовании как квалификационном условии доступа в судебскую профессию осуществляется в соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 4 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей), где указывается, что судьей может быть гражданин Российской Федерации, имеющий высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция» или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «Магистр» при наличии диплома

---

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 № 14-П «По делу о проверке конституционности статьи 7.1 Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”, части первой статьи 1, части третьей статьи 8 и статьи 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Милехина».

бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция». Но при этом в данной норме не учитывается возможность получения профильного образования и по направлению подготовки «Специалитет»¹, также по программам юриспруденции².

Следует заметить, что международные акты, признавая необходимость квалификации судьи как лица, отправляющего правосудие, не указывают на конкретный формат соответствующего образования. Например, в п. 50 Заключения № 10 (2007) Консультативного совета европейских судей «О судебной системе на службе общества» (принято в г. Страсбург 23.11.2007) предусматриваются условия отбора кандидата, которые должны быть полностью прозрачными, чтобы судьи и само общество были уверены, что назначение производится исключительно исходя из заслуг кандидата с учетом его квалификации, способностей, честности, чувства независимости, беспристрастности и эффективности³.

Таким образом, квалификация кандидатов бесспорно имеет ключевое значение, но ее форма определяется исходя из основных положений действующего национального законодательства.

Например, во Франции, Бельгии, Австралии, Бразилии и других странах реализуются программы подготовки судей и прокуроров в рамках магистратуры, т.е. применяется принцип профессиональной подготовки судейского корпуса. Чаще всего такая подготовка занимает два года и проводится на базе специализированных образовательных организаций, например, во Франции – это Национальная школа магистратуры⁴. Поступить в Национальную школу магистратуры могут лица, имеющие высшее образование независимо от его направленности (техническое, гуманитарное,

---

¹ См.: приказ Минобрнауки России от 18.08.2020 № 1058 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.04 “Судебная и прокурорская деятельность”». – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.01.2022).

² См.: Бурдина Е.В. Указ соч. – С. 41.

³ Прецеденты Европейского суда по правам человека : электронное периодическое издание. – 2014. – № 2(02). – С. 108–121. – URL: <https://rucont.ru/chapter/rucont> (дата обращения: 21.01.2022).

⁴ Ordonnance n°58–1270 du 22 décembre 1958 portant loi organique relative au statut de la magistrature. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000339259/> (дата обращения: 21.01.2022).

естественные науки и др.) и удачно прошедшие вступительные испытания. В процессе обучения выделяются два основных направления: первое – формирование базовых знаний о системе материального и процессуального права; второе – процедура ведения судебных процессов. Причем, если первое направление уже после назначения на пост судьи или прокурора можно совершенствовать посредством обязательных курсов переподготовки или повышения квалификации, так и индивидуальных курсов углубленной подготовки по отдельным вопросам материального права или отдельным категориям дел (разводы, раздел имущества, вступление в наследство, преступления несовершеннолетних и др.), то процедурные моменты ведения процесса являются приоритетными и им уделяется наибольшее внимание. К таким приоритетным вопросам относятся и этапность судебного процесса, и поведение судьи (прокурора) в судебном процессе, и построение судебной речи в отношении различных субъектов процесса, изучение доказательств, в том числе и свидетельских показаний, и др.

Таким образом, во Франции участие государства в образовании судьи проявляется уже на предварительном этапе в форме специальной углубленной подготовки кандидата в судьи. Возможно, такой подход обусловлен основными принципами судопроизводства, предусмотренными п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и международными стандартами в сфере правосудия. Эти стандарты требуют, чтобы праву быть судимым законным судом корреспондировала обязанность государства создавать и поддерживать такую судебную систему, в которой судьи отвечают критериям независимости, беспристрастности, компетентности и способны эффективно осуществлять свои полномочия (п. I ст. 1 разд. II резолюции (2002) 12 Комитета министров Совета Европы от 18.09.2002 г. «Учреждение Европейской комиссии по эффективности правосудия»).

Международные рекомендации в области правосудия к качествам судьи, способствующим укреплению доверия общества к судебной власти и имеющим первостепенное значение для поддержания ее независимости, также относят: беспристрастность, честность, соответствие установленным стандартам компетентности, поведения и добросовестности (п. 1.6, 2.2, 3.1 и 6.7 Бангалор-

ских принципов поведения судей, одобренных резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27.07.2006 г.).

Следует также обратить внимание и на международные стандарты подготовки кандидатов в судьи, зафиксированные в Европейской хартии о статуте для судей (Страсбурге, 1998 г.). В соответствии с п. 2.3 хартии подготовка отобранных соискателей к эффективному осуществлению судейских полномочий обеспечивается национальным законом (статутом), предусматривающим их обучение за счет государства.

В Российской Федерации, принимая во внимание, что наличие и качество первоначального юридического образования относятся к требованиям, соответствие которых стандартам является самостоятельной задачей кандидата на должность судьи, государством уделяется особое внимание второму этапу – переподготовке и повышению квалификации судей.

Закон о статусе судей в ст. 20.1, Положение о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов, утвержденное постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 18.04.2018 № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» предусматривают, что судьям федеральных судов необходимо повышать квалификацию не реже одного раза в три года, а судьям, впервые назначенным на должность, проходить обучение по программе профессиональной переподготовки.

Эти акты определяют *основные принципы системы переподготовки и повышения квалификации судей* судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а также работников аппаратов судов и судебного департамента при Верховном Суде РФ:

– независимость – Верховный Суд РФ определяет образовательные организации, осуществляющие соответствующие образовательные программы;

– периодичность – судьи и работники аппаратов судов должны проходить переподготовку через год после своего назначения, повышение квалификации каждые пять лет;

– качество – к обучению судей и работников аппаратов, привлекаются не только судьи и должностные лица Верховного Суда

РФ, но и лучшие специалисты (криминалисты, эксперты, психологи, ученые) в соответствующих отраслях деятельности.

На сегодняшний день в жестких условиях применения мер противодействия распространения коронавирусной инфекции, предусмотренных в том числе Указом Президента РФ от 11.05.2020 № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», использование цифровых технологий в сфере образования стало необходимым условием для реализации образовательных программ, в частности программ повышения квалификации и переподготовки судей. В связи с этим можно определить еще один новый принцип системы подготовки судей – это цифровизация образовательной среды, широкое использование дистанционных способов обучения судейского корпуса, включая проведение онлайн-лекций, семинаров и «круглых столов». Необходимость развития данного направления в сфере образования также отмечена и в Указе Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» как одна из обязательных задач для обеспечения высокого уровня и доступности образования. Таким образом, наличие безопасной цифровой образовательной среды в современных условиях является обязательным принципом системы переподготовки и повышения квалификации судей.

В целях реализации государственной программы переподготовки и повышения квалификации судей в 1998 г. на основании Указа Президента РФ от 11.05.1998 № 528 «О Российской академии правосудия» и постановления Правительства РФ от 28.10.1999 № 1199 «О Российской академии правосудия» было создано государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования – Российская академия правосудия (с 14.10.2014 г. – Российский государственный университет правосудия – РГУП).

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных дого-

воров Российской Федерации» были определены основные рекомендации по организации учебного процесса подготовки, переподготовки и повышения квалификации судей и работников аппаратов судов. При этом особое внимание предлагается уделить изучению общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ, регулярно анализировать источники международного и европейского права, издавать необходимые практические пособия, комментарии, монографии и другую учебную, методическую и научную литературу (п. 18).

Основными целями и задачами РГУП являются:

- переподготовка и повышение квалификации судей и работников аппарата судов общей юрисдикции и арбитражных судов, в том числе и работников судебного департамента при Верховном Суде РФ;

- подготовка кадров для системы правосудия по программам высшего профессионального образования и второго высшего образования;

- подготовка аспирантов и докторантов (послевузовское образование);

- фундаментальные и прикладные научные исследования по вопросам организации системы правосудия и правоприменения;

- издание научной, методологической и иной литературы;

- международное сотрудничество в сфере высшего профессионального образования и права, обмен опытом в сфере научной и законодательной деятельности, правоприменения, подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников системы правосудия.

Профессорско-преподавательский состав РГУП состоит из ведущих ученых и специалистов-практиков в различных областях права судей Верховного Суда РФ, специалистов практиков в различных областях (эксперты, экономисты, психологи, криминалисты и др.), а также ученых- юристов.

В 2020–2021 гг. в рамках переподготовки и повышения квалификации судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов, работников аппаратов судов и судебного департамента в этом Университете прошли обучение (переподготовку и повышение квалификации):

– судьи судов общей юрисдикции и арбитражных судов, впервые назначенные с последующей сдачей экзамена;

– судьи судов общей юрисдикции и арбитражных судов по различным направлениям специализации: уголовная; гражданская и семейная; интеллектуальная собственность (авторское и патентное право); административная;

– судьи мировых судов, в том числе переподготовка мировых судей, впервые назначенных.

Можно выделить две основные группы форм обучения судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов, работников аппаратов судов и судебного департамента Верховного Суда РФ:

1) универсальная – объединила формы обучения, применимые как при переподготовке, так и при повышении квалификации судей, работников судебной системы и судебного департамента;

2) специальная – формы обучения, используемые для переподготовки и повышения квалификации отдельных категорий обучающихся.

К универсальной группе относятся следующие формы обучения:

а) проведение лекций и семинаров по актуальным проблемам правоприменительной практики, по новациям в сфере законодательного регулирования и судебного толкования. Так, в связи с объединением в 2014 г. системы арбитражных судов и судов общей юрисдикции и упразднением Высшего Арбитражного Суда РФ были разработаны следующие тематики лекций и семинаров, как то: «Арбитражный суд в системе судов общей юрисдикции»; «Актуальные аспекты развития арбитражных судов»; «Трудности арбитражного судопроизводства» и др.;

б) «круглые столы» по отдельным проблемам судопроизводства с участием как ученых-теоретиков, так и практиков;

в) психологические тренинги, касающиеся не только поведения судьи во время процесса, но и делового общения, выхода из конфликтных ситуаций, которые могут возникнуть не только в зале суда, но и при приеме граждан;

г) консультации психологов – не только в части осуществления профессиональной деятельности судьи, в том числе подготовки и вынесения решений, приговоров, но и в части сочетания профессиональной деятельности и отдыха;

д) издание специализированной литературы. В Университете издается специализированная книжная серия «Библиотека судьи», которая включает в себя научные и методические издания по актуальным вопросам отправления правосудия¹.

К *специальным формам* обучения судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов, работников аппарата судов, судебного департамента Верховного Суда РФ относятся следующие:

а) обсуждение проектов пленумов и обзоров Верховного Суда РФ, например, по вопросам кадастрового учета и государственной регистрации недвижимого имущества, применения сроков исковой давности и другим вопросам. Эта форма обучения используется в рамках повышения квалификации председателей районных судов общей юрисдикции, председателей арбитражных судов субъектов РФ;

б) игровые судебные процессы по гражданским и уголовным делам. Сценарии деловой игры пишутся по наиболее распространенным категориям дел, например, выселение из жилых помещений в связи с наличием задолженности по коммунальным и иным платежам; изъятие и снос объектов недвижимого имущества в связи с признанием их самовольной постройкой и др. Итоги игры анализируются не только с точки зрения ведения судебного процесса, но и с точки зрения поведения судьи. Разбор результатов игр проводится с участием психологов. Форма используется в рамках переподготовки впервые назначенных судей, повышения квалификации судей мировых судов, работников аппарата суда;

в) решение практических задач по различным категориям дел. Судьям предоставляется фабула дела, а в качестве решения пишется приговор (решение) с указанием используемых положений законодательства, анализом представленных доказательств, в том числе и свидетельских показаний. В данном случае анализируются не только практические навыки: знания законодательства, судебной практики, но и профессиональное изложение материала

---

¹ См., напр.: Страховые споры : науч.-практ. пособие / под. ред. И.А. Цинделиане. – Москва : РГУП, 2022; Оптимизация судебной юрисдикции и нагрузки на судебную систему в арбитражных судах: процессуальный аспект : монография / под ред. С.В. Никитина. – Москва : РГУП, 2021; Компенсация как способ защиты нарушенных исключительных прав: проблемы и решения : науч.-практ. пособие. – Москва : РГУП, 2020. – URL: <http://op.raj.ru/> (дата обращения: 17.01.2022).

(т.е. профессиональный язык). Эта форма обучения используется в рамках курса переподготовки впервые назначенных судей, судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов;

г) посещение судов, различных инстанций (мировых, районных, военных, арбитражных и др.). Такая форма позволяет изучить опыт организации документооборота, работы с посетителями и решения иных организационных опросов, связанных с ежедневной работой суда.

Следует отметить, что как универсальные, так и специальные формы обучения имеют интернациональный характер и используются в качестве образовательных технологий и в зарубежных образовательных институтах, ориентированных на подготовку и переподготовку судей. Национальная школа магистратуры (ENM) во Франции осуществляет целый ряд взаимосвязанных курсов, направленных на судей во Франции, которые ежегодно проходят пятидневную непрерывную подготовку. Судьи выбирают свои курсы из проспекта, публикуемого ежегодно, который охватывает следующие восемь общих тем отправления правосудия: 1) инструменты управления (включая текущие бюджеты); 2) управление изменениями; 3) управление людскими ресурсами и рисками; 4) управление стрессом; 5) методы оценки; 6) измерения эффективности; 7) качество государственного управления; 8) взаимосвязь между судебной и государственной политикой¹.

Следует отметить, что ежегодно на международном уровне проводятся конференции по обмену опытом по подготовке и переподготовке судейского корпуса.

Так, Международная организация по подготовке судей (L'Organisation internationale pour la formation judiciaire) (IOJT) ежегодно, начиная с 2002 г., проводит международные конференции по актуальным вопросам подготовки и переподготовки судей. В октябре 2022 г. в Оттаве (Канада) пройдет X юбилейная конференция, посвященная, в том числе, разработке и внедрению новых способов обучения и переподготовки судей в условиях принятия

---

¹ См.: Курбанов А.Ш. Качество системы правосудия: международные требования к подготовке судей и опыт зарубежных стран // *Мировой судья*. – 2020. – № 5. – С. 11–15.

ограничительных мер в целях противодействия распространения новой коронавирусной инфекции.

Таким образом, подготовка, переподготовка судей и повышение квалификации судей как в России, так и во Франции являются основными инструментами, которые обеспечивают систему правосудия высококвалифицированными специалистами, обладающими актуальными знаниями в различных отраслях права, умеющих в сложных психологических условиях состязательного процесса принимать законные решения.

УДК 340.5

DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.11

ЗАХАРОВ Т.В.¹ НОВАЯ МОДЕЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ И ЕЕ РОЛЬ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ. (Обзор).

Аннотация. В обзоре представлены дискуссионные позиции ученых на влияние цифровых технологий на оборот правовой информации в системе юридического образования, в том числе через вузовские библиотеки. Рассматриваются роль юридической библиотеки в организационной структуре юридического факультета и образовательном процессе, модели взаимодействия юридической библиотеки с ее пользователями.

Ключевые слова: юридическое образование; юридическая библиотека; оборот правовой информации; цифровая правовая информация.

ZAKHAROV T.V. The new model of the law library and its role in legal education. (Review).

Abstract. The review presents the debatable positions of scientists on the impact of digital technologies on the turnover of legal information in the system of legal education, including through university libraries. The role of the law library in the organizational structure of the Faculty of Law and in the educational process, models of interaction of the law library with its users are considered.

Keywords: legal education; law library; legal information management; digital legal information

Для цитирования: Захаров Т.В. Новая модель академической юридической библиотеки. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки.

---

¹ Захаров Т.В. научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4 : Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 170–178. DOI: 10.31249/rgrpravo/2022.02.11

Новые технологии и меняющаяся экономика образовательной деятельности побуждают переоценить эффективность систем юридического образования и высшего образования в целом. Многие согласны с тем, что наиболее важной предпосылкой изменений в сфере юридического образования является постепенное раскрытие потенциала новых технологий оборота и анализа информации, а также персональной цифровой коммуникации (Т. Фитчетт Р. Сасскинд), отмечает Д. Берчфилд, директор юридической библиотеки Школы права им. У. Боуэна Университета Арканзаса (США) [1, р. 12].

В системе юридического образования библиотеки одними из первых восприняли новые технологии – приступили к адаптации своей деятельности к меняющимся условиям оборота информации. В опубликованной в 2019 г. книге «Онлайн-суды и будущее справедливости» Р. Сасскинд выдвинул предположение, что общество приближается к концу своего перехода от печатного к цифровому созданию, передаче и потреблению информации, в том числе правовой [1, р. 13, 22].

Особую важность услуг юридических библиотек в условиях увеличения объема источников информации в разных форматах – бумажном и электронном источниках, подчеркивает А. Клайнфельтер, директор юридической библиотеки Университета Северной Каролины в Чапел-Хилл (США). Библиотеки помогают исследователям, сталкивающимся с большими потоками литературы и трудностями навигации в этих потоках, ориентироваться и продвигаться к авторитетной и актуальной информации в соответствии с их интересами [2, р. 6].

Сама ситуация с публикацией правовых актов и научной правовой информации видится сложной и динамичной. Большие массивы правовой и научно-правовой информации на бумаге не размещены в Интернете, хотя сегодня прослеживается явная тенденция оцифровки издаваемой юридической литературы, научной периодики и социально значимой информации. Наряду с этим есть много юридической и иной научной информации, которая может быть доступна только в цифровом формате [2, р. 5]. Значительное количество коммерческих цифровых версий научных монографий,

пособий и т.п. не могут быть приобретены по многопользовательским лицензиям [3, р. 319].

Несмотря на предпринимаемые государственными органами и коммерческими организациями усилия, тексты нормативных правовых актов еще не полностью представлены в Интернете. Преимущественной формой доступа к ним большинства исследователей является подписка на базы выборочных данных, обеспечивающих заявляемую широту охвата, своевременное обновление содержания и аналитические данные [2, р. 4].

Поставщик баз данных правовой информации может изменить их содержание, исключить информацию определенного рода, в связи с чем данная модель предоставления информации должна рассматриваться, как динамичная и недостаточно надежная [1, р. 9].

Собрания юридических библиотек. Доступ к правовой и научной литературе остается основной услугой юридической библиотеки [2, р. 3]. Количество собранных источников является главным показателем статуса академической юридической библиотеки [1, р. 9].

В 2014 г. стандарт Американской ассоциации юристов (The American bar association, ABA) в отношении основного фонда литературы юридической библиотеки был изменен: теперь он включает как собственные объемы накопленной литературы, так и источники, принадлежащие иным лицам (прежде всего существующие в цифровом формате), к которым библиотека обеспечивает доступ. Это дало библиотекам право отменять дорогостоящие подписки на печатные издания и полагаться на более дешевый лицензированный электронный доступ к цифровым базам данных [1, р. 9]. При выборе материалов преподаваемых курсов юридический факультет, как правило, учитывает теперь их доступность с целью максимальной экономии средств студентов и преподавателей [3, р. 323].

В то же время юридические библиотеки, которые могли себе это позволить, сохраняли основные материалы в печатном виде даже тогда, когда они стали доступны в Интернете [1, р. 9]. Многие юридические библиотеки имеют специальные коллекции, такие, как собрания редких книг и архивных материалов. Ресурсы такого рода могут быть отличительным признаком школы права или университета, служить основой для различных научных исследований, проводимых преподавателями и студентами [2, р. 6].

Печатный источник обычно доступен для читателей. Однако есть некоторые существенные ограничения, например, им нельзя воспользоваться в любое время и любом месте. Бумажный вариант издания не позволяет нанесения отметок, выделений и т.п. Книги и другие физические собрания требуют постоянной защиты, климат-контроля, физического ухода и т.д. Материалы в цифровом формате могут быть доступны удаленно одновременно многим читателям [3, p. 321–322].

Академические библиотеки приобретают цифровые ресурсы, включая периодические и сериальные издания, многопользовательские электронные книги. По условиям договоров, заключаемых библиотеками с издательствами, студенты рассматриваются как «авторизованные пользователи» («authorized users») и обычно получают бесплатный доступ к предоставляемым издательствами публикациям. Электронные линейки изданий по правовым дисциплинам, как правило, являются менее дорогой альтернативой печатным либо комбинированным печатным/цифровым материалам [3, p. 319–320].

Некоторые коммерческие издательства предоставляют «программы инклюзивного доступа», когда учебное заведение включает электронные учебники данного издательства в преподаваемые курсы, а студентам автоматически выставляется счет за доступ к ним в составе платы за обучение или соответствующий курс. Министерство образования США в связи с этим потребовало устанавливать в таких программах цены ниже рыночных, а также предоставлять студентам право отказаться от участия в программе, если он хочет получить необходимые материалы иным способом. [3, p. 314].

К. Ленц приводит примеры судебных исков, указывающих на создание монополии издательств на формирование материалов учебных курсов с конечной целью повышения цен. Программы инклюзивного доступа критикуются, как ограничивающие способность преподавателей правовых дисциплин самостоятельно формировать перечни учебных материалов [3, p. 314–315].

Изменение роли юридической библиотеки в системе юридического образования. Необходимость сосредоточиться на передовом опыте организации и доставки электронных ресурсов отмечена в кратком обзоре меняющейся роли библиотеки Консор-

циума академических библиотек «OhioLINK» 2020 г., в котором утверждается, что «хотя традиционные библиотечные системы и их рабочие процессы были созданы для сбора, организации и доставки физических предметов, времена изменились, и библиотекари должны признать, что библиотека – это не то, что хранится на полках, а то, кому библиотека служит» (*user-centered approach*) [1, р. 13]. В то время как читатели приходили в помещение традиционной библиотеки, чтобы получить доступ к интересующим их материалам, сегодняшние пользователи библиотек рассчитывают на услуги из любого места, где есть Интернет.

Большинство юридических библиотек нередко сотрудничает с другими юридическими библиотеками, иными участниками оборота правовой информации, заключает соглашения о доступе к ней. Так, Альянс по сохранению правовой информации (The Legal Information Preservation Alliance) (США) занимается обучением сотрудников юридических библиотек методологии сбережения своих коллекций печатных и цифровых материалов [2, р. 6, 9].

Юридические библиотеки могут входить в составы более широких консорциумов совместно с другими университетскими библиотеками. Так обеспечивается более широкий доступ к информации, обширным собраниям по смежным и иным дисциплинам, которые часто вызывают интерес ученых-правоведов. К примеру, партнерство NathiTrust (США) объединяет ряд юридических библиотек для совместного хранения и общего доступа к оцифрованным материалам из различных источников, включая сканирование фондов юридических библиотек. Консорциум юридических библиотек по вопросам носителей микроизображений документов (Law Library Microform Consortium, LLMC Digital) (США) занимается сохранением документов о правовых титулах и правовых актах органов государственной власти, а также ведет работу над снижением стоимости цифровых копий правовых и иных документов [2, р. 10].

Библиотечные собрания сегодня намного больше, чем локально размещенные материальные объекты. У некоторых специалистов зародилась идея слияния юридической библиотеки с основными библиотеками университета, объясняется это тем, что такой подход сделает управление библиотечными фондами более эффективным, так как совместный учет фондов минимизирует

дублирование источников. А. Клайнфельтер полагает, что объединение средств библиотек создает им прочное коллективное положение во взаимодействии с контрагентами, повышает их общую покупательную способность. Примером важного эффективного библиотечного сотрудничества является централизация специализированного ухода за собраниями редких книг и их использования [2, р. 6–9].

Тем не менее при слиянии администрирования библиотекари различного тематического профиля целый ряд расходов лишь переносятся из ведения одного подразделения в администрации университета другому, что не приводит к их сокращению. Связанные со слиянием неудобства для преподавателей и студентов отражаются на снижении их производительности [2, р. 8].

Место юридической библиотеки в организационной структуре юридического факультета. Независимо от формата собраний юридическая библиотека занимает центральное место в организационной структуре юридической школы. Библиотеки могут демонстрировать свое лидерство и опыт в работе с технологиями во взаимодействии с другими ее структурными подразделениями. Все больше аргументов говорит в пользу того, что академическая юридическая библиотека должна расширить свою роль, считает Т. Фитчетт [1, р. 12, 22, 28].

Юридическая библиотека обеспечивает интересы школы права при формировании собраний ее библиотечного фонда [2, р. 7]. Специалисты юридических библиотек могут участвовать в подготовке цифровых учебных материалов, предоставлять студентам онлайн-доступ к информации, преподаватели вправе включать ее в свои курсы бесплатно для студентов [3, р. 305, 324].

Юридические библиотеки вносят существенный вклад в повышение доступности материалов по преподаваемым в школах права курсов, готовят практические руководства и обучающие программы по источникам правовой, учебной и иной информации, предлагая в случае необходимости индивидуальные решения отдельным преподавателями [3, р. 323].

К. Ленц предупреждает, что необходимо осмотрительно относиться к форматам учебных материалов. Следует оценивать влияние (цифрового) формата издания на понимание его содержания и на процесс обучения в целом. Когнитивные исследования

показывают, что формат представления текста влияет на выбор стратегий обучения, запоминание и способность фокусироваться (Д. Мизрахи [D. Mizrahi]). У читателей, желающих получать информацию в печатном виде, должна оставаться возможность распечатать цифровые материалы. Хотя это требует больше усилий, времени и затрат [3, р. 307–308].

Юридические библиотеки способны осуществлять оценку эффективности работы школы права или университета по достижению поставленных перед ними целей. Программное обеспечение юридических библиотек дает возможность получать показатели научного влияния профессорско-преподавательского состава юридического образовательного учреждения, например, путем сбора информации о количестве обращений читателей к их научным работам, цитирования их работ другими учеными, в судебных решениях и на других онлайн-ресурсах. Такие данные представляют интерес и для администрации школ права и университетов, и для самих ученых, а также для издательств, поставщиков правовой информации и т.д. [2, р. 3, 13].

Анализ литературы показывает, что юридические библиотеки призваны:

1) создавать системы и процессы, облегчающие обнаружение, доступ и использование информации, необходимой читателю для достижения успеха в его работе [1, р. 13]. Исследователь, студент нуждаются в поддержке для наискорейшего поиска необходимой литературы, в идеале без отвлекающей информации, не относящейся к делу [2, р. 6];

2) помогать в выборе литературы, навигации по информационным, издательским цифровым платформам [3, с. 324];

3) проводить обучение студентов новым технологиям поиска правовой информации. Такие навыки являются необходимыми для студентов-юристов в их будущей практической работе. Так, студенты юридического колледжа Университета Оклахомы (США) обязаны не менее трех часов в год обучаться технологиям, но большинство студентов добровольно тратят на это значительно больше времени [1, р. 17, 23];

4) знакомить студентов с постоянно растущим потоком новых источников. Они также должны научить их оценивать точ-

ность информации, которую они получают, авторитет ее источника [1, р. 16].

Помимо таких «механических» навыков (*mechanical skills*) работы с правовой информацией, как ее декодирование и понимание, читателю, обращенному к правовой проблеме, необходимы «стратегические» навыки (*strategic skills*) постановки цели получения информации, определения критериев ее поиска и оценки, резюмирования, отслеживания раскрывающихся смыслов [3, р. 311], и в этом тоже могут помочь сотрудники библиотеки.

Одной из проблем является возможная предвзятость алгоритмов выборки информации. Объем полученных источников может быть значительным. Студентов необходимо учить методам эффективной фильтрации информации, таким, как сужение поиска по критериям, к примеру, юрисдикции, дате, юридической силе и т.п. [1, р. 19].

Форматы могут меняться, а коллекции – расширяться или сужаться. Однако эффективной работе юридической библиотеки всегда будут способствовать навыки и опыт ее специалистов, библиотекарей, которые являются самым важным ее ресурсом, полагает Д. Берчфилд [1, р. 28]. Очевидное преимущество имеет модель, когда библиотекарь также опирается на свой личный опыт в области юриспруденции и использовании правовой информации. Большинство юридических библиотек нанимает библиотекарей, имеющих степень магистра библиотечного дела или информатики, а также степень юриста [2, р. 5].

Перед юридическими библиотеками стоят и более частные специальные задачи. По мнению А. Клайнфельтер, к примеру, библиотеки организуют работу по сохранению исторического значения цитирования в правовых исследованиях и судебных решениях. Ряд исследований, проведенных специалистами юридических библиотек, указал на достаточно быструю утрату актуальности (сохранности источника) цитат из материалов, размещаемых в Интернете. Автор указывает на положительный опыт Инновационной лаборатории Гарвардской библиотеки, разработавшей программу архивации цитируемых материалов (Perma.cc), опирающуюся на собрания юридических библиотек других университетов [2, р. 9].

Заключение. Академические юридические библиотеки должны приспосабливаться к меняющимся условиям и развивать-

ся, чтобы оставаться актуальными сегодня и в будущем. Существует мнение, что революцию в юридическом образовании еще только предстоит произвести технологиям цифровой реальности, внедряемым в системы юридического образования. Уже сейчас на базе прецедентов создаются виртуальные сложные картины судебных разбирательств, «трехмерные» модели правовой аргументации [1, р. 7, 25].

Тем не менее в каких бы форматах и на каких бы правовых основаниях ни были доступны фонды юридической библиотеки, необходимы гарантии, что вложенные в них инвестиции принесут пользу объединяемым или поддерживаемым школой права или университетом исследователям, специалистам и студентам [2, р. 6].

Список литературы

1. Burchfield J. Tomorrow's law libraries: academic law librarians forging the way to the future in the new world of legal education // *Law library journal*. – Chicago, 2021. – Vol. 113, N 1. – P. 5–30.
2. Klinefelter A. The Value of an academic law library in the 21 st century // *Academic law libraries within the changing landscape of legal education : a primer for deans and provosts* / ed. by J.S. Howland, M. Wu, R.E. Wheeler, S. Pagel. – 2020. – N 84. – P. 3–20.
3. Lenz C. Affordable content in legal education // *Law library journal*. – Chicago, 2020. – Vol. 112, N 3. – P. 301–325.

ТЕОРИЯ ПРАВА

УДК 34.06

DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.12

СКУРКО Е.В.¹ ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛОГИКА: ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ТЕОРИИ ПРАВА И ПРАКТИКЕ. (Обзор).

Аннотация. Применение логики для изучения правовых вопросов – предмет исследований юридической логики. Поскольку традиционная теория логики сфокусирована на формальных методах исследования, она зачастую не в состоянии напрямую предложить эффективные подходы по сложным практическим вопросам юриспруденции. Юридическая логика, следовательно, – это дисциплина, связанная с правовым мышлением и его законами. Актуальные проблемы применения юридической логики и сферы расширения ее приложения в современной теории права и практике проанализированы в данном обзоре.

Ключевые слова: юридическая логика; логика права; логика правовой нормы; юридическая коллизия; судебное доказательство.

SKURKO E.V. Legal logic: its application in the theory of law and practice (Review).

Abstract. The application of logic within the research of legal issues is the subject of legal logic studies. Since the traditional theory of logic focuses on formal research methods, it is often unable to offer directly effective approaches to complex practical issues of jurisprudence. Therefore, legal logic is a discipline related to legal thinking and its laws. The essential issues of applying legal logic and the scope of expanding its application in contemporary theory of law and practice are analyzed in the review.

---

¹ Скурко Е.В., старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Keywords: legal logic; logic of law; logic of legal norm; legal collision; judicial evidence.

Для цитирования: Скурко Е.В. Юридическая логика: ее применение в теории права и практике. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 179–187. DOI: 10.31249/rgrpravo/2022.02.12

Логика широко используется в вопросах права. Актуальным проблемам теории и практики применения юридической логики в современных зарубежных исследованиях посвящен данный обзор.

Чжи Чжан из Гуманитарного колледжа Китайского университета политических наук и права в своей статье исследует вопросы применения юридической логики в современных условиях – особенно в связи с ростом цифровизации и развитием систем искусственного интеллекта, а также их внедрением в сферу права [3].

Как использовать логику для изучения правовых вопросов? Первоначальный исследовательский подход заключается в использовании традиционной теории логики для анализа судебных дел. Он основывается на известной дедуктивной и индуктивной логике. Поскольку традиционная теория логики фокусируется на формальных методах исследования, на ее основе зачастую невозможно проводить эффективные исследования по сложным практическим правовым вопросам. Поэтому юридическая логика нуждается в более универсальном определении и более четкой области исследований для достижения практических целей [3, p. 759].

Юридическая логика, как определяет ее Чжи Чжан, – есть дисциплина, связанная с правовым мышлением и его законами; ее объект и система поиска решений должны исходить из области правового мышления и его основных проблем. Объектами исследования юридической логики являются фактические и юридические рассуждения, законы, правила и методы (правовой) аргументации и т.п.

Если следовать данному определению, созданные на его основе понятие и представление о юридической логике будут существенно отличаться от формальной исследовательской структуры традиционной логики – например, по судебным делам. Сфера применения юридической логики очень широка. Область исследо-

ваний юридической логики не ограничивается каким-либо одним подходом в правовом регулировании или каким-либо конкретным случаем. Скорее она проходит сквозным образом – от правовых норм до их применения на практике [3, р. 760].

С точки зрения эпистемологии, юридическая логика относится к прикладной логике (applied logic), цель которой – применение логических знаний к правовым явлениям. В то же время юридическая логика – часть правовой методологии. В свою очередь она является одним из методов изучения правовых явлений. Поэтому вполне возможно взглянуть на область применения юридической логики с двух сторон, это позволит найти ответ на вопрос, как применяется логика к сфере права.

С одной стороны, если рассматривать роль юридической логики с точки зрения правовых норм, то она изучает структурную теорию правовых норм. С другой стороны, если говорить о применении логических методов, юридическая логика исследует модельную теорию юридической аргументации. Таким образом, юридическая логика фокусируется не только на логическом построении правовых норм, но и на юридической практике применения логических методов [3, р. 760].

С развитием общества и постоянным обновлением законодательства юридическая логика учитывает постоянно меняющиеся социальные условия и обстоятельства. Как традиционные логические методы, так и современные прикладные логические методы, постепенно проникают в юридические дисциплины, дополняя и внедряя инновации во взаимном развитии. В частности, продвижение искусственного интеллекта открыло новый подход к изучению юридической логики. Некоторые ученые выступают за расширение исследований юридической логики с помощью новых появляющихся междисциплинарных дисциплин, таких, как прагматика и когнитивная наука, для формирования нового типа юридической логики в целях расширения области ее приложения, повышения рациональности правового мышления интеграции юридических методов и методик [3, р. 760].

Еще одно направление реформирования традиционной юридической логики, считает Чжи Чжан, должно состоять в том, чтобы выстроить систему юридической логики в условиях эпохи цифровизации: новая юридическая логика должна быть больше

ориентирована на жизнь человека при искусственном интеллекте. В связи с этим важно обратить внимание на поиск идей и концепций для преобразования правил юридического мышления естественного языка в правила юридической логики искусственного языка – искусственного интеллекта.

Современное интеллектуальное развитие требует совершенствования юридической логики не только на основе слияния правовых и иных дисциплин и теории логики, но и исходя из актуальных потребностей социально-правового прогресса. Поскольку юридическая логика использует классическую дедуктивную логику и современную математическую логику в качестве своих исследовательских инструментов, символизация, формализация и систематическая дедукция являются для нее важными средствами изучения правового мышления. Следовательно, существуют теоретические основы и инструментальные условия для расширения границ мышления собственно интеллекта.

Так, интеллектуальное расширение юридической логики можно, по мнению Чжи Чжана, рассматривать следующим образом. Во-первых, автоматизация поиска применяемых правовых норм, которая должна проявляться в автоматическом поиске и активном сопоставлении по ключевым словам. Во-вторых, автоматизация в сфере установления юридических фактов, что заметно проявляется как в оцифровке доказательств, так и объединении доказательств с использованием математических моделей. В-третьих, моделирование юридических решений с помощью логических моделей, выражающих структуры юридической аргументации, что позволяет сделать юридическое решение демонстрирующим процесс его интеллектуального вывода [3, р. 761].

В концепции юридической логики, развиваемой Чжи Чжаном в качестве исследовательского инструмента для объединения теории и юридической практики, юридическая логика обладает преимуществами параллельного развития и интеграции в рамках систем современного взаимодействия права и искусственного интеллекта. Вместе с тем юридическая логика не может рассматриваться в качестве сугубо технического инструмента – в ее применении следует учитывать социальные реалии и моральные ценности, присущие и защищающиеся в современном праве, например, такие, как нравственные основания права и политиче-

ская идеология – и т.п. Кроме того, современная юридическая логика должна отвечать актуальным потребностям судебной практики, как то: рациональность и внутренняя логика правовых норм, достоверность фактов, обоснованность судебных решений и проч. Как настаивает автор, главным предметом современной юридической логики является прежде всего человек.

По утверждению исследователя, развитие искусственного интеллекта станет главной движущей силой для развития логики, в том числе юридической. Сложности с искусственным интеллектом сегодня состоят не в том, чтобы имитировать виды однозначных и определенных аргументов в рассуждении, которые способен выполнять мозг человека, а в инициативе и творческом мышлении, которые отражают сущность интеллектуальных характеристик человека [3, р. 769].

Хартмут Климт из Гиссенского университета имени Ю. Либиха обращается к проблеме логических оснований современной конституционной демократии – юридическому позитивизму и теории естественного права, в основном анализируя концепцию Дж. Бьюкенена, американского экономиста, лауреата премии по экономике памяти Альфреда Нобеля 1986 г. «за исследование договорных и конституционных основ теории принятия экономических и политических решений» [1].

Дж. Бьюкенен, отвергая все претензии на знание того, что правильно и неправильно, предложил: 1) признавать закон утратившим юридическую силу только в случае нарушения процедуры его принятия; 2) рассматривать в качестве «квазиестественного» правового ограничения – в части юридической силы – наличие определенного консенсуса в отношении принятия данного закона. Здесь Бьюкенен исходит из кантовских идеалов межличностного уважения и личных ценностей [1, р. 1].

Так, складывалась концепция, что «конституционный договор» в формате конституционной демократии получает легитимность от авторитета «договаривающихся сторон», но не от «авторитета знания» (т.е. собственно содержания достигнутых «договоренностей»). Чтобы полностью соответствовать логике такой модели, «демократическое единодушие» проистекает из «самореферентности» – остальное относится к гражданам, чье реальное согласие с основными действующими процедурами в кон-

ституционном (законодательном) процессе обуславливает законность конкретных конституционных установлений – в качестве позитивного закона.

Х. Климт для понимания логической связности подхода Дж. Бьюкенена вводит понятие «концептуальное единодушие» – в противовес «реальному единодушию», хотя возможно было открыто обратиться к философским методам обоснования своих выводов либо применить известные подходы в поиске рефлексивного равновесия в конституционном процессе, как это делается в теории Дж. Ролза. В рамках такого философского размышления «единодушное согласие в демократическом сообществе» могло бы послужить характеристикой «демократической исходной позиции», в которой представители, принимающие рациональные решения, выступают в качестве «аватаров» граждан, и т.д. [1, р. 10].

По мнению Х. Климт, стремление описывать нечто как результат всеобщего согласия лишь создает иллюзию безобидности такого решения, в то время как оно фактически навязывается отдельным лицам, так что применение принуждения оказывается просто замаскированным. Ввиду такого рода наличествующих реальных рисков Х. Климт в свою очередь полагает, что «эмпирический» общественный выбор, по-видимому, наилучшим образом послужит технологическим целям анализа экономической конституционной политики. В частности, цели поиска средств для достижения цели защиты свободы и ее приоритета в конституционной демократии может лучше послужить эмпирическое понимание того, как на самом деле работают конституционные демократии, чем любое теоретизирование о «конституционном договоре» и т.п. Тем не менее, поскольку политические размышления на самом деле не прекратятся, пока существуют конституционные демократии, мы сможем и далее наслаждаться увлекательными теориями и надеяться, что они способны сделать мир лучше, формируя наши мнения таким образом, чтобы поддерживать верховенство права [1, р. 11].

Хенрик Маркос, Антония Вальтерманн и Джап Хейдж из Маастрихтского университета рассматривают применение юридической логики к актуальным проблемам перехода от суверенитета к международному сотрудничеству [2]. Авторы исследуют вопрос: обязательно ли осуществление суверенитета приводит к коллизи-

ям и конфликтам, которые препятствуют развитию международного сотрудничества, и дают на него отрицательный ответ. Они полагают, что логика нормы права принципиально отличается от описательного утверждения, и применение логики, свойственной нормам права, позволяет сформировать согласованную и работоспособную правовую систему в плюралистическом и фрагментированном наборе источников международного права [2, р. 2].

В логике исследования суверенное равенство и осуществление суверенитета государствами приводят к быстрому количественному росту международно-правовых норм и фрагментации международного права. Интуитивно имеет смысл утверждение, что фрагментация приводит к увеличению вероятности коллизий и конфликтов. Если это так, проблематичность развития международного сотрудничества очевидна.

Однако авторский коллектив настаивает, что этот интуитивный взгляд основывается на неправильном понимании природы и логики (международных) правовых норм. В отличие от описательных утверждений, где несоответствие не может быть устранено путем дополнений, нормы не описывают реальность, а присоединяют новые факты к существующим и тем самым определяют, что существенно и что несущественно. Это приводит к тому, что по мере роста количества правил и норм одновременно возникает возможность устранить несоответствия между ними. Более того, сами нормы могут устанавливать, когда и каким образом следует делать исключения и изъятия для случаев коллизий норм [2, р. 17].

Действительно, правовые нормы определяют порядок в социальной реальности. Правила создают то, что мы называем фоновыми ограничениями относительно существующего состояния дел. Ограничения могут быть логическими (логически невозможно, чтобы Португалия была государством и в то же время не была государством), физическими (человек не может находиться в двух странах одновременно) и другими. Наиболее интересно, что правовые нормы могут выступать в качестве ограничений, например, делая невозможным, чтобы некий объект рассматривался одновременно и как «товар», и как, например, «вакцина» и т.п.

Поскольку правила применимы, в частности, когда случай подпадает под его действие, то, изменив «фон» соответствующей ситуации, в которой действует это правило, мы можем скорректи-

ровать его применение. Например, исключение «вакцин» из категории «товаров» делает невозможным в отношении них применение общих правил гражданского оборота «товаров», т.е. введение такого рода нормы изменит «фон», при котором действуют другие нормы [2, р. 11].

Если признать, что согласованность норм есть основа отсутствия конфликта, а конфликт (коллизия) норм возникает, если к делу применимы две или более нормы, юридические последствия которых несовместимы, то введение новой нормы, уточняющей или ограничивающей категории и их применимость, позволяет достичь согласованности там, где прежде возникали коллизии. Соответственно, описательные правила, где введено большое количество «фраз», «предложений», никоим образом не способствуют устранению несогласованности, такая неясность может быть устранена добавлением новой нормы в систему права [2, р. 12].

Если перенести такой подход в контекст международного сотрудничества и международного права, где введение новой нормы отражается на применении других норм, один из способов решить проблему – это сделать исключение. Это далеко не редкость в международном праве: исключение делается, когда определенная норма по какой-либо причине не будет применяться в ситуациях с данным государством. Учитывая, что такая норма не подлежит применению – с позиций этого государства, эта норма не будет порождать юридических последствий в соответствующих ситуациях и обстоятельствах, и, следовательно, конфликта удастся избежать [2, р. 11].

С помощью введения новых норм, например в сфере международного права, уменьшается потенциал возникновения коллизий и конфликтов, препятствующих международному сотрудничеству. Из уроков онтологии правовых норм и их логики, таким образом, авторы приходят к выводу, что нарастание количества международно-правовых норм и фрагментация международного права, вызванные сохранением своего суверенитета государствами мира, не обязательно приводят к коллизиям и конфликтам. Важным в связи с этим, однако, является требование, чтобы присутствовала системность – в правилах, логике норм, их взаимодействии. Такой подход позволяет превратить хаотичный набор международно-

правовых норм в системный и функциональный комплекс [2, р. 17].

Список литературы

1. Kliemt H. The logical foundations of constitutional democracy between legal positivism and natural law theory // Public choice. – 2021. – 31 May. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11127-021-00888-9> (дата обращения: 21.10.2021).
2. Marcos H., Waltermann A., Hage J. From sovereignty to international cooperation: lessons from legal logic and social ontology. – 2021. – May 7. – (Maastricht Faculty of law working paper ; N 2021–1). – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3907957 (дата обращения: 21.10.2021).
3. Zhi Zhang. Intelligent extension of legal logic: challenge and direction // Beijing law review. – Beijing, 2020. – P. 759–769.

МАКБРАЙД М. НЕИЗБЕЖНОСТЬ ОЦЕНОЧНОГО ХАРАКТЕРА ТЕОРИИ ИНТЕРЕСА В СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВАХ. (Реф. ст.).

MCBRIDE M. The unavoidability of evaluation for interest theories of rights // Canadian journal of law & jurisprudence. – Cambridge, 2020. – Vol. 33, N 2. – P. 293–315. – (Article summary).

Ключевые слова: аналитическая юриспруденция; теория интереса; теория воли; субъективные права; тест Бентама; юридическая логика.

Keywords: analytical jurisprudence; theory of interest; theory of will; subjective rights; Bentham test; legal logic.

Для цитирования: Иванова А.П. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 188–193. Реф. ст.: Макбрайд М. [Mcbride M.] Неизбежность оценочного характера теории интереса в субъективных правах = The unavoidability of evaluation for interest theories of rights // Canadian journal of law & jurisprudence. – Cambridge, 2020. – Vol. 33, N 2. – P. 293–315. – (Article summary).

Дискуссии между сторонниками теории интереса и теории воли в субъективных правах велись на протяжении многих лет и ведутся до сих пор. Доцент юридического факультета Национального университета Сингапура М. Макбрайд рассуждает о перспективах и рисках теории интереса, а также неизбежности ее оценочного характера.

Как и многие другие дискуссии о проблемах в современной аналитической юриспруденции, дискуссии по поводу теории интереса восходят к работам Г. Харта. В работе «Существуют ли естественные права?» он пишет: «Понятия “право” и “получение выгоды от выполнения долга” не идентичны. X обещает Y в обмен на некоторую услугу, что он будет присматривать за старой матерью

У в его отсутствие. Из этого взаимодействия возникают права, но, безусловно, лицом, которому было высказано обещание, является У, а не его мать, которая *имеет* эти права или *владеет* ими» (с. 294).

В данной ситуации мать У является сторонним бенефициаром. Для Г. Харта, как для сторонника теории воли, в соответствии с которой функция прав заключается в защите контроля правообладателя над обязанностью, именно У, а не мать У, обладает правом в этом сценарии. У имеет, в то время как мать У не имеет, контроль над обязанностью Х.

По мнению Г. Харта, теория интереса, согласно которой права функционируют для защиты интересов правообладателя, не может объяснить наличие права у У и ложно утверждает, что мать У имеет право в этом сценарии. Само отождествление обладания правом и извлечения выгоды из исполнения обязанности представляется неправильным, поскольку тогда появится слишком много различных прав у различных лиц. Ввиду этого современные сторонники теории интереса отказались от идеи такого отождествления. М. Крамер, например, подчеркивает, что получение выгоды от исполнения обязанности является лишь необходимым, но недостаточным условием для обладания правом (с. 295). Однако вопрос о том, какие еще условия должны быть соблюдены для получения статуса обладания правом, остается открытым.

Для ответа на данный вопрос сторонники теории интереса начали применять тест Бентама, суть которого заключается в следующем:

«Если и только если хотя бы один минимально достаточный набор фактов [для установления нарушения договора или нормы права] включает в себя нанесение ущерба некоторым лицом Q от рук другого лица R, которое несет обязательства по договору или в соответствии с нормой права, Q имеет право – соответствующее этой обязанности – по контракту или в соответствии с нормой права.

Набор фактов минимально достаточен для того, чтобы составлять нарушение правового мандата, тогда и только тогда, когда (1) набора достаточно, чтобы составить такое нарушение, и (2) каждый элемент набора необходим для достаточности набора. Другими словами, минимально достаточный набор не содержит лишних элементов».

Для иллюстрации того, как применяется тест Бентама, возьмем следующий пример: X заключил договор с Y, согласно которому Y выплатит 100 долларов Z, а Z планирует потратить все свои недавно полученные деньги на некоторую мебель из магазина W. Тогда, согласно тесту Бентама, если Y нарушит обещание, данное X, интересы X будут нарушены. Предположим, этот факт является минимально достаточным для нарушения контракта, как и тот факт, что интерес Z в получении 100 долларов не будет удовлетворен. Вместе с тем, хотя невыполнение Y обещания заплатить Z (1) и отказ Z, как следствие, от покупок в магазине W (2), в совокупности является достаточным набором фактов для нарушения договора, он не является минимально достаточным, поскольку элемент набора в виде ущерба W явно избыточен. Таким образом, W, как третья сторона-бенефициар, терпящая ущерб в результате двух действий ((1) и (2)), легко теряет статус правообладателя благодаря тесту Бентама.

Рассмотрим более сложный случай, который описывает Г. Шривасан, критикуя тест Бентама: у Z есть бабушка, которая так же, как и X, заинтересована в выплате 100 долларов внуку. Почему X является правообладателем, а бабушка Z – нет?

Попытки разграничить X, Z и бабушку Z с некоторыми оговорками можно разделить на две категории: *оценочно нейтральные* (носят структурный или формальный характер) и *оценочно нагруженные*.

К оценочно нагруженным попыткам разграничения можно отнести разграничение в зависимости от типа интереса. При определении лиц, являющихся правообладателями, не учитываются лица, интересы которых «полностью соответствуют интересам других лиц». Однако это не значит, по мнению М. Крамера, что интересы правообладателей носят исключительно «эгоистичный» характер: «Интерес, лежащий в основе статуса R как правообладателя, который, конечно, может быть альтруистически ориентированным интересом, должен быть собственным интересом R, а не чьим-либо интересом» (с. 303).

К оценочно нейтральным можно отнести апелляцию к статусу бабушки Z (она не является стороной обещания, однако и Z не является стороной обещания и, соответственно, не может быть правообладателем), а также апелляцию к тому, что интерес бабуш-

ки Z недостаточно важен (с учетом того, что такая неважность определяется в терминах модального понятия необходимого/не необходимого условия для нарушения обещания).

Стоит отметить, что разграничение критериев на оценочно нейтральные и оценочно нагруженные носит весьма условный характер: в строгом смысле каждый из указанных критериев носит оценочный характер.

По мнению автора, оценочно нагруженный критерий разграничения X, Z и бабушки Z необходим для аргументированного обоснования того, почему X и Z являются правообладателями, а бабушка Z – нет. Теория интереса не будет жизнеспособной, если для разграничения будет использоваться лишь формальный механизм теста Бентама (с. 305).

Если применить к ситуации с X, Z и бабушкой Z тест Бентама, то получится, что ни X, ни бабушка Z не являются правообладателями, поскольку единственным минимально достаточным фактом для нарушения обязательства между X и Y является нарушение интересов Z (отказ в выплате Z 100 долларов).

Однако если подробнее рассмотреть цепочку причинно-следственных связей, можно выявить значительную асимметрию между позициями X и бабушки Z:

(а) Y не заплатил Z 100 долларов.

(б) Интересы бабушки Z как бабушки нарушены из-за того, что Y не заплатил Z.

(а) Y не заплатил Z 100 долларов.

(б*) Интересы X как кредитора нарушены из-за того, что Y не заплатил Z.

Поскольку кредитор X является обязательным и необходимым элементом в данных отношениях, можно сказать, что не только (б*) влечет за собой (а), но, более того, (а) влечет за собой (б*). То есть (б*) и (а) находятся в отношениях эквивалентности.

Вместе с тем, несмотря на то что (б) влечет за собой (а), нельзя сказать, что (а) безусловно влечет за собой (б), поскольку бабушка Z является не необходимым, а скорее случайным, и, следовательно, избыточным элементом данных отношений. Другими словами, у Z вообще могло бы не быть бабушки. Следовательно, (б) и (а) не находятся в отношениях эквивалентности.

Однако проблема заключается в том, что аналогичную линию рассуждений можно провести по отношению к X. X, как кредитор, может модально также выбыть из указанных отношений: гипотетически он может отказаться от своего права требования. Следовательно, интересы X не могут быть нарушены, поскольку обязательства у Y перед X перестают существовать после отказа последнего от своего права требования. Ввиду этого даже если Y не выплатит Z обещанные 100 долларов, интересы X не будут затронуты. В этом смысле отказ кредитора от права является деонтическим аналогом отсутствия у Z бабушки (с. 309).

Если рассмотреть данную ситуацию с иной стороны, не связывая факт нарушения договора с фактом нарушения интересов Z, результат получится аналогичным – и X, и бабушка Z являются правообладателями.

Общим в приведенных выше предложениях (б) и (б*) является то, что причиненный сторонам ущерб вычисляется путем определения ущерба, нанесенного Z. Неуплата денег Z минимально достаточна для нарушения обязательств. Поскольку любой ущерб, связанный с чем-то уже минимально достаточным, сам по себе не будет минимально достаточным, нарушение интересов X и бабушки Z не может в данном контексте рассматриваться в качестве минимально достаточного.

Поэтому следует определить ущерб X и бабушки Z вне связи с причинением ущерба Z. С точки зрения общей диалектики, все, что нужно для подтверждения статуса X в качестве правообладателя, – это один минимально достаточный набор фактов, в котором присутствует факт нарушения интересов X.

(a*) Интересы X как кредитора нарушены из-за неисполнения обещания, данного X Y.

На первый взгляд предложение (a*) вполне соответствует указанным критериям, поскольку не содержит привязки к ущербу Z. Однако для получения статуса X в качестве правообладателя вторая часть предложения (из-за ...) не должна быть минимально достаточной для нарушения. Иными словами, не должно быть следующего:

(a*) Интересы X как кредитора нарушены из-за (минимально достаточный факт).

Ввиду этого между сторонниками теории интересов встает непростой выбор. С одной стороны, если факт неисполнения обещания является минимально достаточным для нарушения, X теряет статус правообладателя. С другой стороны, если факт неисполнения обещания не является минимально достаточным для нарушения, а является лишь описанием некоего события, он может использоваться и для обоснования того, что бабушка Z также является правообладателем:

(a**) Интересы бабушки Z как бабушки нарушены из-за неисполнения обещания, данного X Y.

Таким образом, структурно разделить статусы X, Z и бабушки Z не представляется возможным. По мнению автора, для этого необходимо обратиться к оценочно нагруженным критериям, таким, как тип интереса каждого из участников отношений.

Безусловно, следует избегать оценочных признаков, где это возможно, поскольку такие признаки наносят удар по самой сути теории интереса. Более того, остаются сомнения по поводу того, будет ли эффективно работать оценочно нагруженный критерий в рамках теории интереса в субъективных правах. Все это лишь усиливает сомнения в работоспособности теории интереса.

А.П. Иванова

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова / отв. ред. Е.А. Суханов и А.Е. Шерстобитов ; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак., кафедра гражданского права. – Москва : Статут, 2021. –264 с. (Реф. кн.).

Ключевые слова: гражданское право; вещное право; недвижимое имущество; злоупотребление правом; публичный договор; абонентский договор; защита прав потребителей.

Problems of implementation and protection of civil rights : collection of articles on the 100 th anniversary of the birth of professor V.P. GRIBANOV / ed. E.A. Sukhanov and A.E. Sherstobitov; Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Legal Faculty, Department of Civil Law. – Moscow: Statute, 2021. – 264 p. (Ref. book).

Keywords: civil law; property law; immovable property; abuse of law; public contract; subscription contract; consumer protection.

Для цитирования: Крысанова Н.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки : Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 194–203. Реф. кн.: Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова / отв. ред. Е.А. Суханов и А.Е. Шерстобитов ; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак., кафедра гражданского права. – М. : Статут, 2021. – 264 с.

В обзоре нашли отражение публикации ведущих российских цивилистов – профессоров В.В. Витрянского, Е.А. Суханова, А.Е. Шерстобитова, С.В. Третьякова по теме защиты гражданских прав. В их статьях, опубликованных в сборнике «Проблемы осуществления и защиты гражданских прав», посвященном 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова, исследуются про-

блемы правового регулирования осуществления и защиты гражданских прав, решенные и не решенные в ходе реформы гражданского законодательства.

Отмечается, что существенные изменения были внесены в ст. 10 ГК РФ, устанавливающую пределы осуществления гражданских прав. В частности, в данной статье реализован новый подход к определению понятия «злоупотребление правом», которое может повлечь за собой отказ в судебной защите соответствующего права. Помимо известной формулы шиканы, которая и ранее предусматривалась п. 1 ст. 10 ГК РФ и определялась, как осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, понятием «злоупотребление правом» теперь также охватываются действия в обход закона с противоправной целью и иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Если злоупотребление правом повлекло за собой нарушение права другого лица, указанное лицо вправе требовать возмещения причиненных убытков (с. 14).

Вместе с тем, несмотря на то что и ранее согласно прежней редакции ст. 10 ГК РФ действовал запрет на злоупотребление правом, В.В. Витрянский признает, что нормы, содержащиеся в статье, трактовались в судебной практике чрезвычайно широко, причем речь идет как о самом понятии «злоупотребление правом», так и о законоположении о правовых последствиях нарушения запрета на злоупотребление правом. В прежней редакции статьи наряду с традиционной шиканой говорилось также о «злоупотреблении правом в иных формах». В судебной практике обнаруживались новые формы злоупотребления правом, а также расширение перечня возможных юридических последствий подобной квалификации спорных правоотношений. По мнению ученого, анализ предыдущего судебного опыта и новой редакции ст. 10 ГК РФ, согласно которой понятием «злоупотребление правом» охватывается не только шикана, но и действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, требует к себе весьма осторожного отношения (с. 19). Необходимо исключить возможность расширительного толкования закона, а также разработать критерии и признаки тех сделок и иных действий по осуществлению гражданских прав, которые могут быть квалифицированы в качестве действий в

обход закона с противоправной целью либо заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав. Данное заявление, полагает автор, в равной мере относится и к практике применения законоположений о правовых последствиях злоупотребления правом. Особенно это касается возможности применения так называемых мер, предусмотренных в п. 2 ст. 10 ГК РФ, а также возмещения убытков согласно п. 4 ст. 10 ГК РФ (с. 20).

Остановливаясь на анализе правовых норм о судебной защите гражданских прав (ст. 11–16 ГК РФ), В.В. Витрянский подчеркивает, что в ходе реформы гражданского законодательства формально не подверглись изменению, кроме расширения перечня способов защиты нарушенных прав за счет такого нового способа, как признание недействительным решения собрания (ст. 12 ГК РФ). С его точки зрения, высшей судебной инстанции следует скорректировать судебную практику, связанную с применением как общих положений о судебной защите гражданских прав, так и правил о некоторых отдельных способах защиты: неприменение судом актов государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону; самозащита; возмещение убытков. Ранее суды нередко отказывали в удовлетворении требований на том основании, что истцом неверно избран способ защиты нарушенного права, который по этой причине не в состоянии обеспечить восстановление нарушенного права.

Особое внимание автор уделяет такому способу защиты нарушенных прав, как возмещение убытков. Излагаются позиции Пленума Верховного суда РФ, направленные на формирование новой, более благоприятной для применения данного способа защиты и судебной практики. Во-первых, расширительное толкование нормы п. 5 ст. 393 ГК РФ, рассчитанного на применение в случаях рассмотрения судебных споров о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств. «Распространение действия данного законоположения и на другие случаи возмещения убытков, причиненных нарушением иных (помимо обязательственных) субъективных гражданских прав, представляется вполне оправданным и заслуживающим одобрения» (с. 23). Во-вторых, дается толкование правил, определяющих убытки в виде реального ущерба, которое позволяет обеспечить полное возмещение соответствующей части убытков. В-третьих,

обращено внимание на то обстоятельство, что при разрешении спора, связанного с возмещением убытков в виде упущенной выгоды, необходимо учитывать, что ее расчет, представляемый истцом, зачастую является приблизительным и носит вероятностный характер, что само по себе, однако, не может служить основанием для отказа в иске. В-четвертых, при предъявлении иска о возмещении убытков, причиненных в результате незаконных действий (бездействий) государственных органов непосредственно к государственному органу, само по себе не может служить основанием к отказу в удовлетворении такого иска. В подобных случаях суд должен привлечь в качестве ответчика по делу публично-правовое образование и одновременно определить, какой орган будет представлять его интересы в судебном процессе (с. 24).

Новый этап развития гражданско-правового законодательства начался в 2012 г. и продолжается в настоящее время, и это в значительной мере касается законодательства о защите прав потребителей. Как подчеркивает А.Е. Шерстобитов, осуществляются «масштабные шаги по практической реализации мер по реформированию кодификационного законодательства, а также модернизация норм Закона о защите прав потребителей. В первую очередь это касается изменений ст. 426 ГК РФ о публичном договоре и ст. 426.4, включенной в ГК РФ, о договоре с исполнением по требованию (абонентском договоре)» (с. 48). Уточненная конструкция публичного договора расширяет представление о лицах, профессионально действующих в сфере розничной торговли, перевозки транспортом общего пользования, услуг связи, энергоснабжения, медицинского, гостиничного обслуживания и т.д. Публичным договором теперь признается такой договор, который заключен лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, а не только коммерческой организацией. Кроме того, в публичном договоре цена товаров, работ или услуг должна быть одинаковой для потребителей соответствующей категории. А вот иные условия публичного договора теперь не могут устанавливаться исходя из преимуществ отдельных потребителей или оказания им предпочтения за исключением случаев, когда законом или иными правовыми актами допускается предоставление льгот отдельным категориям потребителей. Таким образом, новая формулировка публичного договора создает справедливый баланс

интересов экономически неравных участников гражданского оборота при соблюдении их формального юридического равенства (с. 49).

В связи с реформированием ГК РФ в части финансовых сделок А.Е. Шерстобитов анализирует особенности договора предоставления займа под проценты заемщику-гражданину в целях, не связанных с предпринимательской деятельностью. Прямой отказ законодателя в гл. 42 ГК РФ от правового регулирования отношений в сфере потребительского кредита в совокупности с указанием в Законе о потребительском кредите на то, что он основывается на положениях ГК РФ, в лучшем случае могут толковаться как соответствие его норм лишь общим принципам гражданского законодательства, изложенным в ст. 1 ГК РФ, считает автор. С таким подходом, по мнению автора, ни в коем случае нельзя согласиться, поскольку он находится в полном противоречии с ГК РФ (с. 51). А.Е. Шерстобитов считает, что модернизация ГК РФ в сфере правового регулирования займа и кредита, а также принятие Закона о потребительском кредите показывают, что принцип расширения прав, предоставляемых слабой стороне в кредитных правоотношениях, в том числе гражданам-потребителям, реализован непоследовательно, с нарушением правил, установленных как общими, так и специальными нормами ГК РФ, и не обеспечивает в полной мере баланс интересов граждан-потребителей во взаимоотношениях с экономически более сильными лицами, оказывающими им финансовые услуги (с. 52).

В гражданско-правовые отношения с потребителями на рынке вступают различные юридические лица и индивидуальные предприниматели (ИП). По смыслу Закона о защите прав потребителей к лицам, взаимодействующим с потребителями, относятся также уполномоченные организации (уполномоченные ИП), т.е. созданные на территории РФ изготовителем или продавцом, в том числе иностранными, или действующие на основании договора с ними лица, уполномоченные ими на принятие и удовлетворение требований потребителей в отношении товара ненадлежащего качества, а также импортеры, т.е. юридические лица независимо от их организационно-правовой формы или ИП, осуществляющие импорт товара для его последующей реализации на территории РФ. Поэтому в соответствии с ФЗ от 29 июля 2018 г. № 250-ФЗ

«О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» лицами, вступающими с потребителями в обязательственно-правовые отношения являются владельцы агрегатора информации о товарах (услугах), т.е. юридические лица независимо от организационно-правовой формы или индивидуальные предприниматели, которые являются либо владельцами программного обеспечения для ЭВМ и (или) владельцами сайта, либо страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, предоставляющими потребителю возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца о заключении договора, заключить с ним договор и произвести предварительную оплату товаров путем перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов.

В связи с этим владелец агрегатора должен предоставлять информацию потребителю о себе и продавце. В настоящее время ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие непредоставления ему информации, а также при предоставлении недостоверной или неполной информации о товаре или продавце, на основании которой потребителем был заключен договор купли-продажи, несет владелец агрегатора, если такую информацию должен был предоставить он. Однако данная норма закона является диспозитивной и позволяет предусмотреть иные правила соглашения между владельцем агрегатора и продавцом; иное может также вытекать из существа отношений между ними. В любом случае владелец агрегатора не несет ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие предоставления ему недостоверной или неполной информации о товаре, если он не вносит никаких изменений в информацию о товаре, предоставленную продавцом и содержащуюся в предложении о заключении договора купли-продажи (с. 54).

Современный гражданский оборот показывает, как отмечает Е.А. Суханов, что все более значимую роль играют различные вещно-правовые режимы, в том числе категория недвижимости (недвижимых вещей). Вместе с тем данная категория продолжает вызывать споры как теоретического, так и практического характера, прежде всего в силу сохраняющейся неясности самого законодательного определения этого понятия. Ключевое значение недвижимости связано с тем, что юридическая категория определяет

само существование вещных прав. В соответствии с учением германских пандектистов (основоположник А.Ф.Ю. Тибо) именно экономическая необходимость юридически прочной возможности использования чужих земельных участков (недвижимых вещей) и обусловила появление ограниченных вещных прав.

Вместе с тем, по мнению Е.А. Суханова, категория «недвижимость» как единое четкое понятие пока отсутствует, поскольку его формированию ни в коей мере не содействует непомерная избыточность законодательного перечня «объектов недвижимости по природе», содержание которого в действительности не опирается на какие-либо продуманные критерии и подходы, а следует «за непредсказуемыми “изгибами” административно-экономической мысли. Между тем проблема недвижимости, несомненно, является ключевой для полноценного развития вещного права – основы гражданского оборота» (с. 66).

На разрешение данной проблемы и направлен законопроект о вещном праве, в котором предлагается компромиссная позиция. С одной стороны, сохранить на ближайшее время, закрепленное действующим законодательством, широкое понятие «недвижимость по природе» (но с определенными немаловажными уточнениями), не допуская его кардинального пересмотра, влекущего существенную «перестройку» не только большого законодательного массива, но и основанной на нем правоприменительной практики. С другой стороны, не терять из виду перспективы и потребности развития нормального рыночного оборота, нуждающегося в ясных и продуманных «правилах игры» (с. 67). Поскольку существующий разрыв между правом собственности на земельный участок и правом собственности на находящееся на нем строение признается российским законодательством правилом, а не исключением. В то время как традиционные нормы вещного права – от понятия «недвижимость» до сервитутов и других ограниченных вещных прав – рассчитаны на взаимоотношения частных собственников земельных участков (недвижимых вещей) (с. 67).

Предлагаемая законопроектом о вещном праве новая редакция ст. 130 ГК РФ переходит на пандектное понимание недвижимости, считая ею только земельный участок, а расположенные на нем здания, сооружения и иные объекты рассматриваются лишь в качестве его составных частей. Вместе с тем, если здания и соору-

жения не принадлежат собственнику земельного участка, они по-прежнему признаются самостоятельными недвижимыми вещами и объектами гражданского оборота. При переходе права собственности на них к новому собственнику переходят те права на земельный участок, которыми обладал прежний собственник. Тем самым доводится до логического завершения известный отечественному праву «принцип единого объекта». Из этого следует, считает Е.А. Суханов, что по мере воссоединения права собственности на земельный участок и на расположенное на нем строение последнее теряет свои юридические качества самостоятельной вещи (объекта оборота), становясь составной частью другой (недвижимой) вещи – земельного участка (с. 67).

Однако в современном отечественном толковании принцип «единого объекта», по мнению ученого, снова получил содержание, прямо противоположное классическому, – в соответствии с ним не «строение следует за землей» (*superficies solo cedit*), а земля следует за строением (собственник или иной правообладатель строения либо приватизирует земельный участок, либо получает вещный титул на него). Иными словами, преимущественное положение имеет частный собственник (правообладатель) строения, а не публичный собственник земельного участка, который теряет при этом свойства самостоятельной вещи (объекта права) и становится «составной частью» этого «единого объекта». Это уже произошло с земельным участком под многоквартирным домом, ставшим в соответствии с ЖК РФ составной частью «общего имущества дома». Однако, надеется Е.А. Суханов, начавшееся развитие правового режима недвижимости в традиционном направлении в будущем неизбежно приведет к восстановлению классических (пандектных) подходов в этом вопросе.

Концепции субъективного (частного) права посвящена статья С.В. Третьякова, в которой рассматриваются общие положения концепции швейцарского цивилиста О. Бухера, предложившего одну из самых оригинальных теоретических моделей субъективного (частного) права в современной юридической доктрине. Однако эта теория не получила должной известности в отечественной юридической доктрине. Данная модель субъективного частного права разработана в русле формальных теорий, ориентированных на взгляды А. Тона и Г. Кельзена. Основу понимания О. Бухером

субъективного частного права составляет следующий ключевой тезис: рассматриваемая модель относится к формальным, т.е. к таким, которые стремятся обнаружить существо субъективного права в его юридико-технических особенностях, в его формальном своеобразии. Другими словами, субъективное право как понятие самостоятельно, поскольку оно представляет собой юридическую технику регулирования, отличную от объективного права. Субъективное право использует ситуации, в которых наступление или ненаступление правовых последствий зависит от воли (усмотрения) управомоченного. «Иными словами, субъективное право позволяет индивидуальной воле субъекта частного права создавать нормы права для иных лиц» (с. 73).

Интересной особенностью концепции О. Бухера является, по мнению С.В. Третьякова, специфическая трактовка субъективных (частных) прав, которые в германской цивилистике именуются правами господства. Очевидный пример прав господства – право собственности. Специфическое понимание О. Бухером права собственности и всех абсолютных прав состоит в том, что абсолютные права, с его точки зрения, представляют собой полномочие предъявлять притязание к обязанным лицам по воздержанию от нарушений права. Эта возможность притязания предполагается выраженной по умолчанию. Иными словами, право собственности отождествляется с абсолютным правоотношением, однако «субъективизация обязанности достигается не через связь с правом собственника на иск в случае нарушения, а с помощью презумпции предъявления собственником требования ко всем иным лицам не нарушать его право, независимо от того, имелось ли нарушение в действительности или нет» (с. 81). При этом право собственности лишено собственно позитивного содержания, поскольку дозволение, право на собственное поведение в отношении права собственности возникает у управомоченного как фактическое следствие запрета всем другим и отсутствие запрета собственнику.

О. Бухер разграничивает понятия осуществления и распоряжения субъективными (частными) правами. Осуществление субъективного права, по его мнению, представляет собой активное поведение управомоченного в рамках существующего субъективного права, в то время как распоряжение правами предполагает изменение прав и обязанностей, их возникновение или прекращение либо

перемену субъекта права. В качестве типичных примеров распорядительных действий называются прощение долга, отсрочка и рассрочка платежа, цессия. Распорядительные действия представляют собой сделки, а осуществление права – состояния. Распорядительные действия изменяют содержание (объем, субъекта) субъективного права, а осуществление права – уточняют объем и параметры юридической обязанности. Объектом распоряжения является само субъективное право, а объектом осуществления права – притязание (с. 82).

Анализ и других составляющих элементов теории О. Бухера позволяет С.В. Третьякову сделать следующий вывод: «Основная заслуга О. Бухера состоит в том, что предложенное им понимание субъективного (частного) права позволяет формализовать идущее от пандектики понимание субъективного права как “господство воли”, вписать его в рамки господствующей юридико-позитивистской парадигмы. Другими словами, ему удалось дать убедительное теоретическое описание тех случаев, в которых правопорядок предоставляет частным лицам свободу усмотрения относительно того, наступит определенный юридической эффект или нет. О. Бухер трактует эти случаи одновременно как делегацию частным лицам правотворческой компетенции и как проявление “господство воли” частных лиц» (с. 99).

Важнейшим теоретическим достижением О. Бухера, по мнению С.В. Третьякова, стало опровержение тезиса формальной теории, согласно которому принадлежащая управомоченному по субъективному праву (особенно в правах типа притязаний) возможность требовать исполнения должником своей обязанности не имеет юридического значения. О. Бухер продемонстрировал, что требование о необходимости исполнить обязанность обладает правоизменяющим эффектом, поскольку с его помощью окончательно определяются основные параметры юридической обязанности. Вместе с тем основной проблемой теории О. Бухера является резкое разграничение между осуществлением и распоряжением правами и отрицание распорядительного эффекта осуществления права (с. 100).

КРЫСАНОВА Н.В.¹ ИНСТИТУТ СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ПРАВООПОРЯДКАХ. (Обзор).

Аннотация. В обзоре рассматриваются вопросы правового регулирования примирительных процедур в России и за рубежом. Основное внимание уделяется институту судебного примирения, поскольку данный институт в первую очередь способствует мирному разрешению спора, возникшего между сторонами. Проводится сравнительный анализ особенностей правового регулирования использования судебного примирения в правовых семьях. Показаны законодательное регулирование и практика применения примирительных процедур в США.

Ключевые слова. Примирительные процедуры; судебное примирение; медиация; гражданский процесс; мировое соглашение.

KRYSANOVA N.V. Institute of judicial reconciliation in various legal systems. (Review).

Abstract. The review examines the issues of legal regulation of conciliation procedures in Russia and abroad. The main attention is paid to the institution of judicial reconciliation, since this institution, first of all, contributes to the peaceful resolution of the dispute that has arisen between the parties. A comparative analysis of the features of the legal regulation of the use of judicial reconciliation in legal families is carried out. Legislative regulation and practice of application of conciliation procedures in the USA are shown.

---

¹Крысанова Н.В., старший научный сотрудник отдела правоповедения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Keywords: Conciliation procedures; judicial reconciliation; mediation; civil procedure; settlement agreement.

Для цитирования: Крысанова Н.В. Институт судебного примирения в различных правовых порядках. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 204–212. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.13

Институт судебного примирения введен в российское процессуальное законодательство Федеральным законом от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который предусматривает положение о том, что стороны вправе урегулировать спор путем использования примирительной процедуры с участием судебного примирителя (судебное примирение).

Значимость института примирения, считает О.А. Мачучина, судья арбитражного суда Самарской области, заключается в том, что он не только помогает согласовывать интересы субъектов права, снижает уровень взаимных претензий сторон, агрессивность в социуме, но и способствует сохранению отношений, в которых заинтересованы как субъекты права, так и государство. Внедрение института примирения позволит, по ее мнению, значительно снизить нагрузку на судей и уменьшить расходование бюджетных средств. Примирение традиционно определяется учеными как разновидность юридической процедуры или только как разновидность юридического процесса. Автор придерживается позиции изучения института примирения в широких рамках процессуального права. При этом юридическая процедура рассматривается как самостоятельная категория, совокупность вторичных норм, регулирующих «простые» формы правоприменения. Наряду с данным пониманием юридической процедуры ее можно рассматривать и как инструментальный юридический процесс, позволяющий реализовать задачи в рамках сложных форм правоприменительной деятельности. По мнению В.Н. Протасова, правовая процедура должна рассматриваться как родовое понятие по отношению к понятию «юридический процесс» [2, с. 65].

Российское законодательство не дает общего понимания термина «примирительные процедуры», и, более того, каждая отрасль права вносит в содержание этого понятия свою специфику.

Несмотря на то что в законодательстве предпринимаются попытки определения отдельных видов примирительных процедур, например медиации, этого недостаточно для полноценного функционирования института примирения в России [2, с. 75]. Причем термин «примирительные процедуры» в рамках англосаксонской системы права также раскрывается через виды таких процедур с последующим закреплением видовых отличий.

В настоящее время обсуждается Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ, в основе которой лежит необходимость унификации гражданского и арбитражного процессуального законодательства, обеспечение доступного и справедливого правосудия, осуществляемого в разумные сроки с соблюдением процессуальных норм компетентными и независимыми судьями, гарантии исполнения судебных актов. Согласно данной концепции задачами суда являются, в частности, содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формирование обычаев и этики делового оборота. Соответственно выполнение данных задач напрямую связано с категорией примирения. При этом примирение возможно как на досудебном этапе через закрепление перечня категорий дел, по которым обязательно претензионное урегулирование спора, так и при разрешении спора судом через реализацию содействия примирения сторон на любом этапе правосудия.

Говоря о проблемах и перспективах развития института примирения в России, О.А. Мачучина анализирует причины низкой популярности института примирения [2, с. 101]. С точки зрения автора, они носят разноплановый характер, однако основной причиной является высокий уровень правового нигилизма и правовая неграмотность населения. Анализ причин неэффективности института примирения в процессуальном праве позволяет автору сформулировать следующие выводы: 1) примирение в рамках судебного производства, а также в рамках неюрисдикционного процесса в данный момент неэффективно; 2) повышение эффективности института примирения в судопроизводстве возможно только путем комплексного устранения причин, препятствующих развитию законодательной базы; 3) примирение в юрисдикционном процессе эффективно только посредством регламентированной процедуры; 4) развитие института примирения находится в зави-

симости от уровня правосознания, правовой культуры, менталитета и внутриличностных характеристик.

Сравнительно-правовой анализ применения института примирения в разных правовых семьях позволяет О.А. Мачучиной раскрыть их особенности. Так, институт примирения в романо-германской правовой семье имеет свои отличительные черты, которые состоят в следующем: 1) закрепление и регулирование на законодательном уровне применения форм реализации института примирения как с участием, так и без участия третьей, независимой и беспристрастной, стороны. То есть налицо формальность подхода, характерная для примирения в рамках юрисдикционного процесса. Однако применение непосредственных примирительных процедур в случаях частного юридического процесса позволяет говорить об отсутствии формы, установленной законом, они разрабатываются самими участниками процедур; 2) использование переговоров, посредничества, медиации и арбитража (третейское разбирательство) как основных форм реализации института примирения в гражданско-правовых отношениях; 3) отсутствие определенной и четкой системы форм примирения и понятийного аппарата (например, отождествление посредничества и медиации в Австрии); 4) ориентированность сторон скорее на состязательный процесс для разрешения спора, нежели сотрудничество и мирное урегулирование спора. С целью изменения такой тенденции в рамках некоторых споров законодательство ряда стран предусматривает обязательное обращение к примирению посредством претензионного порядка до обращения в суд (например, в России); 5) активное участие суда в урегулировании спора посредством использования различных форм реализации института примирения [2, с. 140].

Особенности института примирения в странах общего права проявляются в следующем. Во-первых, как правило, отсутствует специальное законодательство в отношении отдельных форм реализации рассматриваемого института (за исключением США); нормы, предусматривающие порядок разрешения уголовного-правового конфликта, содержатся в отдельных нормативных правовых актах, а не в уголовных или уголовно-процессуальных кодексах. Во-вторых, распространено досудебное разрешение спора, т.е. в приоритете институт примирения и его примирительные

формы. В-третьих, обнаруживается наличие различных видов примирительных процедур и появление новых процедур, использование как основных, так и комбинированных форм примирения в рамках одного дела, а также применение механизмов примирения в рамках восстановительного правосудия. В-четвертых, в силу приоритета разрешения конкретного спора, а не выработки единого подхода для сходных ситуаций (как и в праве континентально-правовой семьи) повышается престиж института примирения. В-пятых, примирительные процедуры в целях разрешения различных споров классифицируются в зависимости от групп общественных отношений (семейных, предпринимательских и др.) [2, с. 148–149].

Страны религиозно-традиционной правовой семьи подразделяются на две правовые группы: религиозная (европейское право, мусульманское право, индусское право) и традиционная (право стран Дальнего Востока, ряда стран Африки, Мадагаскара). Для каждой религии характерно свое отношение к таким категориям, как «должное» и «греховное» в поведении человека, поэтому практически каждая из стран данной правовой семьи обладает специфическими чертами, основанными на религиозных воззрениях.

Тема судебного примирения рассматривается также Е.В. Токаревой и А.М. Чупиной, которые относят его к процедуре, очень близкой к медиации, хотя и подчеркивают, что они не равны друг другу с точки зрения сущности и порядка проведения. Судебное примирение и медиация имеют своей целью урегулирование спора с помощью третьей (нейтральной) стороны, которая содействует сторонам в ведении переговоров и достижении соглашения по спору, не противопоставляя их позиции, а основываясь на выявлении их интересов. Специфика здесь может проявляться в фигуре судебного примирителя, статус его в настоящее время в интерпретации, предложенной законодателем, является достаточно спорной. Однако авторы положительно оценивают сделанную ставку отечественного законодателя именно на судей в отставке, опыт которых вызывает доверие граждан. Вследствие этого судебный примиритель оказывает большее статусное влияние на граждан в отличие от медиаторов. Причем список судебных примирителей формируется и утверждается Пленумом Верховного суда РФ [3, с. 193].

Рассматривая вопросы оплаты услуг судебного примирителя, Е.В. Токарева и А.М. Чупина раскрывают положения постановления Правительства РФ от 14 апреля 2020 г. № 504, где установлено, что труд судебных примирителей оплачивается за счет средств федерального бюджета. Как следует из данного постановления, оплата труда судебного примирителя осуществляется в виде вознаграждения в размере половины должностного оклада судьи, рассматривающего дело, пропорционально числу дней участия судебного примирителя в процедуре судебного примирения. За работу в местностях с тяжелыми климатическими условиями предусматриваются надбавки. При проведении нескольких процедур в один день примирителю по твердому тарифу оплатят каждую из них [3, с. 194].

Дата издания указанного выше постановления Правительства РФ позволяет авторам сделать вывод о том, что столь оптимистичные прогнозы относительно оплаты труда судебных примирителей были сформулированы еще до начала распространения COVID-19 и тех тяжелых экономических последствий, которые она повлекла. Пленарное заседание Совета судей в декабре 2020 г., решая в числе прочих вопросы, связанные с финансированием судебной системы, вынесло решение не индексировать зарплаты судей в 2021 г. Очевидно, что в сложившейся ситуации государству невыгодно оплачивать услуги примирителя, действующего в интересах двух или нескольких спорящих лиц, преследующих свои частные интересы. И, как считают авторы, необходимо пересмотреть механизм оплаты услуг судебного примирителя, поставив ее (оплату) в зависимость от достигнутого результата судебного примирения, без возможности оплаты фактического труда судебных примирителей при отсутствии результата примирительной процедуры.

Закрепление в действующем процессуальном законодательстве процедуры судебного примирения, считают Е.В. Токарева и А.М. Чупина, имеет большой практический потенциал, реализация которого возможна, с одной стороны, в привлечении для разрешения спора профессиональных судей в отставке, обладающих большим доверием со стороны граждан, а с другой стороны, в активной политике государства, направленной на внедрение данного процессуального института в правовую жизнь общества [3, с. 195].

Тема альтернативного разрешения споров в настоящее время является модной в России. И причины такой популярности состоят, как считает Д.В. Князев, заведующий кафедрой гражданского процессуального права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск), в том, что нагрузка на судебную систему растет из года в год, поэтому государство стремится к ее снижению и в качестве одного из средств предлагается новый институт судебного примирения [1, с. 8]. Подобное происходило в США во второй половине XX в., когда резко увеличилось количество судебных дел, выросли судебные расходы, которые приходилось нести сторонам судебного спора. На федеральном уровне было принято огромное количество правовых актов, предусматривавших средства защиты прав граждан, что способствовало усилению активности судей на подготовительной стадии судопроизводства. В связи с этим Д.В. Князев рассматривает трансформацию роли судей в США на подготовительной стадии процесса. При этом отмечает, что формы участия судей США в урегулировании споров чрезвычайно многообразны – начиная от рекомендации обратиться к посреднику (медиатору) и заканчивая участием в посреднической процедуре лично назначенного судьи, который впоследствии будет рассматривать дело по существу в случае неудачи примирения [1, с. 87].

Под функциями суда в примирении сторон понимаются в США любые действия суда, совершаемые им в целях окончания правового спора путем заключения сторонами соглашения. Все функции судей в рамках задачи по урегулированию спора подразделяются на две группы: 1) функции, связанные с администрированием (менеджментом) процесса урегулирования, и 2) функция непосредственного участия судьи в процедуре примирения сторон [1, с. 112]. Способы назначения примирительных процедур, которые используют федеральные суды в зависимости от возможностей сторон влиять на назначение процедуры, или «степени добровольности» назначения сводятся к трем моделям: 1) добровольной (суд назначает процедуру по ходатайству сторон или по собственной инициативе, но с обязательным учетом мнения сторон или с их согласия); 2) обязательной – с возможностью исключения (суд назначает по делу процедуру по инициативе сторон или по собственной инициативе, при этом стороны вправе заявить возраже-

ния относительно такого назначения); 3) обязательной (суд вправе в итоге обсуждения со сторонами назначить процедуру независимо от мнения сторон или учет их мнения не предусмотрен).

К функциям по сопровождению уже начатых процедур в США относятся: разрешение вопросов, связанных с отводом посредника; оценка поведения сторон в примирительных процедурах и привлечение их к ответственности; установление срока проведения процедуры; обеспечение исполнения неисполненного соглашения. При этом, подчеркивает Д.В. Князев, функция оценки поведения сторон в примирительных процедурах имеет особое значение. Ведь в случае обязательности медиации суд вынужден оценивать действия участников спора до и (или) в ходе медиативной процедуры. Выработка единых критериев надлежащего исполнения обязанностей сторон по участию в примирительной процедуре, подчеркивает автор, очень непростая задача. В США требование о добросовестном участии в медиации закреплено в законодательстве и в локальных правилах судов. Такое требование призвано стимулировать стороны надлежаще относиться к медиации, а также исключить злоупотребления в ходе процедуры. Однако легального определения добросовестности не существует, оно не устоялось ни на уровне прецедентов, нет и единого мнения в доктрине. В связи с этим, по мнению большинства американских правоведов, «требование о добросовестном участии лишь вредит медиативной процедуре: искажаются взаимоотношения между ее участниками, усиливается состязательное начало, что противоречит природе медиации; наблюдается неявное принуждение сторон к заключению соглашения; появляется возможность для возникновения дополнительного судебного разбирательства – об ответственности за ненадлежащее поведение в ходе медиации; происходит размывание роли медиатора в связи с необходимостью оценивать действия сторон; неизбежен конфликт с принципом конфиденциальности процедуры» [1, с. 202].

Анализируя функцию непосредственного участия судей в урегулировании споров, Д.В. Князев отмечает, что в американской литературе данная функция оценивается положительно, и к достоинствам этого института относятся следующие: репутация судей, их моральный авторитет; высокая квалификация судей; участие судьбы позволяет «уровнять» стороны; результат урегулирования с

участием судьи качественно отличается в лучшую сторону, так как соглашение, заключенное при содействии судьи, в большей степени основано на нормах права, чем без такого вмешательства [1, с. 203].

Вместе с тем участие в процедуре урегулирования спора назначенного судьи (который в дальнейшем будет рассматривать дело по существу) вызывает множество вопросов. Во-первых, формирование у судьи предубеждения в отношении дела, поскольку назначенный судья составляет свое мнение относительно позиций сторон во время неформальной беседы, что формирует у него предубеждение, которое влияет на беспристрастность. Во-вторых, посредническая процедура требует от сторон обмена информацией, и поэтому стороны обоснованно опасаются, что сведения, которые они раскроют в ходе урегулирования, «испортят» последующее судебное разбирательство, если процедура примирения окажется безуспешной. В связи с этим стороны не могут быть откровенны с назначенным судьей. В-третьих, основной аргумент против привлечения назначенного судьи состоит в явном или скрытом принуждении сторон к заключению соглашения. Судья, решивший урегулировать дело, обладает полномочиями для принуждения к соглашению. «Соблазн судьи надавить на стороны с целью принуждения к соглашению слишком велик, кроме того, выявить такое давление тяжело в связи с тем, что действие происходит «за закрытыми дверями» [1, с. 183–184].

Список литературы

1. Князев Д.В. Судебное примирение в гражданском процессе США. – Москва : Городец, 2021. – 224 с.
2. Мачучина О.А. Институт примирения: теоретико-правовые основы. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 176 с.
3. Токарева Е.В., Чупина А.М. Судебное примирение в цивилистическом процессе: тенденции и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 1 А. – С. 189–198.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС. КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343

DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.14

АЛФЕРОВА Е.В.¹ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ТЕОРИЯ, ЗАКОН, ПРАКТИКА : монография / В.К. Андрианов, Н.В. Генрих, Д.А. Дорогин, Ю.Е. Пудовочкин, А. А Толкаченко ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю.Е. Пудовочкина. – Москва : РГУП, 2021. – 437 с.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности; уголовное право; уголовный процесс; криминология; судебная практика.

Alferova E.V. Book review: Exemption from criminal liability : Theory, law, practice : monograph / V.K. Andrianov, N.V. Henrikh D.A. Dorogin, Yu.E. Pudovochkin, A.A. Tolkachenko; ed. by doctor of law, prof. Yu.E. Pudovochkin. – M. : Russian State University of Justice, 2021. – 437 p.

Keywords: exemption from criminal liability; criminal law; criminal procedure; criminology; judicial practice.

Для цитирования: Алферова Е.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 213–224. Рец. на книгу: Освобождение от уголовной ответственности : теория, закон, практика : монография / В.К. Андрианов, Н.В. Генрих, Д.А. Дорогин, Ю.Е. Пудовочкин,

---

¹ Алферова Е.В., ведущий научный сотрудник, зав. отделом правопведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

А.А. Толкаченко ; под ред. д-ра юрид наук, проф. Ю.Е. Пудовочкина. – Москва : РГУП, 2021. – 437 с. DOI: 10.31249/rgrpravo/2022.02.14

Одним из конституционных правомочий государства в сфере противодействия преступлениям выступает возможность отказать-ся от уголовного преследования лица, совершившего преступле-ние, при наличии на то законных оснований. Это правомочие ре-гламентируется комплексным институтом освобождения от уголовной ответственности, предусмотренным Общей частью УК РФ, а также УПК РФ, регулирующим процессуальный порядок освобождения от уголовной ответственности.

В последнее десятилетие масштабы освобождения от уго-ловной ответственности, согласно официальным статистическим данным, стали внушительными: количество прекращенных судами уголовных дел по нереабилитирующим основаниям составляет порядка 200 тыс. дел ежегодно¹, т.е. рассмотрение каждого четвер-того-пятого уголовного дела преимущественно о преступлениях небольшой и средней тяжести завершается принятием процессу-ального решения об освобождении от уголовной ответственности.

Несмотря на степень изученности данной темы, авторы ре-цензируемой книги – известные российские ученые – специалисты в области уголовно-правовых наук, признают, что в рассматривае-мой области есть существенные пробелы, к восполнению которых призвана их работа. Эти пробелы касаются теоретических основ института освобождения от уголовной ответственности, консти-туционных принципов и правил формирования и применения этого института, механизма реализации уголовно-правовых норм об освобождении от ответственности в контексте учения о юридиче-ских фактах и регулировании уголовно-правовых отношений. В поле зрения авторов монографии целый комплекс взаимосвя-занных проблем социально-криминологической обусловленности и эффективности института освобождения от ответственности, ко-торые рассматриваются в контексте достижения задач уголовного

---

¹ См. форму № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» статистического наблюдения Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 17.02.2021).

права и совершенствования процессуальных форм освобождения от ответственности.

Данная монография привлекает внимание глубиной теоретического исследования и системным анализом норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регулирующих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности, а также практики их применения. Монография содержит важные для развития уголовно-правовых дисциплин исследования, как то:

- критический анализ доктринальных подходов к пониманию правовой природы и сущности института освобождения от уголовной ответственности;

- характеристику закономерностей формирования и функционирования института освобождения от уголовной ответственности;

- анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ, раскрывающих конституционные начала и принципы освобождения от уголовной ответственности;

- теоретическое обоснование содержания оснований освобождения от уголовной ответственности в контексте учения о юридических фактах уголовного права;

- значительный эмпирический материал, отражающий практику судебного толкования оснований и условий освобождения от уголовной ответственности и применения соответствующих норм уголовного закона;

- анализ подходов к разрешению конкуренции между различными основаниями освобождения от уголовной ответственности;

- выводы, отражающие результаты системного анализа норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регулирующих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности;

- оптимальный процессуальный алгоритм принятия судебного решения по вопросу об освобождении от уголовной ответственности с учетом стадий уголовного процесса и инстанционности судебного разбирательства;

- новые оригинальные предложения, направленные на совершенствование материально-правовых оснований и процессуального порядка освобождения от уголовной ответственности, а также обоснованные предложения перспектив снижения судебной

нагрузки по уголовным делам посредством оптимизации практики освобождения от уголовной ответственности;

– анализ криминологических моделей освобождения от уголовной ответственности и аргументов в пользу социальной эффективности данного института.

Важное теоретическое и практическое значение имеет принятое в работе деление видов освобождения от уголовной ответственности: на *условные* (ст. 76.2, 90 УК РФ) и *безусловные* (ст. 75, 76, 78, ч. 2 ст. 84 УК РФ); *императивные* (когда освобождение от уголовной ответственности составляет обязанность правоприменителя, например, согласно ст. 76.1., 78 УК РФ) и *дискреционные* (при которых суд имеет право, но не обязан освободить от уголовной ответственности, например, в соответствии со ст. 75, 76 УК РФ); *субъективные* (зависящие от поведения лица, например, ст. 75, 76 УК РФ) и *объективные* (не зависящие от поведения лица, например, ст. 78 УК РФ); *общие* (предусмотренные Общей частью УК РФ) и *специальные* виды освобождения от уголовной ответственности (указанные в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ) (с. 11).

Для понимания сущности изучаемого института авторы сосредоточивают внимание на трех группах закономерностей. Речь идет о закономерностях: 1) социально-политического генезиса института освобождения от уголовной ответственности (здесь прослеживается влияние объективных закономерностей развития общества и государства на формирование и содержание рассматриваемого института); 2) специально-юридического генезиса данного института, тенденциях развития уголовно-правовых положений об освобождении от уголовной ответственности в системе уголовного права; 3) функционирования института освобождения от уголовной ответственности и его применении как инструмента «сдержек и противовесов» избыточной криминализации и пенализации.

Выявленные учеными закономерности позволяют понять природу института освобождения от уголовной ответственности, его развитие, функционирование и проявление в реальной жизни. Так, по мнению авторов, закономерности социально-политического генезиса института освобождения от уголовной ответственности проявляются, во-первых, в применении метода «кнути и пряника», позволяющего повысить эффективность социального

управления в зависимости от наиболее рационального совмещения различных способов воздействия: поощрения и наказания. Во-вторых, в сочетании императивного и диспозитивного регулирования – от их дифференциации до интеграции. Законодатель при отборе обстоятельств, с которыми уголовный закон связывает освобождение от уголовной ответственности, и придании им соответствующего значения исходит из двух социальных закономерностей: «*искупления вины*» (чем активнее устранение зла, тем больше оснований для прощения) и «*запоздалой кары*» (чем отдаленнее момент кары от момента содеянного, тем меньше от нее пользы). Первый аспект вытекает из опасности совершенного преступления, т.е. отражает ретроспективную общественную опасность личности. Второй – связан с общественной опасностью личности в будущем, т.е. показывает перспективную опасность лица (с. 14).

В качестве закономерных тенденций развития уголовно-правовых норм об освобождении от уголовной ответственности рассматриваются следующие: 1) выделение в отдельную главу норм об освобождении от уголовной ответственности. С принятием УК РФ 1996 г. впервые такого рода нормы сведены в самостоятельную главу (гл. 11); 2) расширение общих видов освобождения от уголовной ответственности (УК РФ в 2011 и 2016 гг., соответственно, дополнен ст. 76.1 и 76.2); 3) значительное расширение перечня специальных случаев освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ. Количество таких специальных случаев возросло 46 (УК РФ в ред. от 17.02.2021) (с. 22).

Важно подчеркнуть, что обобщение изменений, внесенных в УК РФ за период его действия с 1996 г., предпринятое в данной монографии, показывает устойчивую тенденцию значительного преобладания криминализационных процессов относительно декриминализационных в практике законотворчества. Примеры этого авторы находят во множестве глав Особенной части УК РФ.

Вместе с тем криминализационный настрой законодателя, как показывает изучение статистических данных, проведенное авторами, компенсируется относительно мягким подходом судов к разрешению уголовно-правовых конфликтов: в 2019 г. – условное осуждение к лишению свободы было назначено 157 511 лицам, что говорит о достаточно высокой доле применения условного осуж-

дения; условное осуждение к иным мерам – 11 976; назначения судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера – 52 460 человек, условно-досрочным освобождением от наказания – 45 387 осужденных¹. В целом анализ показывает, что количество актов практической депенализации в 2019 г. затронуло свыше 300 тыс. лиц. Эта тенденция прослеживалась и в 2020 г. То есть *срабатывает определенный компенсаторный механизм, ослабляющий и ограничивающий масштабы нормативно предписанной уголовной репрессии за счет расширения практики применения различных оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания*. По мнению авторов, он вызван дефектами современной уголовной политики и объективной потребностью в их преодолении (с. 25). И с этим трудно не согласиться.

Значительное внимание в монографии уделено *криминологической характеристике освобождения от уголовной ответственности*. В многочисленных таблицах и сопровождающем их комментарии показана динамика численности лиц, освобожденных от уголовной ответственности с 2015 по 2019 г. Эта картина позволяет ученым сделать несколько интересных выводов уголовно-политического и криминологического свойства:

1) в условиях имевшегося «дефицита» наказаний, не связанных с лишением свободы, и законодательного запрета на освобождение от ответственности за совершение преступлений средней тяжести, условное осуждение было единственной доступной для суда мерой уголовно-правового воздействия на таких лиц;

2) принципиальная неизменяемость удельного веса освобожденных от ответственности свидетельствует о наличии особой, социально-криминологической «базы» применения данного института, которая на протяжении последних лет глобально не изменяется;

4) есть основания экстраполировать текущее состояние судебной практики на ближайшую перспективу и не ожидать ни существенного роста объемов освобождения от уголовной ответственности за счет сокращения объемов применения условного

---

¹ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 г. – URL: <https://cdep.sudrf.ru>. (дата обращения: 01.02.2021)

осуждения, ни его сокращения за счет расширения случаев применения наказаний, не связанных с лишением свободы.

5) стабильность социально-криминологических оснований освобождения от уголовной ответственности приводит к тому, что расширение масштабов применения данного института не происходит даже при увеличении числа оснований освобождения от ответственности в законе.

И на этом авторы не останавливаются, а переходят к анализу структурной характеристики освобождения от уголовной ответственности, который позволил им выявить две новые тенденции:

1) с 2017 г. наблюдается существенный (в три раза) рост удельного веса лиц, освобожденных от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, на основании специальных примечаний к статьям Особенной части УК РФ. Объяснением этого факта может служить активная законодательная деятельность по корректировке соответствующих примечаний и дополнению уголовного закона нормами, которые их содержат. В частности, в той или иной степени новыми (обновленными), по мнению авторов, следует считать: с 2016 г. – примечания к ст. 159, 184, 233.3, 204, 204.1, 204.2, 205.3, 205.6, 282.1, 282.2, 282.3, 291, 291.1, 291.2 УК РФ; с 2017 г. – примечания к ст. 110.2, 199.1, 199.3, 199.4 УК РФ.

2) с 2017 г. начинается заметное сокращение удельного веса лиц, освобожденных от ответственности в связи с примирением с потерпевшим (в 2017 г. на 13% по сравнению с 2016 г., в 2018 г. на 7% по сравнению с 2017 г.). Такой феномен достоверно объясняется активацией положений уголовного закона об освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, применение которых не только полностью компенсирует отмеченное сокращение, но и позволяет утверждать, что в судебной практике обозначена отчетливая тенденция роста объемов применения ст. 76.2 УК РФ за счет сокращения применения положений ст. 76 УК РФ.

Таким образом, динамика и структурные особенности освобождения от уголовной ответственности убедительно свидетельствуют, что, во-первых, за последние пять лет произошли синхронные сдвиги показателей удельного веса освобожденных от ответственности в связи с назначением судебного штрафа и по иным основаниям, во-вторых, как пессимистически замечают уче-

ные, возможности гуманизации уголовной политики и права посредством института освобождения от уголовной ответственности в принципе исчерпаны (с. 30).

Основной массив ситуаций освобождения от уголовной ответственности авторы «раскладывают» в три базовых типа:

1) совершение преступлений средней или небольшой тяжести, которые причиняют конкретный, подлежащий стоимостному исчислению имущественный или физический вред конкретному потерпевшему – частному лицу (как правило, кражи, побои и причинение вреда здоровью), компенсация и заглаживание этого вреда в процессе примирения с потерпевшим и освобождение от ответственности на основании ст. 76 УК РФ;

2) совершение преступлений средней или небольшой тяжести, которые причиняют подлежащий стоимостному выражению имущественный вред, либо дополнительно причиняют вред объектам, выходящим за пределы частных интересов потерпевшего, либо причиняют подлежащий стоимостному выражению вред экологического, управленческого и т.д. характера, заглаживание такого вреда и освобождение от ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ. Это же основание выступает «резервным» для ситуаций, когда лицу, совершившему преступление, не удастся примириться с потерпевшим, но интересы обеспечения адекватности правовых последствий преступления опасности этого преступления исключают возможность применения уголовного наказания;

3) совершение преступлений небольшой или средней тяжести, которые причиняют не подлежащий стоимостному выражению вред интересам общественной безопасности, здоровья населения, управления, раскаяние в содеянном, оказание помощи в раскрытии и расследовании преступления и освобождение от ответственности на основании ст. 75 УК РФ или специальных примечаний к статьям Особенной части УК РФ (с. 42–43).

При этом констатируется, что социально-криминологическим основанием института освобождения от уголовной ответственности выступает адекватное восстановление нарушенных преступлением интересов личности, общества, государства посредством самостоятельных и активных действий лица, совершившего это преступление, в результате чего применение мер уголовной ответственности становится избыточным.

Следует подчеркнуть, что правильному применению института освобождения от уголовной ответственности призвано способствовать адекватное понимание сущности и содержания юридических фактов, лежащих в его основе, которые раскрыты в работе на основе анализа современной судебной практики и прежде всего правовых позиций Верховного Суда РФ.

В рамках общей характеристики юридических фактов, с которыми уголовный закон связывает освобождение от уголовной ответственности, в монографии рассмотрены, в частности, вопросы: о соотношении юридических условий и фактов как предпосылок для освобождения; о понятии лица, впервые совершившего преступление; об освобождении от уголовной ответственности в случае совершения неоконченного преступления и преступления в соучастии; о разновидностях юридических фактов, служащих основаниями для освобождения; об объеме позитивного посткриминального поведения, необходимого для освобождения; о роли иных социальных обстоятельств при принятии соответствующего решения; о конкуренции между основаниями освобождения от уголовной ответственности.

При изучении специальной уголовно-правовой характеристики юридических фактов проанализированы конкретные виды позитивного посткриминального поведения (явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления, возмещение ущерба и заглаживание вреда, примирение с потерпевшим) и юридических событий (истечение срока давности уголовного преследования и несовершеннолетний возраст), предусмотренных нормами об освобождении от уголовной ответственности, при этом предлагается ряд конкретных рекомендаций по уголовно-правовой оценке данных фактических обстоятельств.

Важным вкладом авторов в изучение проблем и пробелов в регулировании института освобождения от уголовной ответственности является анализ типичных ошибок, которые допускаются в судебном решении вопроса об освобождении от ответственности. В целях их минимизации авторы монографии обращают внимание судов на следующие обстоятельства: обязанностью суда является разъяснение участникам уголовного процесса прав, связанных с возможностью прекращения уголовного дела; освобождение от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям

возможно только с согласия обвиняемого; необходима развернутая мотивировка применения или неприменения оснований освобождения от уголовной ответственности; при наличии всех предусмотренных в законе оснований для освобождения от ответственности решение суда не может быть произвольным; освобождение от уголовной ответственности возможно лишь при достоверном установлении всех фактических обстоятельств совершения преступления и при наличии в содеянном всех признаков состава преступления; формального наличия предусмотренных законом условий недостаточно для освобождения от уголовной ответственности; основания освобождения от уголовной ответственности могут конкурировать друг с другом.

Отмечается, что в последнее время оправданно расширились процессуальные формы освобождения от уголовной ответственности и судебного контроля за законностью прекращения уголовных дел в досудебных стадиях уголовного процесса. В досудебной стадии производства по уголовному делу возможно применение материально-правовых оснований освобождения от ответственности как общих, предусмотренных в Общей части УК РФ, так и специальных, содержащихся в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ.

Действующие уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы, рассматриваемые как регуляторы освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела, нуждаются в большей взаимосвязи, содержательной и терминологической полноте и унификации. Однако расширение института освобождения от уголовной ответственности на досудебных стадиях, по мнению исследователей, невозможно без соответствующих законодательных корректировок и новаций в УПК РФ. В связи с чем авторы предлагают:

– в процессуальных нормах о правах обвиняемого, потерпевшего (ст. 47, 42 УПК РФ) специально закрепить их право ходатайствовать о прекращении уголовного дела;

– в нормах о предъявлении обвинения и об ознакомлении с материалами уголовного дела (ст. 172, 175, 217 УПК РФ) предусмотреть обязанность стороне обвинения разъяснять обвиняемому, потерпевшему их право ходатайствовать о прекращении уголовного дела при наличии к тому фактических и правовых оснований;

– восстановить в УПК РФ права прокурора на освобождение от уголовной ответственности и прекращение уголовного дела в ходе следствия и его завершения (в ст. 37, 221 и др. УПК РФ);

– расширить основания освобождения от ответственности, в частности, вернуть освобождению в связи с изменением обстановки статус основания освобождения от уголовной ответственности и признание таковым основанием примечания 1 к ст. 134 УК РФ и др.

Доктринальное осмысление института освобождения от уголовной ответственности, предпринятое авторами данной монографии, завершается концептуальными тезисами:

– освобождение от уголовной ответственности не должно восприниматься исключительно как прерогатива суда, напротив, баланс интересов поддержания правопорядка и процессуальной экономии требует более широкого использования института освобождения от уголовной ответственности на досудебных стадиях уголовного процесса;

– теоретически оправдано и практически целесообразно развивать два варианта досудебного решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности – посредством традиционного института прекращения уголовного дела (преследования) и за счет адаптации для этих целей возможностей института отказа в возбуждении уголовного дела;

– важно активизировать предупредительный и гуманистический потенциал уголовного закона за счет более широкого внедрения конструкций условного освобождения от уголовной ответственности наряду с существующим порядком безусловного освобождения;

– следует признать недопустимым априорный запрет на повторное освобождение от ответственности лиц, к которым ранее была применена данная мера;

– обеспечить оптимальное соотношение диспозитивного и императивного порядка освобождения от уголовной ответственности, в частности, за счет установления обязанности освободить лицо от ответственности в случае примирения с потерпевшим по делам о преступлениях, которыми причиняется вред исключительно его частным интересам, а также в случае, когда возмещение вреда со стороны лица, совершившего преступление, полностью нивелирует общественную опасность содеянного;

– теоретически допустимая дифференциация оснований и условий освобождения от ответственности в зависимости от вида совершенного преступления должна строиться на разумной основе, с соблюдением принципа равенства граждан перед законом и основных требований юридической техники.

Данная монография имеет большое практическое значение для законодателя в целях дальнейшего совершенствования института освобождения от уголовной ответственности, судей, прокуроров и следователей. Она может быть рекомендована преподавателям и студентам высших юридических учебных учреждений для углубленного изучения темы уголовной ответственности и освобождения от нее, ученым – специалистам в области уголовного права и процесса.

ДЭВИС Дж., ЛОРД Н. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ : СПРАВОЧНИК ПО ПИЩЕВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ : АМОРАЛЬНЫЕ И НЕЗАКОННЫЕ ПРАКТИКИ В ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ЧТО С НИМИ ДЕЛАТЬ / под ред. Э. Грей и Р. Хинча. (Реф.)

DAVIES J., LORD N. [Book review] // Criminal law and criminal justice book. – 2020. – Book review: A handbook of food crime : immoral and illegal practices in the food industry and what to do about them / ed. A. Gray and R. Hinch. – Bristol, UK : Policy Press, 2018. – 384 p. – URL: <https://clcjbooks.rutgers.edu/books/a-handbook-of-food-crime-immoral-and-illegal-practices-in-the-food-industry-and-what-to-do-about-them/> (дата обращения: 12.02.2022).

Ключевые слова: криминология; пищевая преступность; продовольственные преступления; «зеленое питание»; здоровье человека: вред здоровью.

Для цитирования: Алферов О.Л. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 225–230. Реф. рец.: Дэвис Дж. [Davies J.], Лорд Н. [Lord N.] [Book review] // Criminal law and criminal justice book. – 2020. – Рец. на кн.: Справочник по пищевой преступности : аморальные и незаконные практики в пищевой промышленности и что с ними делать = A handbook of food crime : immoral and illegal practices in the food industry and what to do about them / под ред. Э. Грей [A. Gray] и Р. Хинча [R. Hinch]. – Bristol, UK : Policy Press, 2018. – 384 p. – URL: <https://clcjbooks.rutgers.edu/books/a-handbook-of-food-crime-immoral-and-illegal-practices-in-the-food-industry-and-what-to-do-about-them/> (дата обращения: 12.02.2022). (Abstract).

Как отмечают рецензенты – доктор Джон Дэвис, научный сотрудник юридического факультета Тель-Авивского университета, и доктор Николас Лорд, специалист по криминологии, юриди-

ческий факультет Манчестерского университета, научный и политический интерес к концепции «продовольственных преступлений» начал набирать обороты в последние годы, поскольку крупные дела, такие, как скандалы с кониной и фипронилом в Европе, повлияли на целостность и устойчивость глобальной продовольственной системы. Эти изменения сказались и на доверии потребителей к продуктам питания, которые привлекли внимание к целому ряду преступных, незаконных и аморальных практик в пищевой промышленности. Авторы *Справочника по пищевой преступности* рассматривают современные проблемы, происходящие в этой области, в том числе проблемы множественного вреда, связанного с практикой и способами функционирования пищевой промышленности, а также описывают «проблематичные условия, при которых питание сказывается на здоровье и благополучии человека, животных и окружающей среды» (р. 7).

Книга в целом, за исключением нескольких комментариев и статей, содержит не так уж много «криминологии» как таковой. Предпочтение имеет анализ пищевых преступлений и тех видов поведения, которые определяются как преступные, а также способов поведения, которые включают «незаконные, преступные, вредные, несправедливые, неэтичные или аморальные вопросы, связанные с пищей». Спорная и противоречивая природа этих правонарушений делает их социологически интересными. Это обусловлено тем, что существует множество прямого и косвенного вреда, связанного с производством, распределением и потреблением продуктов питания, которые могут быть или не быть формально преступным, но которые негативно влияют на большие группы населения, например, проявляются в ожирении людей (гл. 7) или отравлении сальмонеллой (гл. 11) и др.

По мнению рецензентов, данный справочник представляет собой позитивный пример того, как исследователи из различных дисциплин могут внести свой вклад в существующие дискуссии о пищевой преступности. Вполне обосновано утверждение, что проблемы продовольственной преступности и вреда лучше всего решать путем междисциплинарных исследований. Хотя сборник отражает больше мультидисциплинарный, а не междисциплинарный подход, тем не менее книга содержит разнообразные материалы по криминологии, социологии, праву, географии, политологии и

здравоохранению среди многих других, которые предлагают полезные идеи в этой области.

Справочник состоит из восьми разделов, каждый содержит три главы, написанные разными авторами, имеющими опыт работы в соответствующих областях. В первом разделе, озаглавленном «Размышления о пищевой преступности», рассматривается проблема пищевой преступности с криминологической точки зрения, включая способы незаконного поведения в сфере пищевой промышленности. Авторы этого раздела указывают на фундаментальную теоретическую перспективу исследования социального вреда, который наносят человеку и окружающей среде продовольственные преступления. При этом они утверждают, что правовые рамки и регулятивный надзор недостаточно решают существующие проблемы данного вида преступности. Подход, основанный на социальном вреде, дает альтернативную возможность рассматривать вредные действия или бездействие в отношении потребителей, работников, предприятий, животных и широкой общественности во всей мировой пищевой промышленности. Здесь не обязательно возможен призыв к «отказу» от криминологии в пользу социального вреда, но преимущества подхода к социальному вреду признаются при концептуализации пищевой преступности. Многие авторы в сборнике ссылаются на этот подход, хотя иногда и неявно. Напряженность между «преступлением» и «ущербом» становится все более важной проблемой, так как наблюдается вызов традиционным границам криминологии, особенно по мере того как становится очевидным более широкий спектр вреда, существующий даже в большинстве законных отраслях промышленности.

В втором разделе обсуждается продовольственная преступность применительно к стадиям ведения сельского хозяйства и производства продовольствия. Здесь рассматриваются этические проблемы, с которыми сталкиваются фермеры, как производители, в частности, с уникальными проблемами, связанными с физической средой, такими, как экстремальные температуры и сезонность, в результате чего принимаемые решения могут привести к пищевой преступности. Целый ряд других факторов давления, включая принятие организационных решений, действия других фермеров и финансовые соображения, может побудить некоторых

фермеров продолжать неэтичную практику. В рамках практики ведения сельского хозяйства рассматриваются вопросы о трудовой эксплуатации в связи с производством какао и детского труда как с исторической, так и с современной точек зрения.

Раздел третий касается пищевой промышленности, маркетинга и доступа к продовольствию. Рассматриваются вопросы, связанные с ожирением и доступом к продуктам питания, ролью отбора проб пищевых продуктов в целях борьбы с их фальсификацией и обеспечения доступа к более здоровым вариантам питания. Хотя на первый взгляд некоторые из этих дискуссий могут показаться далекими от непосредственного контекста продовольственной преступности, они представляются полезными, так как позволяют рассмотреть более широкую область пищевой промышленности и, в конечном счете, увидеть, где возможности для продовольственной преступности наиболее велики.

В разделе четвертом речь идет прежде всего о роли корпораций в продовольственной преступности, особенно в контексте «дешевого» капитализма с точки зрения деловой морали, использования низкооплачиваемого труда и небезопасных товаров для максимизации уровня прибыли. Ключевые темы этого раздела включают отсутствие консенсуса на уровне правовой политики в отношении положений о борьбе с продовольственной преступностью, понятие государственно-корпоративной преступности как комбинации вредных корпоративных действий в сочетании с плохим государственным надзором, а также стратегические проблемы, с которыми сталкиваются предприятия при одновременном снижении издержек и соблюдении ими требований законодательства.

Вопросы торговли продовольствием и его доставки, регулирующие сети в ЕС, и роль этики справедливой торговли рассматриваются в пятом разделе. Здесь же затрагивается проблема вреда животным при их транспортировке. Отмечается, что жестокое обращение с животными при производстве продуктов питания традиционно игнорировалось по сравнению с другими вредными явлениями в этой сфере. Такая дискуссия приветствуется рецензентами.

В разделе шестом подробно рассматриваются различные технологические особенности и процессы, которые могут способ-

ствовать пищевой преступности. В частности, часть этого раздела посвящена работе Хейзела Кроулла (Н. Croall) «Продовольствие, преступность, вред и регулирование» («Food, crime, harm and regulation», 2012), одного из первых криминологов, исследовавших вред производства пищевых продуктов. Х. Кроулл в своей книге утверждает, что экономический контекст неолиберализма как доминирующей идеологии западной продовольственной системы является криминогенным, поскольку он поощряет культуру, в которой прибыль является приоритетной в той мере, в какой девиантное корпоративное поведение нормализуется. Другими словами, вред – это «издержки ведения бизнеса».

В разделе седьмом рассматривается ряд факторов, связанных с «зеленым питанием», включая современные проблемы, такие, как изменение климата, пищевые отходы и детское питание. Здесь обозначен целый ряд потенциальных вредных последствий, включая, например, вред окружающей среде из-за пищевых отходов, воздействие вредной пищи на более бедное население и на здоровье детей, уязвимых при дефиците питательных веществ в пище. Этот раздел выходит за рамки конкретной проблемы продовольственной преступности, объясняя, каким образом капиталистические процессы, связанные с производством, могут служить предвестниками возникновения продовольственной преступности.

В заключительном, восьмом разделе обсуждается роль потребителей в восприятии корпоративных правонарушений в рамках продовольственной системы, включая «продовольственную демократию», реакцию потребителей на скандалы с безопасностью пищевых продуктов и ключевые реакции на пищевые преступления. Здесь авторы использовали хорошо известные фразы, такие, как «потребитель-король» («the consumer is king»), чтобы объяснить, как реакция потребителей на корпоративные скандалы может служить формой внешнего давления на принятие бизнес-решений, а также показать, как некоторые потребители могут быть восприимчивы к рекламным кампаниям крупных многонациональных фирм. В этом разделе подробно обсуждаются основные факторы, которые потребители могут учитывать, когда им становится известно о скандалах по поводу безопасности пищевых продуктов или изменении компаниями места ведения бизнеса, подозреваемого в пищевой преступности. Эти факторы включают в

себя распределение ответственности между компаниями или правительствами; частоту скандалов; а также то, в какой степени потребители считают, что компания может решить проблему самостоятельно, без внешнего надзора. Такие соображения хорошо сочетаются с более широкими дискуссиями о саморегулировании в этой сфере.

Одним из преимуществ книги, по мнению рецензента, является то, что она выходит за рамки непосредственных проблем, связанных с пищевой преступностью, и рассматривает более широкий спектр вреда в рамках глобальной агропродовольственной промышленности, включая трудовую эксплуатацию, проблемы здоровья и безопасности, питание, а также обращение с животными. В этом контексте роль человека становится предметом более пристального внимания. Книга содержит полезные иллюстрации различных криминальных и / или этически сомнительных процессов в рамках местных, национальных и глобальных продовольственных систем. Те, кто интересуется одной или несколькими из этих сфер, несомненно, найдут эту коллекцию полезной.

О.Л. Алферов

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал
Серия 4

**ГОСУДАРСТВО
И
ПРАВО
2022 № 2**

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман
Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор С.Е. Шелимова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 07.04.2022

Формат 60×84/16	Бум. офсетная № 1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 14,5	Уч.-изд. л. 11,6
Тираж 300 экз.	Заказ № 17
(1–110 экз. – 1-й завод)	

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

